

**МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени М. В. ЛОМОНОСОВА**

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

ЯЗЫК СОЗНАНИЕ КОММУНИКАЦИЯ

**Сборник научных статей,
посвященный памяти**

Надежды Васильевны Котовой

и

Ольги Александровны Ржанниковой

Выпуск 54

*Памяти
Надежды Васильевны Котовой
и
Ольги Александровны Ржанниковой*

*Надежда Васильевна Котова
(1926-2015)*

*Ольга Александровна Ржанникова
(1955-2014)*

УДК 81
ББК 81
Я410

Р е д к о л л е г и я :

доктор филологических наук Н.Е. Ананьева, доктор филол. наук Е.Л. Бархударова,
доктор филол. наук И.А. Бубнова, доктор филол. наук И.В. Зыкова,
доктор филол. наук А.И. Изотов, доктор филол. наук В.В. Красных, Е.В. Тимонина

Р е ц е н з е н т ы :

доктор филологических и доктор педагогических наук, профессор *Ю.Е. Прохоров*,
доктор педагогических наук, профессор *В.В. Молчановский*

Электронные версии (.pdf) всех опубликованных выпусков доступны на
http://www.philol.msu.ru/~slavphil/books/jsk_index.html

Представляя рукопись в редколлегию, авторы тем самым выражают согласие с их без-
гонорарным опубликованием в сборнике "Язык, сознание, коммуникация" в печатном
и/или электронном виде

Язык, сознание, коммуникация: Сб. научных статей, по-
священный памяти Надежды Васильевны Котовой и Ольги
Александровны Ржанниковой / Отв. ред. В. В. Красных, А. И. Изо-
тов. – М.: МАКС Пресс, 2016. – Вып. 54. – 136 с.

ISBN 978-5-317-05379-6

Сборник содержит статьи, рассматривающие различные проблемы комму-
никации как в свете лингвокогнитивного подхода, так и в сопоставительном
аспекте, а также наиболее актуальные проблемы лингводидактики. Особое
внимание уделяется национальной специфике общения, проявляющейся в осо-
бенностях ассоциативных рядов, коннотативного потенциала и восприятия
художественных текстов.

Сборник предназначен для филологов – студентов, преподавателей,
научных сотрудников.

Language - Mind - Communication. Issue 54 / Krasnykh, V.V.; Izotov, A.I.
(Eds). - Moscow: MAKS Press, 2016. - 136 p.

The present issue includes articles which consider the most important prob-
lems of Russian studies, lingual-cultural studies, sociolinguistics, psycholinguistics
and language teaching.

Keywords: Russian studies, English studies, sociolinguistics, psycholinguis-
tics, lingual-cultural studies, idiom, corpus analysis; lexicography.

УДК 81
ББК 81
Я410

ISBN 978-5-317-05379-6

© Авторы статей, 2016

СОДЕРЖАНИЕ / CONTENTS

<i>Ананьева Н.Е.</i> Учитель и Ученица: Памяти Надежды Васильевны Котовой и Ольги Александровны Ржанниковой.....	4
<i>Гудков В.П.</i> Надежда Васильевна Котова в моей жизни	7
<i>Гудков В.П.</i> Памяти Ольги Александровны Ржанниковой	10
<i>Делева Н.П.</i> О Надежде Васильевне Котовой – с преклонением	13
<i>Каржавина Н.Н.</i> Язык профессии в зеркале перевода (на материале болгарского и русского языков).....	16
<i>Мельникова И.Ю.</i> Русско-болгарские переводы. История и перспективы	28
<i>Гливинская В.Н.</i> Глоттометрия. Что стоит за цифрами?	36
<i>Тимонина Е.В.</i> Партиципальные морфемы болгарского языка (опыт статистического исследования)	54
<i>Белова М.Н.</i> Оппозиции аорист/имперфект и совершенный/несовершенный вид в истории болгарского языка	63
<i>Иванова И.Е.</i> Вводные слова в сербском и русском языках	71
<i>Скачедубова М.В.</i> О некоторых особенностях функционирования -л- формы в Ипатьевской летописи	78
<i>Изотов А.И.</i> Современный церковнославянский язык и «тремязычная ересь».....	84
<i>Тарасова Е.Ю.</i> Лексико-грамматические параллели и расхождения геортонимов, называющих Господские и Богородичные праздники	93
<i>Седакова И.А.</i> Славянское и заимствованное слово как синонимы в болгарской речи: различия в семантике и узусе	100
<i>Кудрявцева Ю.В.</i> Диалектные особенности в речи героев современных болгарских фильмов.....	110
<i>Ржанникова О.А.</i> Категория определённости / неопределённости и ее реализация в болгарском языке	116
Авторы выпуска / Authors	135

УЧИТЕЛЬ И УЧЕНИЦА: ПАМЯТИ НАДЕЖДЫ ВАСИЛЬЕВНЫ КОТОВОЙ И ОЛЬГИ АЛЕКСАНДРОВНЫ РЖАННИКОВОЙ

Н.Е. Ананьева

**TEACHER AND HER DISCIPLE: IN MEMORY OF NADEZHDA V. KOTOVA
AND OLGA A. RZHANNIKOVA**

N.E. Ananjeva

ABSTRACT:

The issue is dedicated to the memory of a famous bulgarist Nadezhda V. Kotova and her disciple Olga A. Rzhannikova.

Keywords: Bulgarian, Slavic philology

АННОТАЦИЯ:

Сборник посвящается памяти выдающегося болгариста Надежды Васильевны Котовой и её ученицы Ольги Александровны Ржанниковой
Ключевые слова: болгаристика, славистика.

Этот сборник посвящен юбилейным датам двух, к сожалению, ушедших от нас в прошлом учебном году болгаристов: 90-летию доцента кафедры славянской филологии филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова Надежды Васильевны Котовой (1926-2015) и 60-летию доцента той же кафедры Ольги Александровны Ржанниковой (1955-2014).

Надежда Васильевна уже давно не работала в МГУ, переехав в Болгарию. Но то, чему она на протяжении ряда лет талантливо и высоко- профессионально учила своих учеников, было продолжено ими и, в первую очередь, ее ученицей О.А. Ржанниковой. Учителя Котову и ее ученицу Ржанникову объединяет многое. Это исследовательский талант, готовность к повседневной самоотверженной преподавательской деятельности, умение заинтересовать своим предметом, неутомимый научный поиск. Н.В. Котова и ее соратник проф. Мирослав Янакиев, сами постоянно совершенствуясь, сумели заложить в своих учеников стремление к профессиональному росту, не связанное с какими-либо карьерными соображениями. Они были редким образцом самоотверженного и бескорыстного служения науке. К сожалению, их фундаментальная «Грамматика болгарского языка для владеющих русским языком» (М., 2001 г.) осталась трудом недооцененным, поскольку для ее адекватной оценки необходимы конгениальные Котовой и Янакиеву исследователи. А ученые подобного масштаба – явление редкое. Наде-

юсь, что со временем труду Н.В. Котовой и М. Янакиева воздастся должное.

После кончины М. Янакиева Надежда Васильевна осталась в Софии, завершила работу над полным словарем болгарского села Горно Поле, монографическому описанию которого была посвящена ее кандидатская диссертация, работала над наследием М. Янакиева, подготовила диалектные албанские тексты.

Н.В. Котову и О.А. Ржанникову объединяет то, что в болгаристику они пришли не из филологической среды. Н.В. Котова родилась в семье почтальона, о чем вспоминает в «Зигзагах памяти» С.Б. Бернштейн (отмечая способности студентки Н. Котовой). Кстати, уже в студенческие годы она считалась на своем отделении, по воспоминаниям тоже уже покойной болгаристки, доктора филологических наук Татьяны Вениаминовны Поповой, «звездочкой». О.А. Ржанникова выросла в семье военнослужащего. Если Н.В. Котова сразу после стажировки в Болгарии начала преподавать на славянском отделении, то у О.А. Ржанниковой путь на славянское отделение в качестве преподавателя был не такой прямой. После окончания университета она продолжительное время преподавала болгарский язык слушателям Всесоюзной академии внешней торговли, что позволило ей приобрести ценный преподавательский опыт. На кафедру славянской филологии О.А. Ржанникова пришла в 1992 г. и сразу окунулась в научную и дидактическую деятельность: чтение курса по истории и диалектологии болгарского языка, спецкурсы и спецсеминары, практические занятия, подготовка кандидатской диссертации «Формирование научного стиля современного болгарского языка», которая была успешно защищена в 2000 г. О.А. Ржанникова передавала эстафету знаний, полученных от Н.В. Котовой и М. Янакиева, своим ученикам. Будучи блестящим лектором, она многих студентов привлекала к участию в работе своих семинаров, на которых воспитывались будущие аспиранты. Под руководством О.А. Ржанниковой защитили кандидатские диссертации М.Н. Белова и Е.Ю. Терентьева, подготавливались к защите Г. Федорина, Е. Сулова и Ю. Кудрявцева. В последний год работы О.А. Ржанниковой на факультете к ней в аспирантуру поступила А. Тверицкая. Тема ее диссертационного сочинения (категория определенности-неопределенности) была инспирирована интересом О.А. Ржанниковой к данной проблематике, по которой в последнее время она вела большую исследовательскую работу. К сожалению, неумолимая судьба не дала завершиться этому многообещающему исследованию.

И Н.В. Котова и О.А. Ржанникова были людьми высокой культуры и интеллигентности. Н.В. Котова вспоминала, как на I курсе она долгие часы просиживала в Ленинке, читая театроведческие работы. И не случайно именно Надежда Васильевна объяснила автору этих строк, что значит слово «вампука», употребленное в нашей общей беседе с проф. С.Б. Бернштейном, а именно: это плохая театральная постановка, китч.

Только позднее я узнала происхождение этого слова: от названия фарса-оперы М.Н. Волконского «Вампука, принцесса африканская». А Котова знала, что К.С. Станиславский часто употреблял это слово. Излишне говорить, что и Надежда Васильевна, и Ольга Александровна прекрасно знали художественную литературу, следили за ее новинками. В последние годы, когда Надежда Васильевна изредка позванивала мне из Софии, она говорила, что спасается от депрессии, одолевшей ее после завершения работы над албанскими текстами, чтением А. Пушкина. Очень трогательными и печальными были ее слова в последней полученной от нее открытке: «Вы луч света в моей интравертной старости»

О.А. Ржанникову и Н.В. Котову объединяет также то, что обе они много сил и времени уделяли своим племянникам: Надежда Васильевна воспитывала племянника Васю, Ольга Александровна подготовила из племянницы и племянника филологов.

О научных и человеческих достоинствах Н.В. Котовой и О.А. Ржанниковой можно писать бесконечно. Всем нам их очень не хватает. И нельзя согласиться с В. Жуковским который советует «не говорить с тоской: их нет», потому что эта тоска по ушедшим (особенно безвременно) всегда остается. Но можно согласиться с поэтом в том, чтобы сказать «с благодарностью: были».

Будем их помнить.

*Зав. кафедрой славянской филологии
Проф. Н.Е. Ананьева*

НАДЕЖДА ВАСИЛЬЕВНА КОТОВА В МОЕЙ ЖИЗНИ

В.П. Гудков

NADEZHDA V. KOTOVA IN MY LIFE

V.P. Gudkov

ABSTRACT:

The text is dedicated to the memory of a famous bulgarist Nadezhda V. Kotova.

Keywords: Bulgarian, Slavic philology

АННОТАЦИЯ:

Текст посвящается памяти выдающегося болгариста Надежды Васильевны Котовой

Ключевые слова: болгаристика, славистика.

Изучение в нашей группе сербского языка как основного сопровождалось, вернее, дополнялось вторым славянским языком – болгарским, не помню определенно, но вероятно на III и IV курсах. Преподавала болгарский Вера Владимировна Бородич, «старославянист», выучившая болгарский язык из книг, в частности из переведённой ею «Грамматики» Андрейчина. Непосредственного общения с носителями языка не имела, в Болгарии не бывала и, как вспоминала её ученица Е.И. Дёмина, хорошо освоила грамматический «скелет», но произносительные свойства «моделировала» по книжным описаниям болгарской фонетики. См. изложение рассказа Дёминой на заседании, посвященном памяти В.В. Бородич (Вестник Моск. ун-та. Сер. 9. Филология, 1997, № 6. С. 161).

Когда учебный курс приближался к концу, было это году в 1954, скорее, в 1955, Веру Владимировну заменила молодая, только что вернувшаяся из Болгарии Надежда Васильевна Котова. И как будто преобразовалась стихия языка, будто стоячая вода пруда заменилась свежей ручьевой. Так произошло наше знакомство. В позиции учитель–ученик мы находились очень недолго, но след её остался навсегда: общаясь с Н. Котовой, я называл её только Надеждой Васильевной, она меня – Володей, не иначе.

Мы работали в штате кафедры славянской филологии вместе до 1986 года, когда Надежда Васильевна оставила факультет и уехала с Мироslавом Янакиевым в Болгарию, потом переписывались, изредка виделись то в Москве, то в Софии, о многом говорили, но как-то остался непрояснённым вопрос, вяло тлевший в моём сознании: обстоятельства её пребывания в Болгарии в пятидесятых годах прошлого века.

Знаю, что Надежда Васильевна, окончив наше славянское отделение, провела несколько лет в Болгарии, лингвистически там фундаментально обогатилась, написала и защитила кандидатскую диссертацию по болгарской диалектологии, приобрела друга на всю жизнь и соратника Мирослава Янакиева. Но часто упоминавшиеся в разговорах занятия албанским языком, записанные ею и подготовленные к изданию албанские диалектные тексты, к чему это? Праздная любознательность? Чудится мне, что Бернштейн с его балканистским пристрастием направлял Н. Котову на албанистику, вкупе, может быть, с болгаристикой. Не знаю, и спросить уже некого.

Работая вместе, мы имели много общих тем: учителя, сокурсники, ученики, к которым Надежда Васильевна относилась трогательно-придирчиво. Ей был очень симпатичен Слава Иллич-Свитыч, свободно-непринуждённо овладевавший и болгарским языком тоже.

Беспокоило и заботило Надежду Васильевну состояние ценных материалов в бесхозном архиве кафедры: имеющих научную и историческую ценность дипломных работ, россыпь фотоматериалов. Она передала на кафедру много фотографий из диалектологических экспедиций, уповая на внимание коллег к этим экспонатам.

В Москве у меня хранятся письма Надежды Васильевны из Болгарии. В последние годы она продолжала писать мне по московскому адресу, и Андрей [сын В.П. Гудкова] доставлял корреспонденцию в мою нынешнюю обитель. Эти послания (все) ценны и бытовой информацией, и реакцией на злободневности болгарской науки, и душевно-портретным отпечатком автора.

К одному недатированному новогоднему поздравлению (на 2013 год?) приложена фотография с припиской: «Узнаёте ли Вы меня в этой скорбной старухе?» А на обороте ещё:

Если встретиться нам не придётся
(Ведь жестока бывает судьба),
Пусть на память тебе остаётся
Неподвижная личность моя

(Из бессарабских записей)

В последний год знакомые постоянно говорили, что Надежда Васильевна в депрессии, она не отвечает на телефонные звонки, никого к себе не пускает. И мне не удавалось связаться с ней. Но 17 октября 2014 г. она откликнулась. Воспроизвожу свою запись в ежедневнике: «Я не раз последние месяцы набирал номер Н.В. Котовой, безуспешно. Сегодня она откликнулась, здраво, нормальным голосом. О смерти Ольги (О.А. Ржанниковой) знает. О себе: из дома почти не выходит, и Мирена [дочь Янакиева] после двух институтов не может её навещать. Упомянула депрессию, но (порадуемся) сказала, что закончила возню с албанскими текстами и отправит их Ирине Седаковой».

Личность Надежды Васильевны незабываема.

Г.К. Венедиктов сказал мне, что албанские тексты у Седаковой. Раньше Надежда Васильевна писала мне, что пишет объяснительное предисловие к этим материалам. Когда их издадут, узнаем подробности албанистических интересов Надежды Васильевны.

ПАМЯТИ ОЛЬГИ АЛЕКСАНДРОВНЫ РЖАННИКОВОЙ

В.П. Гудков

IN MEMORY OF OLGA A. RZHANNIKOVA

V.P. Gudkov

ABSTRACT:

The text is dedicated to the memory of Olga A. Rzhannikova.

Keywords: Bulgarian, Slavic philology

АННОТАЦИЯ:

Текст посвящается памяти Ольги Александровны Ржанниковой

Ключевые слова: болгаристика, славистика.

Проходят дни, недели, месяцы. Время скрадывает подробности событий, но не искореняет боль утраты. Умерла Ольга Александровна Ржанникова. В типичный для профессиональных филологов возрастной период наиболее продуктивной самореализации ее жизнь оборвала во время не диагностированная болезнь (опухоль мозга).

Талантливый филолог-славист, одухотворенный педагог, кандидат филологических наук доцент О.А. Ржанникова принадлежала к третьему поколению языковедов-болгаристов филологического факультета МГУ. Ее жизненное определение и творческая деятельность зримо гармонировала с содержанием и потребностями современного университетского славистического образования.

В первое десятилетие существования открытой в 1943 году кафедры славянской филологии студенты учебного славянского отделения усваивали болгарский язык преимущественно пассивно. Это было обусловлено, во-первых, научно-филологической ориентацией и уровнем профессиональной лингводидактической компетентности ведущих преподавателей – С.Б. Бернштейна и В.В. Бородич и, во-вторых, отсутствием регулярного общения учащихся, да и самих преподавателей с носителями болгарского литературного языка.

Положение изменилось с зачислением в штат кафедры воспитанницы славянского отделения Надежды Васильевны Котовой, которая, продолжив образование в Софии, написав и защитив кандидатскую диссертацию в Болгарии, безупречно освоила теоретически и практически язык страны в его литературной форме и диалектных разновидностях. Основательная славистическая подготовка Н.В. Котовой в МГУ, а затем в Софийском университете, совершенное владение болгарским языком и ее склонность к педагогической работе, а также многолетнее

плодотворное сотрудничество с инициативным болгарским лингвистом Мирославом Янакиевым, ряд лет работавшим в МГУ, обусловили и обеспечили полноценное высокое качество обучения (ею и ими) студентов-болгаристов. В результате, на исходе XX века лингводидактическая болгаристика в МГУ и в ряде других учебных заведений стала призванием и профессией многих учеников Н.В. Котовой и М. Янакиева, в частности преподавателей филологического факультета МГУ Е.В. Тимониной и О.А. Ржанниковой.

Ольга Александровна Ржанникова родилась и провела детство в дальневосточном городе Советская Гавань. Географическая среда пробудила в ней и питала интерес к языку и культуре сопредельного народа. Окончив школу в Москве, Ольга обратилась в ИСАА МГУ, но была сразу отвергнута по медицинским показателям (слабому зрению) и поступила на славянское отделение филологического факультета, где в качестве основной специализации изучала с 1973 по 1978 год болгарский язык и славянские литературы. В выпускной дипломной работе она исследовала под руководством Н.В. Котовой турцизмы в литературных болгарских текстах, что предвосхитило ее будущее увлечение исторической стилистикой.

Два года после выпуска были для О.А. Ржанниковой временем трудовой нестабильности и неопределенности, пока в 1980 году она не заняла постоянную должность преподавателя болгарского языка на кафедре языков социалистических стран, вскоре переименованной в кафедру славянских языков Всесоюзной академии внешней торговли. Более чем за десять лет работы в этом заведении Ольга Александровна обогатилась ценным опытом преподавания болгарского языка далеким от филологии учащимся.

После ухода Н.В. Котовой на пенсию и ее отъезда в 1986 году вместе с Мирославом Янакиевым в Болгарию лингвистическую болгаристику обеспечивали на кафедре их ученицы Е.В. Тимонина и И.А. Седакова. Но в 1992 г. Седакова уволилась, отдав предпочтение вольному трудовому режиму академического Института славяноведения. Тогда на образовавшуюся вакансию была приглашена и зачислена в штат кафедры славянской филологии О.А. Ржанникова.

Ретроспективный обзор функционирования кафедры в период с девяностых годов прошлого века свидетельствует, что включение О.А. Ржанниковой в коллектив кафедры славянской филологии стало не рядовым эпизодом пополнения кадров, но многозначительным, животворным по своей сути событием, воплотившимся впоследствии в трех проявлениях.

Первое – увлеченное и, можно сказать, жизнерадостное исполнение всего, что входит в обязанности университетского преподавателя, всех видов, предусмотренных учебным планом и традиционными обязанностями работ, от рутинных аудиторных занятий до научных изысканий. Второе – инициативное обогащение регламентированного учебного процесса творческими задачами, не обязательными, но привлекатель-

ными для одаренных студентов. Третье – благотворная «атмосферообразующая» позиция в коллективе сотрудников и учащихся.

В течение двадцати двух лет трудового стажа в МГУ О.А. Ржанникова безупречно выполняла обширную совокупность разных видов работы, предусмотренных учебным планом славянского отделения, начиная с практического курса болгарского языка. Благодаря основательному базовому образованию в школе Н.В. Котовой и М. Янакиева и природной ментальной одаренности она умело разработала лекционные курсы «История и диалектология болгарского языка» и «Методика преподавания славянских языков», спецкурсы по актуальным вопросам лингвистической болгаристики. В 2000 г. О.А. Ржанникова защитила кандидатскую диссертацию «Формирование научного стиля современного болгарского литературного языка». Заняв в 2004 году должность доцента, она получила право руководить аспирантами, и через четыре года ее ученица М.Н. Белова защитила диссертацию по истории глагола в болгарских текстах XIV-XV вв.

Ольга Александровна активно участвовала во многих международных и местных научных конференциях, опубликовала статьи и тезисы докладов в российских и болгарских изданиях. В последнее время она многообещающе, судя по первоначальным публикациям, исследовала грамматическую категорию определенности в болгарском языке.

Достопримечательным, драгоценным свойством О.А. Ржанниковой было ее энергичное стремление, выходя за рамки предписанных учебным планом и программой занятий, побуждать студентов к творческому использованию знания изучаемого языка. Она стала инициатором и в течение десятилетий организатором студенческого межвузовского конкурса переводов на русский язык болгарских художественных текстов, добившись заинтересованной весомой поддержки со стороны посольства Болгарии и болгарского культурного центра в Москве. В 2014 году подготовленные Ольгой Александровной студентки завоевали три призовых места на конкурсе молодых литераторов и переводчиков России и Болгарии «Славянское братство» в номинации «Перевод с болгарского языка». Следует особо сказать о том, что характерно для жизненного стиля О.А. Ржанниковой: сверхпрограммное, так сказать, обучение и воспитание ею студентов-болгаристов происходило почти незаметно для большинства коллег по кафедре, без разговоров и шумихи.

В коллективе кафедры, в среде разновозрастных и разнонаправленных людей Ольга Александровна занимала благотворную атмосферообразующую позицию. Социально активная и бесконфликтная, она была бессрочно избранным профгруппоргом, помнящим о днях рождения, юбилеях, иных достойных внимания и застольных трапез событиях.

А теперь вот ее кончина стала поводом для поминальной тризны.

Да не померкнет, не изгладится в нашем сознании и памяти нашей светлый образ Ольги Александровны Ржанниковой, с которой судьба свела нас на жизненном трудовом пути. Вечная ей память!

О НАДЕЖДЕ ВАСИЛЬЕВНЕ КОТОВОЙ – С ПРЕКЛОНЕНИЕМ

Н.П. Делева

ABOUT NADEZHDA V. KOTOVA - WITH A WORSHIP

N.P. Deleva

ABSTRACT:

The text is devoted to memory of a famous bulgarist of Nadezhda V. Kotova.

Keywords: Bulgarian, glottometry

АННОТАЦИЯ:

Текст посвящается памяти выдающегося болгариста Надежды Васильевны Котовой

Ключевые слова: болгаристика, глоттометрия.

Трудно словами описать человека высокой науки и высокой нравственности.

Его труды и отношение к своему делу говорят сами за себя.

Н. В. Котова – ученый широкого профиля. Ее интересовали по-настоящему научные вопросы. Старт в науку для нее – блестящий. Она отличница специальности, руководитель кафедры С. Бернштейн заметил и оценил ее способности. В период 1948-1950 участвует в студенческих экспедициях. С 1977 г. по ее инициативе их проведение возобновляется на территории болгарских деревнях в Молдавской и Украинской ССР. Более двадцати лет преподает болгарский язык студентам-болгаристам на кафедре славянской филологии МГУ. Более десяти лет руководит дипломными работами студентов-болгаристов, которые специализируются в области лингвистики, работая по единой глоттометрической методике. Н. В. Котова предъявляет высокие требования к студенческим работам, поэтому результаты ее дипломников можно оценить как научные достижения в области диалектологии и исторической грамматики болгарского языка,

Для Н. В. Котовой не карьера, а наука была на первом месте. Звание „доцент“ вполне соответствует ее призванию учителя. Исключительно серьезная теоретическая лингвистическая подготовка и упорная работа в области науки давали ей возможность просто и доступно объяснять сложные лингвистические вопросы, поскольку для того, чтобы их понять, надо разбираться в том, что сделано раньше. Со своей стороны, это является основанием для развития ее методических умений и именно поэтому ее воспитанники болгаристы владеют в совершенстве болгарским языком. За работой преподавателя и за доступным преподанесе-

нием фактом скрывается именно теория, целостный взгляд на лингвистическую теорию.

Н. В. Котова – универсальный лингвист, она легко работала в таких областях лингвистики, как диалектология, лингвогеография, история славянских языков, периодизация болгарского языка. С Мирославом Янакиевым они и в науке связаны неразрывно, трудно оценить у кого зародилась определенная идея, кто ее развивал и дополнял. Их научный тандем создает глоттометрический метод, возникновение которого продиктовано основным теоретическим требованием, о котором ученые придерживаются единого мнения – необходимость лингвистической науки выйти за рамки стадия рассказывания (по словам М. Янакиева – „донаучный“ этап), чтобы перейти к измерению как исследовательский метод. Это дает возможность сопоставлять такие результаты, которые в доизмерительной лингвистике невозможно было сопоставлять. Сам по себе переход к современной научной форме, связанной с измерением лингвистических фактов, является масштабным расширением предмета лингвистики. Новый исследовательский метод расширяет предмет науки. По мнению Котовой-Янакиева, лингвистические факты обладают стохастическим характером, как в любой знаковой системе, возникшей естественным путем. Исследователи вводят глоттометрический метод, опираясь на математическую статистику, которая приобретает популярность, по крайней мере, на Западе, около середины XX в. В России этот метод используется раньше, но ни в России, ни на Западе до того момента он не применялся в лингвистике как специфический лингвистический исследовательский метод. Это является причиной введения измерения в языкознании, поскольку уже создана серьезно мотивированная методика количественной обработки лингвистических данных. Котова-Янакиев ставят вопрос о том, что подвергается измерению. В этом отношении они поступают как лингвисты, в отличие от других, которые якобы применяют количественные измерения, так как они сопоставляют количественные результаты с теорией, находят ошибки и в методике измерения, и в теоретическом описании.

С одной стороны, смысл количественных измерений выражается в том, что расширяет предмет науки, создает предпосылки очень широкого сопоставления полученных лингвистических количественных результатов. Сопоставлению подвергаются разные языки, разные стили одного языка, разные периоды истории одного языка и т. д. С другой стороны, в работе Котовой-Янакиева из-за их исключительной теоретической компетентности, эти результаты возвращаются к теории и накладывают очевидные переосмысления привычных для филолога понятий, как фонема, морфема, слово, словосочетание. Таким образом, создана и модель идеолекта, который, в конечном счете, является моделью общей семиотики. В результате их достижений становится видным расширение предмета лингвистики.

Процесс работы у Котовой-Янакиева не предоставляет возможности отличить идеи одного и другого, так что нельзя утверждать, что их экспериментальные полевые исследования можно отделить от теоретической работы, которую они осуществляют и публикуют. Вероятно, это является причиной того, что их теоретические идеи воспринимаются немногими, воспринимаются с трудом в современной лингвистике. Современные теоретики не располагают достаточным количеством глоттометрических данных, они не дооценивают этот факт, потому что, к сожалению, недостаточно его осознают.

Симбиоз, неразрывная связь между полевой, эмпирической работы и фактами и их измерение, осмысление полученных результатов находится в основе «Грамматики болгарского языка для владеющих русским языком» Котовой-Янакиева (2001). Этот колоссальный труд – плод их масштабного методического и педагогического опыта, который является сочетанием осмысленной теоретической материи и эмпирическими данными. «Грамматика» располагает такой богатой и новой информацией, что ее изучение, исследование и применение принадлежит будущему.

Научные идеи Котовой-Янакиева развивают их верные последователи и талантливые ученики – В. Н. Гливинская и Е. В. Тимонина. А. Ивановым создан сайт miryan.org, где выложены ценные сведения и публикации ученых, который дает возможность исследователям – настоящим и будущим – ознакомиться с их достижениями.

Научное сообщество в России и Болгарии по достоинству чтит память о Н. В. Котовой и М. Янакиеве, а будущим лингвистам предоставлена возможность совершить новые шаги в области русистики и болгаристики.

Л и т е р а т у р а / R e f e r e n c e s

Библиотека публикаций Надежды Васильевны Котовой [сетевой ресурс, обращение 19 мая 2016] http://miryan.org/library/library_nvkc.html

ЯЗЫК ПРОФЕССИИ В ЗЕРКАЛЕ ПЕРЕВОДА (НА МАТЕРИАЛЕ БОЛГАРСКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКОВ)

Н.Н. Каржавина

*Светлой памяти моих Учителей
Н.В. Котовой и М. Янакиева посвящается*

PROFESSIONAL LANGUAGE IN THE MIRROR OF TRANSLATION (BASED ON RUSSIAN AND BULGARIAN LANGUAGES)

N.N. Karzhavina

ABSTRACT:

This is an essay to highlight the translation problems facing the Russian speaking students learning the Bulgarian as their basic language for the future inter-national carrier. The author considers that these problems depend on the different language associations which are caused by the different linguistic approach. That may lead to misinterpretation of the translated information. In this aspect the author presents temporal system of the Bulgarian language with due consideration of persuasiveness. At the same time, the importance of epistemic status of the speaker is stressed. Negative interference – unavoidable conflict in the process of learning of related languages - is a special risk which is manifested in learning of Bulgarian phonetics, grammar and vocabulary (mainly in interlingual homonyms that are misleading words).

Keywords: translation; Bulgarian language; analytical structure of a language; negative interference; transliteration; temporal system; persuasiveness; thesaurus of specialists in International Relations.

АННОТАЦИЯ:

В статье предпринята попытка показать сквозь призму перевода трудности, с которыми сталкиваются русскоязычные студенты, изучающие болгарский язык как язык профессии международного специалиста. По мнению автора, они во многом обусловлены несовпадением языковой картины мира у русских и болгар при восприятии и передаче информации и незнание которых может привести к искажению передаваемой (переводимой) информации, получаемой иноязычным адресатом. В этом ракурсе и представлена темпоральная система болгарского языка с учетом категории персуазивности, при этом отмечается важность определения эпистемического статуса говорящего – отправителя информации. Особую опасность представляет негативная интерференция – неизменный спутник при изучении родственных языков, которая проявляется при освоении болгарской фонетики, грамматики и лексики (главным образом в

межъязыковых омонимах, являющихся «ложными друзьями» переводчика).

Ключевые слова: перевод; болгарский язык; аналитический строй; негативная интерференция; транслитерация; темпоральная система; персуазивность; тезаурус международника.

Одной из главных составляющих подготовки высококлассных специалистов-международников, изучающих болгарский язык как иностранный, является овладение языком профессии, то есть всеми языковыми средствами и компетенциями, которые являются инструментом будущего дипломата и предназначены обеспечивать работу в МИДе России, а также в посольстве и консульствах России в Болгарии. Цель данной статьи – показать сквозь призму перевода те трудности, с которыми сталкиваются изучающие болгарский язык с точки зрения будущей профессии, одной из составляющих которой является перевод. Трудности переводческой деятельности во многом обусловлены такими явлениями языка, которые вызваны несовпадением языковой картины у русских и болгар при восприятии и передаче информации и незнание которых может привести к искажению достоверности передаваемой (переводимой) информации, получаемой иноязычным адресатом.

Язык профессии, изучаемый на факультете международных отношений МГИМО, не сводится лишь к тезаурусу, который обслуживает дипломатическую переписку, официальные и неофициальные переговоры, заседания смешанных комиссий, конференции, выступления российских и болгарских политических и государственных деятелей, а затрагивает все уровни – фонетику, грамматику, лексику.

Еще Реформатский говорил, что самое опасное при изучении родственного языка, – это «найти «похожее» и принять его за то же»¹, что часто происходит в процессе восприятия, сводя к минимуму его операции. Опасность негативной интерференции при освоении болгарской фонетики, грамматики и лексики постоянно подстерегает русскоязычных студентов, изучающих болгарский язык, провоцируя многочисленные ошибки.

Небрежное оформление болгарского высказывания с точки зрения фонетики, может быть, и не нарушает акт коммуникации, но для многих специальностей, в том числе дипломата, снижает уровень доверия получателя информации (ПИ) к отправителю информации (ОИ) в формате «свой-чужой», а также мешает переводчикам на другие иностранные языки воспринимать болгарскую речь во время конференций, многосторонних переговоров, «круглых столов» в том случае, если болгарский

¹ Реформатский А. А. Обучение произношению и фонология // Филологические науки. 1952. № 2. С. 145.

язык является «пилотным» (как правило, на мероприятиях, проводимых в Болгарии) и на нем говорит иностранец (русский). Особое значение в этом случае имеет правильная расстановка ударения, так как неправильное ударение мешает переводчику-синхронисту. Переводчик, отвлекаясь на искаженное слово, теряет секунды, что сказывается на темпе перевода.

Можно без преувеличения сказать, что для всех русскоязычных учащихся, начинающих учить болгарский язык, правильная постановка ударения является «камнем преткновения» до конца обучения, потому что русский язык, как и болгарский, имеет свободное и подвижное ударение. Ударение в болгарском языке затрудняет русскоязычных учащихся еще и потому, что вследствие родственной близости и взаимного влияния в обоих языках встречаются одинаковые или близкие по звучанию, написанию и значению лексемы, которые в словарной форме имеют различное ударение². Сравните:

<i>Русский язык</i>	<i>Болгарский язык</i>	<i>Русский язык</i>	<i>Болгарский язык</i>
авто́граф	автогра́ф	ма́гия	ма́гия
а́дрес	адрес	нарко́тик	нарко́тик
ампу́ла	ампула	о́бщество	о́бщество
бе́женец	бежане́ц	пара́граф	парагра́ф
ведо́мство	ведомство	площа́дь	площа́д
граждани́н	гражданин	рабо́та	рабо́та
граница́	граница	рента́бельность	рентабилно́ст
диспу́т	диспут	ро́дина	ро́дина
догово́р	договор	свобо́да	свобо́да
египтя́нин	египтянин	ста́тья	ста́тия
жили́ще	жилище	та́блица	та́блица
значи́мость	значи́мост	ука́з	ука́з
импо́рт	импорт	ули́ка	ули́ка
и́мпульс	импу́лс	цензу́ра	цензу́ра
ле́топись	летопи́с	э́кспорт	э́кспорт

Даже многие русизмы в болгарском языке имеют измененное ударение. Сравните:

<i>Русский язык</i>	<i>Болгарский язык</i>	<i>Русский язык</i>	<i>Болгарский язык</i>
дне́вник	дне́вник	о́трасль	отра́сьл
догово́р	договор	про́лив	про́лив
доход	доход	уро́вень	уровен

² См. Приложение 1. в Каржавина Н.Н. Частная методика преподавания болгарского языка: Методическая разработка. – М.: МО РФ — Военный университет, 2005. – С. 49-58.

залив залив устав устав

К искажению информации может привести и несоблюдение правил транслитерации при передаче имен собственных. Сотруднику дипмиссий, особенно консульств, приходится быть не только весьма внимательным при передаче того или иного имени собственного, но и давать своего рода лингвистические справки (по запросу из ЗАГСА, правоохранительных органов). Известен случай, когда при проведении следственных действий в русских документах фигурировала фамилия *Вацев (Vachev)*, взятая из загранпаспорта гражданина Болгарии, а в болгарских документах – *Въчев*, то есть русский вариант – *Вычев*. На основании этого была предпринята попытка представить дело таким образом, что документы были составлены (подписаны) двумя разными людьми. Но если *болг. [ѣ]* передается в русском языке [ы], то русское [ы] на болгарский передается [и]. Например, русская фамилия *Черномырдин* в болгарском языке передается, как *Черномирдин*.

При изучении лексики также необходимо учитывать негативную интерференцию, которая наиболее наглядно проявляется при неправильном использовании русскими болгарских лексем, относящихся к так называемым межъязыковым омонимам (полным или частичным), т. е. словам с одинаковым или почти одинаковым звучанием/написанием, но с различным значением в русском и болгарском языках, например³:

<i>БЯ</i>	<i>РЯ</i>	<i>РЯ</i>	<i>БЯ</i>
вот (<i>сущ.</i>)	вотум, голосование	вот (<i>част.</i>)	это
запор <i>юр.</i>	арест на имущество, запрет	запор	това
клей	древесная смола	клей	запек <i>мед.</i> , ключалка, мандало
нафт	дизельное топливо	нефть	лепило
плитка	коса	плитка (облицовочная)	петро̀л
		плитка (кафельная)	плочка
		плитка (эл.)	ка̀хла
коса̀	волосы		котло̀н
крик	домкрат	крик	вик
лифт	фуникулѐр	лифт	асансьо̀р
олово	свинец	олово	кала̀й
пушка	ружье, винтовка	пушка	топ, орьди́е
		«пушка»	патла̀к, пишо̀в

³ См. Приложение 2. Там же. С. 58-69.

слепок	фурункул	(разг.) слепок	копие, калъп
табак	большой лист плотной бумаги, ватман	табак	тютюн
ватман	вагоновожатый		
тормоз	гнет (моральный), помеха	тормоз	спирачка, спи- рач <i>воен.</i>

Межъязыковые омонимы вводят в заблуждение русских при восприятии болгарского текста и вводят в заблуждение адресата - носителя болгарского языка в случае их неправильного использования русскими при самостоятельном порождении болгарского высказывания. Лексемы, относящиеся к межъязыковым омонимам, являются также «ложными друзьями» переводчика при переводе с одного языка на другой.

Нередко даже сертифицированные переводчики под влиянием родного (русского) языка при переводе на болгарский язык используют болгарскую лексему «*прохождам*» - *русск.* делать первые шаги (о ребенке, об инвалиде) в выражении «Съезд проходит ...». Поэтому при составлении упражнений на переключение с одного языка на другой, предполагающих знание эквивалентов, целесообразно вставлять цепочки слов с межъязыковыми омонимами, включающие слова-«ловушки», контролируя понимание текста путем тестирования. При этом «лакмусовой бумажкой» служит контекст, который в учебных целях преподаватель может или сводить к минимуму, или, наоборот, расширять

Специалист-международник, чья деятельность связана с внешней политикой, международной журналистикой, международной экономикой или с наукой, занимающейся исследованием международных отношений и международных проблем, прежде всего должен свободно владеть литературными формами иностранного языка и, в особенности, – функциональными стилями, обслуживающими речевую деятельность в конкретной международной сфере, что не отменяет знакомство со всеми стилями болгарского языка.

При подготовке будущих дипломатов необходимой составляющей является перевод дипломатической переписки, которая включает поздравительные послания, сопроводительные записки, внешнеполитическую проблематику (сопроводительные ноты), консульскую проблематику, протокольные ноты и некоторые другие аспекты. Наибольшие трудности при переводе как с болгарского языка на русский, так и с русского языка на болгарский представляет особый стиль посланий, особые формы вежливости, используемые в соответствии с дипломатическим протоколом, например: (начало) *болг. Министерството на външните работи на република България поднася своите почитания на Посолството на Руската федерация и има честта...* - *русск.* Мини-

стерство Иностранных Дел Республики Болгарии свидетельствует свое уважение Посольству Российской Федерации в Софии и имеет честь...; (окончание) *болг. Министерството на външните работи на Република България се ползва от случая, за да поднови пред Посолството на Руската федерация своите уверения във високата си към него почит – русск.* Министерство иностранных дел Республики Болгарии пользуется случаем, чтобы возобновить Посольству Российской Федерации уверения в своем высоком к нему уважении.⁴

После вступления Болгарии в ЕС и НАТО в текстах (официальных и неофициальных) значительно возросло количество слов из английского языка, которые имеют свои аналоги в болгарском, но часто не отражены в двуязычных и толковых словарях. Поэтому для будущих дипломатов, изучающих болгарский язык и Болгарию, необходимо знание английского языка. Если такие транслитерированные с английского языка слова, как *болг. дестинация, софтуер(ът), хаквам/хакна, твитър(ът), уеб-сайт, хъб, екс смоукър, пачуърк, антиейджинг, протестър, лузър, халф, чекирам, тишърт, дрогер, хеджирам, леверидж* легко переводятся на русский (*протестър* – участник акций протеста, дрогер – алкотестер, *леверидж* – денежные займы) или вторично транслитерируются с болгарского языка с учетом норм русского языка: *уеб-сайт* – веб-сайт, *лузър* – лузер, *хъб* – хаб, *хаши-трагове* – хэш-треги, то нередко встречаются слова (названия некоторых международных организаций, музыкальных групп и фестивалей, военных маневров и техники), которые остаются в болгарских текстах без перевода и транслитерации: *Alarma Punk Jazz, Judast Priest, Helloween, Buldozer, Vip In Paradise, Portable Leaver Quartet, Portable Elephant, Leaver, Nadja, King Dude, The Black Swells/Д А, Trident Juncture-2015* (название маневров НАТО), *International Consrtium of Investigative Journalists (ICIJ), «rollover» процедура* и др., что в соответствии с правилами перевода предполагает транслитерацию в русском переводе, а иногда и перевод: *Social Security* – социальное пенсионное обеспечение. В данном случае переводчик зависит от требований получателя информации (заказчика). В то же время есть транслитерированные слова, которые требуют пояснений в скобках, в сносках или в конце перевода текста, так как они могут быть прозрачны лишь для узких специалистов, например: *хедж фондове* – хедж фонды (от англ. hedge fund) – инвестиционный фонд, который использует широкий набор инвестиционных стратегий, но открыт для ограниченного круга инвесторов).

Тезаурус международника имеет весьма широкий диапазон - от общественно-политической до военной лексики, от дипломатических нот

⁴ *Смирнова М.В.* Болгарский язык: Учебное пособие по переводу дипломатической переписки. – М.: МГИМО — Университет, 2005. – С.52-53.

до одежды, а также включает фразеологизмы, пословицы, поговорки, слой пейоративной лексики и, разумеется, лингвострановедческие реалии.

Пресс-атташе посольства приходится составлять реферативный перевод событий, предполагающий в том числе чтение прессы. При этом приходится сталкиваться с засильем в болгарских СМИ эмоционально-окрашенной лексики, на недопустимость которой не раз указывал акад. Михаил Виденов:⁵ *мутренски парламент, криминални мутри, политик-помияр, потреперват ми партенките; грантаджии; те са нацвъкали като курешки*. Если нет заказа на перевод какой-либо статьи, при составлении реферативного обзора на языке перевода сотрудник может устно или письменно охарактеризовать общий тон газеты, журнала, автора, откликов на ту или иную статью, не используя пейоративную лексику, но зная, что она означает.

По-прежнему в СМИ и в устной речи некоторых выступающих встречаются пословицы, поговорки, фразеологизмы, знать которые переводчику необходимо, чтобы не попасть впросак: *болг. опичайте си акъла!* – русск. держите ухо востро, будьте начеку, *болг. той върти алъш-вериша* – русск. шутил. вести бойкую торговлю, поддерживать коммерцию, *болг. един американски генерал тури нашия Пенчев в джоба си (туря някого в джоба си – зд. русск. затыкать/ заткнуть за пояс кого-л., утирать/ утереть нос кому-л.); болг. с чужда пита майчин помен прави, единият бие тъпана, другият събира парсата* – русск. чужими руками жар загребать. Иногда пословица, поговорка или фразеологическое выражение используется в усеченном виде. В этом случае переводчик должен реконструировать фразеологическую единицу и перевести либо полностью, либо найти какой-либо иной вариант: *болг. щом си хванал на хорото...* (в восстановленном виде: *щом си хванал на хорото, трябва да го играеш докрай*) – русск. взялся за гуж, не говори, что не дюж; (из газетной статьи) *болг. 40 танка идат барабар с пехотинци и артилерия* (ср. *барабар Петко с мъжете* – пог. русск. куда конь с копытом, туда и рак с клешней). При переосмыслении поговорки: *русс. 40 танков к нам придут, а с ними (куда уж без них) пехота и артиллерия (с издевкой)*.

Анализ болгарского языка, в котором отношения между лексемами выражаются в основном с помощью предлогов, высвечивает одну из самых больших трудностей для русских при изучении болгарского языка, обусловленных негативной интерференцией. Графическое сходство русских и болгарских предлогов не во всех случаях помогает их прочному усвоению, так как существуют многочисленные семантические различия, которые трудно дифференцируются в сознании русских,

⁵ Акад. Михаил Виденов. Интервью на Петра Ташева //«Дума», 5.04.2014.

привыкших к синтетическому русскому языку и неспособных порой уловить различие в валентности лексем.

Трудности изучения болгарских предлогов русскими усиливаются тем фактом, что, несмотря на полное или частичное графическое совпадение большинства предлогов в обоих языках многим предлогам в болгарском языке соответствуют иные предлоги в русском языке, что, в свою очередь, провоцирует их неправильное употребление. Ср.:

<i>Болгарский язык</i>	<i>Русский язык</i>
оплаквам се ОТ болки в корема	жаловаться НА боли в животе
слизам ОТ планините	спускаться С гор
слизам ОТ колата	выходить ИЗ машины
ставам ОТ масата	вставать ИЗ-ЗА стола
каня НА гости	приглашать В гости
сядам НА масата	садиться ЗА стол
намирам се НА посещение	находиться С визитом
да повиша лихвата С 7 на сто	повысить учетную (процентную) ставку НА 7 %
завивам С хартия	заворачивать В бумагу
маса ДО прозореца	стол У окна
сядам ДО колегата си	садиться РЯДОМ С коллегой
стигам ДО задънена улица	заходить В тупик
мисля ЗА бъдещето си	думать О будущем
заминавам ЗА Атина	уезжать В Афины
изненада ЗА всички	сюрприз ДЛЯ всех
заповед ЗА арестуване	санкция НА арест

Кроме того, вследствие аналитизма болгарского языка очень часто там, где в болгарском языке употребляется предлог, в русском языке наблюдаются беспредложные конструкции, сравните:

<i>Болгарский язык</i>	<i>Русский язык</i>
равносметка ОТ работата	итог работы
изложба НА уредите	выставка приборов
подлагам НА критика	подвергать критике
протокол ЗА разпита	протокол допроса
Съвет ЗА сигурност НА ООН	Совет безопасности ООН
писмо ДО прокурора	письмо прокурору
правилник ЗА вътрешен ред	правила внутреннего распорядка
учебник ПО руски език	учебник русского языка
пътуване В чужбина	поездка за границу

Замена предлога в одном и том же словосочетании может даже дезориентировать получателя информации. Ср.: *болг.* Съвет(ът/а) ЗА сигурност (на ООН), где *сигурност* употребляется без членной морфемы

(артикля) – *русск.* Совет безопасности ООН; *болг.* Съвет(ът/а) ПО сигурността, где *сигурност* употребляется с постпозиционным артиклем – *русск.* Совбез страны.

Изучение предлогов требует разнообразных и целенаправленных упражнений лексико-грамматического характера с учетом цели обучения, сложности и многогранности предложной системы в русском языке в сопоставлении с аналитическим болгарским языком, что крайне важно для подготовки квалифицированных переводчиков в той или иной сфере, использующих активно язык профессии. Многолетние наблюдения свидетельствуют о том, что весьма эффективна самостоятельная работа с параллельными текстами (то есть, текстом оригинала и текстом перевода). Включенные в учебники и учебные пособия не только по переводу, но и по речевой практике (например, в качестве приложений) такие тексты позволяют учащимся во время самостоятельной работы самим выбирать временные параметры подготовки и контролировать себя по «ключу», а также создавать свой «банк» ситуаций, в которых употребляются те или иные предлоги. Появившиеся в последнее время электронные разработки пособий и учебников и даже отдельных фрагментов материалов по грамматической или любой другой подтеме (например, в системе Itrainium), могут оперативно решать проблемы подготовки переводчиков.

Чтобы помочь русскоязычным учащимся перестроиться на координаты болгарского языка, необходимо понять логику мышления болгар. «Самая трудная задача – определить логику мышления другого народа, национальный Логос»⁶, а грамматика языка и есть «средство проникновения в национальный Логос»⁷.

При изучении русскоязычными учащимися темпоральной системы болгарского языка, необходимо принимать во внимание сложность восприятия и передачи информации в болгарском языке – «свидетельской», «вторичной» и «выводного» знания. В силу специфики темпоральной системы болгарского языка в грамматические формы времен «встроена» персуазивная⁸ характеристика высказывания, т. е. при передаче, главным образом, событий прошлого, в предикате (глаголе), кроме основных темпоральных характеристик, присутствуют: 1. сема «свидетель» (тестатив, представленный аористом и имперфектом: «Я видел, что/как А», «Я слышал, как А»), где А – содержание высказывания; 2. сема «умозаключение» (конклузив, представленный перфектоподобными формами: «Я пришел к выводу, что А»); 3. сема «вторичная информация» (ренарратив, представленный простыми пересказывательными

⁶ Гачев Г. Ментальности народов мира – М.: ЭКСМО Алгоритм, 2008. – С. 36.

⁷ Там же. С. 57.

⁸ Персуазивность – оценка говорящим (отправителем информации) содержания высказывания (информации) по параметрам достоверности/истинности.

формами: «Не я говорю, что А», и инвертитив, представленный формами усиленного пересказа: «Не я говорю, что А + Я не верю, что А».⁹

Необходимо отметить, что в современном болгарском языке систематически маркируются в форме предиката (глагола-сказуемого) не только персуазивные значения, указывающие на эпистемический статус говорящего, источник получения информации, но и компоненты семантики персуазивности, характеризующие предположительно-вероятностную оценку информации (так называемые презумптивы, выраженные ЩЕ (ДА)-лексами, ТРЯБВА ДА- лексами и МОЖЕ ДА- лексами, о которых говорил еще Мирослав Янакиев в своей ранней работе «Стилистика болгарского языка».¹⁰

Персуазивная характеристики болгарского высказывания, заложенная в формы предиката, при передаче (переводе) на русский язык информации о происшедших событиях при отсутствии лексических экспликаторов (модальных слов достоверности/недостоверности, а также авторизаторов), как правило, не маркируется переводчиком. При использовании инвертитива его семантика маркируется использованием лексем ЯКОБЫ, БУДТО БЫ, иногда МОЛ, ДЕСКАТЬ, ДЕ. В то же время при переводе (реферативном переводе) для получателя информации (заказчика), представляющего определенные структуры и ведомства (МИД, МВД России или Болгарии) непередаваемая обычно при переводе на русский язык персуазивная характеристика должна быть отражена в виде справки в конце перевода (реферата), а иногда и в самом тексте, т. е.: ренарративное передача информации без указания на источник информации будет квалифицироваться как вторичная информация, источник которой не известен. Формы конклузива будут трактоваться как выводное знание: «Источник полагает, пришел к выводу, по мнению источника и т.п.). Формы тестатива – это ссылка на получение информации «из первых рук», отмечается эффект присутствия или действительное участие в событиях. Персуазивная характеристика, не передаваемая обычно в переводе, может служить своего рода вербальным «изобличителем» (например, при передаче прошедших событий носитель языка во время допроса в качестве подозреваемого, используя формы ренарратива, указывающие на отсутствие подозреваемого на месте событий, неожиданно включает в речь формы тестатива, указывающие на его статус свидетеля, если не непосредственного участника событий). Такого рода лингвистическое пояснение к письменному/устному переводу будет представлять для заказчика несомненную ценность.

⁹ Ср.: Котова Н., Янакиев М. Грамматика болгарского языка для владеющих русским языком. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 2001. – С.341-380.

¹⁰ Там же. С.380-382.

Наибольшие трудности возникают при переводе с русского языка на болгарский, что объясняется, в частности, несовпадением языковой картины при передаче/получении информации. Во-вторых, при передаче информации «из вторых рук» переводчик испытывает трудности еще и потому, что сам находится в коммуникативной цепочке «вторичной коммуникации». В-третьих, многообразие болгарских Л-лекс создает внутриязыковые трудности, осложненные наличием Л-лексы прошедшего времени в русском языке.

Выявление эпистемического статуса говорящего – отправителя информации даже в письменном тексте, не говоря уже об устном тексте, бывает порой не только трудно, но даже невозможно. Переводчик может опираться только на фоновые знания. Во избежание искажения персуазивной характеристики высказывания и, тем самым, введения адресата – ПИ в заблуждение, рекомендуется (если это возможно) изучить досье предполагаемого ОИ – автора статьи, участника переговоров, докладчика. Например, выяснить, был ли он сам участником тех событий, о которых говорит (например, подписания договора, событий в «горячих точках», во Второй мировой войне) или, по крайней мере, его возраст, чтобы определиться с временными координатами. Знание переводчиком лексических маркеров персуазивности, используемых говорящим – ОИ, вне всякого сомнения, поможет переводчику, являющемуся одновременно получателем и отправителем информации во «вторичной коммуникативной цепочке». Введение в текст отправителем информации экспликаторов неопределенности, анонимности источника знаний (*говорят*), квантора всеобщности (*все знают*), выводного знания (следствием установлено) и предположительно-вероятностной оценки (*может быть, вероятно, вероятнее всего, судя по всему* и др.) позволяют переводчику выбрать необходимые формы предиката, руководствуясь семантикой данных экспликаторов. Необходимо особо подчеркнуть, что переводчик, будучи ретранслятором информации, не имеет права на свою оценку достоверности/недостоверности передаваемой информации, а должен передавать оценку отправителя информации в первичной коммуникативной цепочке, т. е. переводчик не должен учитывать свой эпистемический статус и свою систему временных координат, как он привык делать при порождении авторского высказывания.

В заключение хотелось бы подчеркнуть, что в статье указаны лишь некоторые трудности, и, что, зная «камни преткновения», встречающиеся на пути русскоязычных учащихся, которые осваивают родственный славянский язык (в том числе язык профессии), преподаватель сможет на эвристическом уровне спрогнозировать и предупредить возможное появление ошибок при порождении высказывания и переводе и тем самым повысить качество преподавания языка профессии.

Литература / References

1. *Акад. Михаил Виденов*. Интервью на Петра Ташева // «Дума», 5.04.2014.
2. [Болгарские газеты] «Дума», «Труд», «Стандарт», «Капитал» за 2014-2016 гг.
3. *Гачев Г.* Ментальности народов мира. – М.: ЭКСМО Алгоритм, 2008. 541 с.
3. *Каржавина Н.Н.* Частная методика преподавания болгарского языка: Методическая разработка. – М.: МО РФ Военный университет, 2005. – 70 с.
4. *Котова Н., Янакиев М.* Грамматика болгарского языка для владеющих русским языком. – М.: Издательство Моск. ун-та, 2001. – 863 с.
5. *Реформатский А. А.* Обучение произношению и фонология // Филологические науки. – 1952. – № 2.
6. *Смирнова М.В.* Болгарский язык: Учебное пособие по переводу дипломатической переписки. – М.: МГИМО Университет, 2005. – 162 с.

РУССКО-БОЛГАРСКИЕ ПЕРЕВОДЫ. ИСТОРИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ

И.Ю. Мельникова

RUSSIAN-BULGARIAN TRANSLATIONS. THE HISTORY AND PERSPECTIVES

I. Yu. Melnikova

ABSTRACT

The article is devoted to the popularization of the modern Bulgarian literature in Russia. The reasons for the scarcity of Bulgarian books in the Russian literary market are being examined, the main one being the small amount of professional translators from Bulgarian into Russian. The overview of existing translations from Bulgarian into Russian is presented in the article, the full list of published translations from 2000 till 2015 is given. The author describes the Young Translator School "Russia-Bulgaria" as one of the events aimed at reviving the Russian-Bulgarian translation activity.

Key words: Translation; the Bulgarian language; Bulgarian literature; the Young Translator School "Russia-Bulgaria"; Russian State Library for Foreign Literature; Bulgarian Cultural Institute; Russian school of translation

АННОТАЦИЯ:

Статья посвящена теме популяризации современной болгарской литературы в России. Рассматриваются причины редкого появления книг болгарских авторов в российском книжном пространстве, главная из которых - проблема с русскими переводческими кадрами. Делается экскурс в историю переводов с болгарского языка на русский, предоставляется обзор переводов за 2000-2015 годы. Автор описывает работу Школы молодого переводчика "Россия-Болгария" – как одно из направлений деятельности, призванной помочь возрождению переводческой активности болгаристов.

Ключевые слова: перевод; болгарский язык; болгарская литература; школа молодого переводчика "Россия-Болгария"; Библиотека иностранной литературы; Болгарский культурный институт; русская переводческая школа

Русская переводческая школа переживает подъем и пользуется поддержкой со стороны государственных структур, коммерческих и некоммерческих организаций, издательств. На этом фоне редкие встречи с произведениями болгарских авторов на российском книжном рынке – тревожный и печальный факт. В его основе, как нам представляется,

лежат две причины. Во-первых, переводческая школа сегодня практически лишена сильных и опытных переводчиков с болгарского, а во-вторых, еще бытует мнение, что болгарская литература не есть сильное, самостоятельное и самобытное явление.

Корни второй причины уходят в доперестроечные, социалистические времена, когда впечатление о болгарской литературе размывалось большим количеством конъюнктурных работ. Нам кажется, что сегодня этот стереотип постепенно начинает преодолеваться. А вот первая причина требует осмысления, серьезной работы над ней и, главное, времени.

Следует сразу сказать, что болгарская поэзия – в отличие от прозы и драматургии – находится в лучшем положении. Ее переводили и продолжают переводить русские поэты, связанные с Болгарией и болгарскими авторами давними дружескими и творческими узами. Невзирая на вынужденность работы с подстрочником, их интерес к болгарскому поэтическому слову, а также, как правило, хорошее знание болгарской поэзии, позволяют им в достаточной степени передать мелодику и ритмику оригинала, его лексическое богатство. Суждение о том, что переводчик поэзии в первую очередь – поэт, и не обязательно – глубокий знаток языка, подтверждалось блистательными переводами с болгарского Олега Шестинского, Риммы Казаковой, Беллы Ахмадулиной, Александра Ревича. Сегодня над переводами болгарской поэзии продолжают работать Евгений Евтушенко, Всеволод Кузнецов, Галина Климова, Наталья Ванханен, Ирина Василькова, Наталья Лясковская.

Иная ситуация – с переводами художественной прозы и драматургии. Если вернуться на несколько десятилетий назад, мы вспомним, что литература Болгарии широко издавалась в Советском Союзе на русском языке, была активно представлена на книжном рынке и пользовалась популярностью. Достаточно привести имя Павла Вежинова, практически все произведения которого были переведены на русский язык и выдержали много изданий. По его повести «Барьер» был снят одноименный советско-болгарский фильм с участием Иннокентия Смоктуновского.

В числе переводчиков болгарской прозы и драматургии были Ника Глен, Майя Тарасова, Любовь Лихачева, Мира Михелевич, Елена Фалькович, чьи работы свидетельствовали о глубоком восприятии текста и безукоризненной передаче всех его нюансов. Переводческие судьбы этих людей были различны. Так, Н. Глен получила образование болгариста и посвятила себя переводческой профессии целиком и сразу. Более четверти века она работала в издательстве «Художественная литература», курируя болгарский сектор. Ею переведены произведения Йордана Радичкова – автора с особой, сказовой, манерой повествования и с особой поэтикой, насыщенной мифологической и фольклорной образностью. Многие критики писали, что творчество Радичкова непереводаемо на иностранный язык. Работы Н. Глен это мнение опровергли.

Л.Лихачева по образованию – историк-славист, но всю свою профессиональную жизнь занималась болгарской литературой (в частности, «русский Вежинов» – ее дар нашей словесности). В течение тридцати лет она являлась сотрудником Библиотеки иностранной литературы.

М. Михелевич обратилась к переводу с болгарского языка на русский уже в зрелом возрасте. Она работала на Киностудии им. М. Горького, монтируя закадровое озвучивание, в том числе, к болгарским фильмам. И была влюблена в болгарский язык. Впоследствии она его изучала специально, скрупулезно разбираясь в тонкостях грамматики, и, уже будучи известной переводчицей, продолжала совершенствоваться, «учиться». По коллекции словарей, переданных после ее кончины в фонд Библиотеки иностранной литературы, также можно судить об этом переводчике – о высокой требовательности к себе и о высокой ответственности перед Словом.

Таким было отношение к своему труду у всех переводчиков «старой» (советской) школы. Они мастерски и филигранно передавали при переводе все тонкости болгарского языка: семь прошедших времен, специфическую «несвидетельскую» форму, и добивались максимальной точности при подборе лексических соответствий. Последний пункт стал камнем преткновения для многих переводчиков, полагавшихся на языковую близость болгарского и русского языков, потому что эта близость, часто обманчивая, иногда становилась помехой, а не помощником. И таких примеров много, начиная со второй половины XIX века, когда русское общество впервые проявило интерес к болгарской литературе, и ее первыми переводчиками стали опытные российские литераторы, такие как поэт-переводчик и исследователь литературы Николай Гербель. В 1871 году он составил и издал сборник «Поэзия славян», включив в него и свои переводы болгарской поэзии. Название поэмы Георги Раковского «Лесной путник» (болг.: «Горски пътник») было переведено Гербелем как «Горный путник», при том что слово «гора» по-болгарски обозначает не гору, а лес. Ошибки, подобные этой, встречались и в переводах более позднего времени.

Сегодня мы с сожалением констатируем, что старшее поколение переводчиков с болгарского языка на русский ушло прежде, чем сформировались как специалисты их молодые коллеги. Произошла естественная смена поколений, но не состоялась преемственность – не было творческих встреч, профессиональных споров, обмена опытом. В 1990-е годы, в период политических перемен и экономических трудностей, выпускники-болгаристы не делали своим основным занятием художественный перевод, даже в тех случаях, когда имели к этому природную склонность и талант. Граница между XX и XXI веками стала и границей между активной в прошлом переводческой деятельностью болгаристов и ее затухающим продолжением в новом столетии.

За истекшие пятнадцать лет было переведено и издано всего 18 книг болгарской художественной литературы и опубликовано несколько подборок в журналах, в основном, поэтических.

Две книги изданы Болгарским культурным институтом в Москве: Современная болгарская драматургия (Вып.1, 2004. Пер. М. Ширяевой, В. Корнилева, Е. Фалькович, Э. Макаровой, М. Праматаровой, З. Шановой, К. Пушкиной,) и Й. Радичков. Попытка полета и другие пьесы (2005, Пер. Н. Глен и М. Михелевич)¹.

Шесть книг явились плодом совместных усилий Болгарского культурного института и Библиотеки иностранной литературы в рамках проекта «Новый болгарский роман». Проект стартовал в 2012 году при поддержке Министерства культуры Болгарии и представил русской читающей публике романы Теодоры Димовой «Матери» (пер. З.Карцевой), Георги Господинова «Естественный роман» (пер. М.Ширяевой), триптих Анжела Вагенштайна «XX век. Изгнанники» («Пятикнижие Исааково», пер. В.Ярмилко; «Вдали от Толедо», пер. Н.Нанкиновой, «Прощай, Шанхай!», пер. С.Баруха), а также романы Антона Дончева «Странный рыцарь Священной книги» (пер. М.Михелевич)², Светлозара Игова «Олени» (пер.З.Карцевой) и Владимира Зарева «Разруха» (пер. В. Ярмилко»).

Еще четыре книги – поэтические: двуязычная книга «Болгарская поэзия» (серия поэзии славянских стран «Из века в век», 2005), представившая творчество 165 авторов второй половины XX века и начала XXI века, изданных как в переводах маститых поэтов, так и в переводах студентов и аспирантов МГУ; сборник поэзии Ивана Динкова «Личная карта» (2010), вышедший при поддержке московского правительства; поэтическая книга Георги Борисова «Что мне сказала свобода» (2012), вобравшая переводы его стихотворений на русский язык и его собственные переводы русской поэзии на болгарский язык – издание осуществили совместно Болгарский культурный институт и Библиотека иностранной литературы; сборник избранных стихотворений Елки Няголовой «Ангел в пещере» (2015). И еще одна, совершенно особенная книга, порадовала своим выходом. Это антология «Россия с Болгарией – радость, надежда и боль» (2012), включившая поэзию и прозу болгар-выпускников литературного института им. М. Горького. Некоторые из переводов сделаны самими авторами.

И наконец, за сравнительно небольшой срок вышли на русском языке четыре романа Николая Табакова, писателя и основателя одного из крупнейших болгарских издательств: «Роман S» (2009, пер.

¹ Переводы Н. Глен были сделаны в 1970-1980-е годы (пьеса «Попытка полета», например, ставилась во многих российских театрах, в том числе, во МХАТе в 1984 г. В настоящую книгу переводы вошли в новой редакции. Перевод М. Михелевич относится к 2003 г.

² Перевод М. Михелевич был сделан на рубеже веков и хранился у автора романа, который и передал его для публикации в указанной серии.

В. Ярмилко), «Не все тому быть» (2012, пер. С.Баруха), «Да!» (2014, пер. С. Баруха), «Византия» (2016, пер. В. Ярмилко). Активный выход этого автора на российский книжный рынок, как нам кажется, не свидетельствует о позитивных переменах в судьбе болгарской переводной литературы, скорее, это результат его личных усилий по популяризации своего творчества за рубежом.

Немногочисленные публикации в периодических литературных изданиях состоят из шести подборок в журналах «Иностранная литература» (№ 12, 2001; № 7 и 8, 2008; № 8, 2009; № 1, 2010) и «Дружба народов» (2009, № 8). Подъем интереса к болгарской культуре в 2008 и 2009 годах был связан с проведением «Года России в Болгарии» и «Года Болгарии в России». На страницах «Иностранной литературы» были опубликованы стихотворения современных болгарских поэтов в переводах Нателлы Горской, Евгения Харитонова и Элеоноры Мезенцевой. Все публикации снабжены предисловиями. Из прозаических произведений редакция выбрала для публикации фрагменты книги Ивана Динкова «Почтение к литературе», рассказ Георги Борисова в соавторстве с Анатолием Королевым «Путешествие из Софии в Софию» (пер. Э. Мезенцевой) и отрывок из романа Георги Господинова «Естественный роман» (пер. М. Ширяевой).

В журнале «Дружба народов», в преддверии «Года Болгарии в России», был опубликован объемный материал «Болгарские писатели на страницах “ДН”», открывающийся вступительным словом А. Ревича и сделанным им новым переводом стихотворения Христо Ботева «Хаджи Димитр». Интересно отметить, что этот перевод – восьмой по счету и в сопоставлении с переводами, сделанными ранее (в их числе – перевод Алексея Суркова), представляет несомненный интерес. Из прозы в подборку включены рассказы Станислава Стратиева (пер. М. Ширяевой), Виктора Паскова (пер. М.Тарасовой), Янчо Чолакова (пер. Е. Харитонова), Деяна Енева и Георги Господинова (Пер. Э. Мезенцевой).

И что было особенно важным для скудного на информацию о болгарской литературе времени, журнал также включил в номер литературоведческий обзор Пламена Дойнова «Малая панорама болгарской литературы после 1989 года» (пер. Э. Мезенцевой).

Что же касается других немногочисленных публикаций, можно отметить подборки стихотворений и прозы болгарских авторов в литературно-художественном и культурологическом журнале «Меценат и Мир», издаваемом в Рязани (гл. ред. Левон Осемян. В интернете размещается его электронная версия) и Альманах, издаваемый к ежегодному поэтическому фестивалю в Твери «Славянские письма» (организатор и руководитель Сергей Гловюк). Эти издания, к сожалению, не попадают в продажу и не передаются в главные библиотеки России, поэтому нет возможности считать их доступными читающей публике и специалистам-филологам.

Эпизодически переводы произведений болгарских авторов появляются в других частных изданиях – в журнале «Северная Аврора» (Санкт-Петербург), выпускаемом два раза в год Евгением Лукиным; альманахе «Искусство войны», публикующем художественные произведения ветеранов локальных войн (ред. Илья Плеханов); онлайн-журнале «Культура и искусство». Распространенным явлением становятся публикации переводов на сайтах различных конкурсов, например, конкурса «Музыка перевода», и в личных блогах. Как представляется, эти публикации не могут способствовать узнаванию болгарской литературы сегодня, так как и выбор произведений для перевода, и качество самих переводов часто бывают спорными.

На сложившуюся тревожную картину, в первую очередь, обратили внимание преподаватели-болгаристы филологического факультета МГУ – основной «кузницы кадров». На кафедре славянской филологии доцентом О.А. Ржанниковой и старшим преподавателем Е.В. Тимониной была найдена удачная новаторская форма для творческого развития студентов и поддержания их интереса к профессии: с 2001 года, в сотрудничестве с факультетом иностранных языков и регионоведения МГУ, при поддержке Посольства Республики Болгария и Болгарского культурного института в Москве, стал проводиться Конкурс художественного перевода.

В последние годы серьезное внимание проблемам перевода уделила высшая наука: в 2013 году в Институте славяноведения РАН прошла Международная научная конференция «Художественный перевод и его роль в литературном процессе Центральной и Юго-Восточной Европы», был издан сборник докладов (2016), три из которых посвящены болгарской теме.

В заключение хочется рассказать подробно о начинании, которое, как нам кажется, поможет скорее пройти этап безвременья в истории русской «болгарской» переводческой школы.

Библиотека иностранной литературы совместно с Институтом перевода и при поддержке Посольства Республики Болгария и Болгарского культурного института организовали в апреле 2016 года работу Школы молодого переводчика «Россия-Болгария». Три дня на подмосковной учебной базе Библиотеки «Валентиновка» учились, трудились и обменивались опытом молодые переводчики и их преподаватели из трех крупнейших российских (Московского, Санкт-Петербургского и Курского) и трех болгарских (Софийского, Великотырновского и Пловдивского) университетов.

Школу открыли руководитель Центра международного сотрудничества ВГБИЛ Светлана Горохова, директор Болгарского культурного института Павел Васев и исполнительный директор Института перевода Евгений Резниченко. В открытии принял участие Посол Болгарии в РФ Бойко Коцев. Их приветственные слова и напутствия дали старт трехдневной интенсивной рабочей программе.

В первый день участники Школы встретились с Евгенией Вежлян, редактором отдела прозы журнала «Знамя». Ее рассказ о литературных новинках, возможно, будет способствовать пробуждению серьезного интереса к русской литературе у участвовавших в работе Школы молодых болгарских переводчиков. О новейших книгах болгарских авторов, формирующих болгарскую литературу сегодня, рассказала Надежда Делева – член болгарской делегации, главный ассистент Кафедры русского языка Софийского университета. Ее выступление станет ориентиром в выборе книг для перевода на русский язык.

Российские организаторы школы постарались предоставить участникам семинара и возможность живого общения с русскими авторами. По их приглашению в Школу приехал писатель и эссеист Владислав Отрошенко, чьи произведения переведены на многие языки, однако болгарского в их числе пока нет.

Взаимную «переключку» состояния дел на переводческой ниве представили Мариета Георгиева, руководитель Русского центра при «Столичной библиотеке» в Софии, и автор настоящей статьи, модератор Школы молодого переводчика «Россия-Болгария» Ирина Мельникова. Важным дополнением стал рассказ доцента Кафедры русской филологии Пловдивского университета Нади Черневой о проходящих там в течение уже ряда лет научно-практических переводческих семинарах.

С российской стороны в Школу прибыли студенты, аспиранты и молодые преподаватели-болгаристы: Ю. Кудрявцева, М. Белова, А. Дудникова, О. Московцева, А. Тверицкая, А. Мосинец. Практический семинар по переводу с болгарского языка на русский провела старший преподаватель Кафедры славянской филологии филологического факультета МГУ Е.В. Тимонина при участии доцента Факультета иностранных языков и регионоведения МГУ В.Н. Гливинской. Число молодых переводчиков из Болгарии было меньше – Иво Панчев, Елица Миланова, Благовест Благов и Силвия Войслова. Семинар для них провел профессор кафедры русистики Великотърновского университета Гочо Гочев. Болгарские участники заблаговременно получили для перевода текст Михаила Веллера «Ножичек», а российские участники – текст Йордана Радичкова «Бродячие городские псы» («Скитащите градски кучета»). Изначально предполагалось, что семинары пройдут в одно и то же время, однако «в рабочем порядке» в расписание Школы было внесено изменение, оказавшееся чрезвычайно удачным и взаимно полезным: семинары прошли не параллельно, а последовательно, и обе стороны участвовали в работе коллег. Поскольку основные трудности перевода определились во время предварительной работы над текстами, каждый из участников семинара подготовил теоретическое обоснование для выбора тех или иных решений. Полифония мнений расширилась и за счет «удаленных» участников, подключившихся к обсуждению с помощью Skype.

Работу Школы дополнил показ двух фильмов – российского («Рассказы», реж. Михаил Сегал) и болгарского («Прогноз», реж. Зорница София Попганчева), которые были выбраны с учетом трудностей перевода. После просмотров состоялись обсуждения.

Чтобы в полной мере возродить переводческую активность болгаристов и тем самым – полноценное присутствие болгарской литературы в книжном пространстве России, понадобится время. Начало положено. Дорогу осилит идущий...

ГЛОТТОМЕТРИЯ. ЧТО СТОИТ ЗА ЦИФРАМИ?

В.Н. Гливинская

ГЛОТТОМЕТУ. WHAT IS THERE BEHIND THE NUMBERS?

V.N. Glivinskaya

ABSTRACT

The article presents the results of a quantitative study of the prepositional and prefixal morpheme "ПО" ("PO") in two aspects: diachronic (in texts reflecting historical development of the Bulgarian language) and synchronistic (in texts of various styles in Modern Bulgarian and Russian). The analysis outlines similarities and differences in glottometrical behaviour of the prepositional and prefixal morpheme "ПО" ("PO") in the two languages. The research involves the method of mathematical-statistical minimizing of the texts in juxtaposition, developed by M. Yanakiev and N.V. Kotova, which ensured the most effective way to obtain reliable (verifiable) comparative-linguistic data.

Key words: Prepositional-prefixal morpheme; glottometry; synchrony; diachrony; comparative linguistics.

АННОТАЦИЯ:

В статье представлены результаты количественного исследования употреблений препозиционно-префиксальной морфемы ПО в двух аспектах: в диахроническом (в текстах, отражающих историческое развитие болгарского языка), и на синхронном уровне (в текстах разных стилей современного болгарского и современного русского языков). Выявлены общность и различия глоттометрического поведения препозиционно-префиксальной морфемы ПО в сопоставляемых языках. В работе использован разработанный М.Янакиевым и Н.В.Котовой метод математико-статистической минимизации сопоставляемых текстов, что позволило наиболее экономным способом получить надежные (проверяемые) сопоставительно-лингвистические результаты.

Ключевые слова: препозиционно-префиксальная морфема; глоттометрия; диахрония; синхрония; сопоставительная лингвистика.

Накопленный к настоящему времени опыт языковедческих и литературоведческих исследований позволяет утверждать, что языку объективно присущи количественные признаки и количественные характеристики. Многие ученые, описывая язык, вынуждены пользоваться такими количественными понятиями, как "часто", "редко", "употребительно", "неупотребительно" и т.п. Не было случайным и обращение к количест-

венным оценкам элементов языка в работах таких больших ученых как И.А. Бодуэн де Куртене, А.М. Пешковский, В.В. Виноградов и др. Интересно, что еще в 1938 г. В.В. Виноградов писал: "По-видимому, в разных стилях книжной и разговорной речи, а также в разных стилях и жанрах художественной литературы частота употребления разных типов слов различна. Точные изыскания в этой области помогли бы установить структурно-грамматические, а отчасти и семантические различия между стилями. Но, к сожалению, пока еще этот вопрос находится лишь в подготовительной стадии обследования материала"¹.

Призыв видного ученого был услышан. Количественные методы исследования языка и речи стали, хотя и с трудом, пробивать себе дорогу и обрели своих надежных сторонников в лице доцента кафедры славянской филологии МГУ им. М.В. Ломоносова Н.В. Котовой и профессора Софийского университета им. Св. Климента Охридского М. Янакиева.

Н.В. Котова и М. Янакиев не раз отмечали, что «Все утверждения лингвистов, сводящиеся к формуле «Выражения типа X встречаются (очень) часто (редко) в текстах Y являются глоттометрическими. Но они обычно основываются на неосознанных подсчетоподобных операциях мозга лингвиста, т.е. они не эксплицитно глоттометричны»². Имплицидная глоттометрия не позволяет лингвистам прийти к единым, убедительным для всех результатам при исследовании одних и тех же текстов. Эксплицитная же глоттометрия оперирует прямыми подсчетами и ее результаты можно проверить. Проверимость результатов, как известно, является необходимым условием научности исследования. Вот почему Н.В. Котова и М. Янакиев стремились дать науке о языке глоттометрический инструментарий. Под глоттометрией они понимали «совокупность методов определения тех характеристик устного или письменного текста, которые можно получить только путем подсчета многократно повторяющихся в нем компонентов одних и тех же классов»³.

Впечатляющим итогом их многолетней подвижнической деятельности стала изданная усилиями кафедры славянской филологии филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова в 2001 году «Грамматика болгарского языка для владеющих русским языком» (далее ГБР). Вот уже 15 лет этот эпохальный труд (1000 экз.) доступен научной общественности, но к сожалению, до сих пор не получил достойного осмысления. Это первое и, насколько мне известно, единственное описание грамматики целиком построенное на **эксплицитной глоттометрии**. Что это значит? Чтобы представить себе масштаб необходимых для этого титанических усилий, попробуем вместе проследить глоттометрическую судьбу всего лишь одной морфемы – препозиционно-префиксальной морфемы ПО (далее ППМ ПО).

¹ Виноградов В.В. Русский язык. Грамматическое учение о слове. М.Л., 1947. С.150.

² Котова Н.В., Янакиев М. Грамматика болгарского языка для владеющих русским языком. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2001. С.12.

³ Там же. С.12.

Н.В. Котова и М. Янакиев полагали, что «префикс ПО и предлог ПО не осознаются как **случайно** одинаково звучащие («омофонические морфемы»), а являются разными типами употребления одной и той же морфемы. В основе разграничения, по их мнению, должно лежать не принятое в современной лингвистике слитное или раздельное написание, а отношение ППМ к понятию, выраженному номинальным или вербальным корнем. В русле этих идей мы предлагаем Вашему вниманию количественные характеристики ППМ ПО в функции префикса и препозиции. Исследование проводилось в двух направлениях: в плане диахронии – эволюция морфемы, отраженная в болгарских текстах четырех исторических периодов развития болгарского языка, и на синхронном уровне – в сопоставлении с русской ППМ ПО в текстах разных стилей.

Количественные характеристики вычислялись на базе выборок равной длины по 15 кфн из староболгарских, среднеболгарских текстов и дамаскинов (по 4 текста каждого периода), а также из современных болгарских беллетристических, драматургических, публицистических и научных текстов (по 4 текста каждого вида) и аналогичных русских текстов (по 2).

Для авторов ГБР вопрос возможности сочетания диахронного и синхронного анализа никогда не был дискуссионным. Исторический комментарий по мнению авторов ГБР, – это ключ, открывающий тайники болгарского языкового сознания. Диахронный экскурс призван помочь «человеку, владеющему русским и /или другими славянскими языками, легче и точнее понять, как в нынешней синхронии функционируют бг. грамматические морфемы»⁴.

Так как количественные методы в лингвистике не стали общеупотребительными, позволим себе уточнить некоторые термины, используемые в работе. Одной из основных количественных характеристик текста является средняя частота (\bar{X} /).

Следующей, не менее важной, количественной характеристикой является σ – среднее квадратическое отклонение от средней частоты.

Среднее квадратическое отклонение характеризует степень рассеяния, объективное рассеяние исследуемого факта в выборке. Чем неравномерней распределение частот появления исследуемой морфемы в выборке, тем больше числовое значение σ .

По поводу этой количественной характеристики М. Янакиев писал: «... без учета оценки неравномерности рассеяния исследуемых фактов в тексте, нет истинной статистики, нет глоттометрии, нет истинной стилистики, достойной звания науки последней четверти нашего столетия, а есть лишь “статистикуляция”, сознательная лженаука или наивная,

⁴ Там же. С.31.

суверная арифмолатрия»⁵. Величина рассеяния σ вычисляется по следующей формуле:

$$\sigma = \sqrt{\frac{\sum (X_i - |X|)^2 - N(|\bar{X}| - \bar{X})^2}{N - 1}}$$

где:

$\sum (X_i - |X|)^2$ - сумма квадратов отклонений наблюдаемых частот от средней частоты по модулю.

$(|X| - \bar{X})^2$ - квадрат отклонения средней округленной до целых единиц частоты $|X|$ от средней неокругленной частоты \bar{X} .

N - количество проб в выборке.

Используя среднее квадратическое отклонение и среднюю частоту \bar{X} ,

можно определить коэффициент вариации v : $V = \frac{\sigma}{\bar{X}} 100 \%$

При v большем 30%, можно использовать критерий t Стьюдента для оценки значимости статистических различий между выборками.

Степень различия между выборками по средней частоте появления исследуемой морфемы определяется t - критерием Стьюдента, называемым еще параметрическим критерием. В математической статистике этот критерий используют для определения существенности/несущественности (случайности/неслучайности) различий, наблюдаемых между средними арифметическими, т.е. основными параметрами двух вариационных рядов.

Этот критерий позволяет при сравнении текстов учитывать не только \bar{X} (среднюю частоту), но и σ (величину рассеяния факта), существенно влияющую на величину t .

Оценка степени различия между двумя выборками равной величины по частоте исследуемого факта t - критерием Стьюдента производится по следующей формуле:

$$t = \frac{|\bar{X} - \bar{Y}|}{\sqrt{\frac{\sigma_x^2 + \sigma_y^2}{N}}}$$

В случае исследования большого количества проб становится возможным наглядно представить распределение появления исследуемого факта в форме гистограммы. Гистограмма представляет собой усовер-

⁵ Янакиев М. Стилистика и езиковото обучение: София. 1977. С.194.

шенствованный ранжированный вариационный ряд, повернутый по часовой стрелке. Ранжированный ряд – подбор на одной строке проб с одинаковой частотой исследуемого факта. Гистограммы наглядно демонстрируют основную тенденцию развития, позволяют проследить изменения в частоте употребления морфемы. Так, используемые в данной работе адресные гистограммы распределения средних частот исследуемой морфемы в килофоне для выборки в 240 килофон из текстов 4-х различных периодов позволяют установить:

1) наблюдались или нет в судьбе морфемы изменения и, если наблюдались, то каков их характер (с уменьшением или с увеличением частоты появления морфемы они связаны) и в какой функции (префикса или препозиции) они отмечены;

2) нормально или нет распределены частоты в исследуемых текстах (симметрично или нет расположены пробы по отношению к средней частоте появления морфемы, являющейся центром отсчета).

Вид гистограммы подсказывает некоторые особенности распределения исследуемого факта, однако для доказательства случайности/неслучайности отличия наблюдаемого распределения частот от нормального необходим математический, числовой метод. Математическая статистика в числе многих своих инструментов, с помощью которых решаются подобные задачи, имеет инструмент, называемый “критерием согласия Пирсона” или “критерием χ^2 ”.

Этот критерий используется для сравнения двух частотных рядов (ряда наблюдаемого, эмпирического и ряда теоретического, предполагаемого) для выяснения различаются они или нет, и если различаются, то случайно или неслучайно это различие.

Вычисляется χ^2 по формуле:

$$\chi^2 = \sum \frac{(\hat{n}_i - n_i)^2}{n_i}$$

\hat{n}_i - наблюдаемое количество фактов

n_i - теоретическое, устанавливаемое с помощью таблиц нормального распределения χ^2 .

ППМ ПО относится к числу самых частых ППМ во все периоды развития болгарского языка. Средняя частота морфемы в 240 килофонах исследуемых текстов равна 6,16 (третье место после ППМ В/У и ППМ НА). Отличительная черта этой морфемы по сравнению со всеми прочими ППМ - стабильность частоты появления.

Гистограмма №1 распределения частот ППМ ПО в 240 килофонах исследованных текстов (см. Приложение №1) показывает, что пробы распределяются достаточно симметрично. Несколько в стороне от общей массы находятся:

- проба №140 из «Троянского дамаскина», где наблюдается 11 случаев появления морфемы в функции препозиции и

- проба №108 из «Хроники Манассия», где морфема встречается 18 раз в префиксальном употреблении.

Величина χ^2 , равная 14,88 при $\chi^2_{05}=15,50$ и $\chi^2_{01}=20,09$, говорит об отсутствии существенных различий между текстами, отражающими этапы исторического развития болгарского языка, по частоте употребления ППМ ПО.

Количественный анализ случаев препозиционного и префиксального употребления ППМ ПО раскрыл неожиданно для нас еще одну отличительную черту этой морфемы: ППМ ПО во все периоды исторического развития болгарского языка, включая современный, употреблялась чаще в функции префикса, чем в функции препозиции. Сравните:

преф. \bar{X} стб. = 3,70 \bar{X} срб. = 4,43 \bar{X} дам. = 4,71 \bar{X} совр. = 3,20

преп. \bar{X} стб. = 1,95 \bar{X} срб. = 2,07 \bar{X} дам. = 2,32 \bar{X} совр. = 2,27

Гистограмма №2 распределения частот морфемы ПО в префиксальном употреблении в 240 килофонах исследуемых текстов (см. Приложение №2) демонстрирует вполне симметричное распределение проб, большую близость наблюдаемого распределения к теоретическому. Средняя частота морфемы в префиксальном употреблении в 240 килофонах равна 4,02. Вычисление χ^2 фиксирует нормальное распределение ($\chi^2=12,52$ при $\chi^2_{05}=12,59$; $\chi^2_{01}=16,81$).

Можно сделать вывод, что исследуемые тексты не различаются существенно по частоте появления морфемы ПО в префиксальном употреблении

ППМ ПО в функции препозиции имеет среднюю частоту появления в исследуемых текстах 2,15. Гистограмма №3 распределения частот (см. Приложение №3) фиксирует некоторое отклонение от кривой нормального распределения. Значение χ^2 , равное 13,10 (при $\chi^2_{05\%}=5,99$ и $\chi^2_{01\%}=9,21$), допускает возможность наличия существенных различий. Однако, проверка степени различия между староболгарскими, среднеболгарскими, современными болгарскими текстами и дамаскинами по частоте исследуемого факта с помощью t-критерия Стьюдента показала (табл. №1 см. Приложение №4), что наблюдаемые различия могут быть оценены как статистически несущественные.

Наибольшее наблюдаемое различие, различие между староболгарскими и современными болгарскими текстами, характеризуется величиной t, равной 0,98, что значительно меньше t-критического 1,98.

Проведенный количественный анализ позволяет констатировать, что ППМ ПО во все периоды исторического развития болгарского языка

была высокочастотной и частотностабильной ППМ как в префиксальном, так и в препозиционном типе употребления.

Стабильно высокая частота ППМ ПО позволила этой морфеме сохранить за собой II место (после ППМ В/ОУ) по частоте употребления в староболгарских и среднеболгарских текстах. В текстах дамаскинов ППМ ПО передвигается на I место, но это перемещение связано не с абсолютным увеличением ее частоты, а с относительным увеличением «веса» ее стабильной частоты на фоне стремительного падения «удельного веса» ППМ В/ОУ в текстах этого типа. ППМ В/ОУ в болгарских дамаскинах значительно уменьшила частоту появления, а ППМ НА еще не стала самой частой препозиционно-префиксальной морфемой. В современных болгарских текстах ППМ ПО занимает едва IV (а по уточненным данным большей по объему выборки даже V) место, но и этот факт связан не с абсолютным, а с относительным уменьшением частоты этой количественно стабильной морфемы по сравнению с морфемами, претерпевшими существенные изменения в количественном употреблении: ППМ В/ОУ, ППМ НА и ППМ С.

Причину частотной стабильности ППМ ПО, думается, следует искать в стабильности семантики этой морфемы и в преимущественно префиксальном типе ее употребления. Опираясь на пространственное значение, свойственное морфеме, семантика ППМ ПО может быть определена как отношение к поверхности. Такое определение не противоречит распространенному в языкознании мнению, что морфема ПО выражает семантику смягчения (незначительную интенсивность, непродолжительность и т.п.), так как все вышеназванные оттенки действия являются разновидностями «поверхностного» осуществления (не увлекаясь, не углубляясь).

Н.В. Котова и М. Янакиев определяют семантику этой морфемы как деминутивную⁶. Для авторов ГБР вопрос о семантическом инварианте никогда не был спорным. Для каждой болгарской морфемы они искали инвариант семантики и способы его описания. Вопреки скептицизму многих современных лингвистов идея инвариантного значения продолжает жить и набирает последователей. Интересна в этом отношении метафора, заимствованная у С.Г. Татевосова и цитируемая Е.Р. Добрушиной в статье «Единая семантика глагольных приставок, или Душа русского глагола»: «Инвариантное значение приставок, как и душа человека, неосознано и почти неуловимо, а его существование весьма спорно и не признано очень многими. В то же время отказ исследовать его означает отказ от попыток понять семантическую суть русского глагола, так же как неверие в бессмертную душу равноценно отказу от смысла жизни»⁷.

⁶ Котова Н.В., Янакиев М. Грамматика болгарского языка для владеющих русским языком. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2001. С. 470.

⁷ Добрушина Е.Р. Корпусные исследования по морфемной, грамматической и лексической семантике русского языка. М.: 2014. С.11.

В современных болгарских текстах ППМ ПО демонстрирует также удивительную стабильность. Она занимает пятое место по частоте употребления ($\bar{X} = 5,45$ крпн⁻¹). В современных русских ППМ ПО употребляется чаще ($\bar{X} = 7,49$ крпн⁻¹) и занимает второе место.

Болгарские лингвисты усматривают причины перемещения ППМ ПО со второго места в староболгарских и среднеболгарских текстах на 5 в современных не столько в изменении значения ППМ ПО, сколько в агрессивном поведении других ППМ, таких как ОТ, ИЗ, НА.

Так, Р. Павлова, анализируя способы выражения причинных отношений в болгарском языке, затрагивает в числе прочих "средств выражения", и предлог ПО. Она отмечает, что предлог ПО в современном болгарском языке не является "специализированным" средством выражения причины и вытесняется более жизнестойким конкурентом - предлогом ОТ, который привносит в значение причины оттенок мотивированности (причина - мотивировка)⁸. Л. Андрейчин касается вопроса семантического сближения предлога ИЗ с предлогом ПО, обусловленного, по мнению автора, утратой предлогом ИЗ в современном болгарском языке исконного значения отделения (вървя ПО / ИЗ софийските улици – иди по софийским улицам)⁹.

Академическая грамматика современного болгарского литературного языка¹⁰ выделяет 6 типов употребления предлога ПО в современном болгарском языке: средство выражения пространственных и темпоральных отношений, образа действия, причинных и определительных отношений, а также характеристики по качеству¹¹. В префиксальной функции выделяются 7 словообразовательных типов, 5 из которых называются продуктивными и практически все они выражают значение осуществления действия в слабой степени¹².

Это же значение как основное для ППМ ПО выделяют авторы ГБР (2001): «В роли префикса бг. морфема ПО не отличается от рс. префикса ПО. Присоединяя ПО к (глагольной) лексе, болгары и русские хотят показать, что обозначаемый следующей лексой процесс нужно воспринимать демунитивно, как процесс «меньший» - менее длительный, менее интенсивный, в сравнении с процессом, обозначенным лексой без префикса ПО»¹³.

Количественный анализ употреблений ППМ ПО позволяет достаточно полно представить картину употребления исследуемого факта в

⁸ Павлова Р. Словосочетания с предлогом ПО, выражающие причинное отношение в современном языке // Славистични изследвания. София. 1968.

⁹ Андрейчин Л. Основна българска граматика. С., 1942.

¹⁰ Грамматика на съвременния български книжовен език. София: БАН, 1983. Т. 2.

¹¹ Там же. С.436-438.

¹² Там же. С.221-222

¹³ Котова Н.В., Янакиев М. Грамматика болгарского языка для владеющих русским языком. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2001. С.470.

различных по стилю текстах болгарского и русского языков, а также в сопоставительном аспекте.

Прежде всего следует отметить, что ППМ ПО, верная традиции, и в современном болгарском языке удивляет своей стабильностью: все значения для драматургических, научных и публицистических текстов ниже критического ($t = 1,98$) как в суммарном, так в препозиционном и префиксальном употреблении:

Суммарное употребление:

др.	$t = 0,19$	др.	$t = 0,10$	науч.	$t = 0,29$
науч.		публ.		публ.	

Препозиционное употребление:

др.	$t = 1,02$	др.	$t = 0,13$	науч.	$t = 0,90$
науч.		публ.		Публ	

Префиксальное употребление:

др.	$t = 1,28$	др.	$t = 0,06$	науч.	$t = 1,32$
науч.		публ.		Публ	

По сути дела, существенно различаются по употреблению этой морфемы лишь беллетристические тексты по сравнению со всеми прочими:

бел.	$t = 2,91$	бел.	$t = 3,00$	бел.	$t = 2,82$
др.		науч.		Публ	
при $t_{01} = 2,62$					

Наблюдаемые различия обусловлены более высокой частотой появления морфемы в беллетристических текстах как в функции префикса, так и в функции препозиции:

Префикс Препозиция

$$\begin{aligned} \bar{X}_{др} &= 3,10 & \bar{X}_{др} &= 1,98 \\ \bar{X}_{бел.} &= 3,68 & \bar{X}_{науч.} &= 2,65 & \bar{X}_{бел.} &= 2,92 & \bar{X}_{науч.} &= 2,33 \\ \bar{X}_{публ.} &= 3,12 & \bar{X}_{публ.} &= 2,02 \end{aligned}$$

При этом локализация причин наблюдаемых различий по типу употребления различна: причиной различий между беллетристическими текстами и текстами драмы и публицистики является препозиционный тип употребления, в то время как различия между беллетристическими и научными текстами коренятся в префиксальном типе употребления. Сравните:

Препозиционное употребление

бел.	$t = 2,78$	бел.	$t = 2,73$	бел.	$t = 2,65$
------	------------	------	------------	------	------------

др.		науч.		Публ	
Префиксальное употребление					
бел.	$t = 1,51$	бел.	$t = 2,73$	бел.	$t = 1,45$
др.		науч.		Публ	
при $t_{05} = 1,98$ и $t_{01} = 2,62$					

Интересный результат количественного исследования употреблений ППМ ПО мы наблюдаем и по стилям современного русского языка. И здесь, как и в современном болгарском, три вида текстов не показывают существенных различий ни в одном из типов употребления:

Суммарное					
бел.	$t = 1,49$	бел.	$t = 1,32$	науч.	$t = 0,20$
науч.		публ.		Публ	

Препозиционное					
бел.	$t = 1,64$	бел.	$t = 0,48$	науч.	$t = 1,26$
науч.		публ.		Публ	

Префиксальное					
бел.	$t = 0,45$	бел.	$t = 1,38$	науч.	$t = 0,74$
науч.		публ.		Публ	
при $t_{05} = 2,00$					

Все наблюдаемые различия связаны с драматургическими текстами по отношению ко всем прочим текстам:

Суммарное употребление:					
др.	$t = 3,23$	др.	$t = 4,66$	др.	$t = 4,57$
бел.		науч.		публ.	
при $t_{01} = 2,66$					

При этом причиной наблюдаемых различий является префиксальный тип употребления. Сравните:

Префиксальное употребление					
др.	$t = 2,89$	др.	$t = 3,05$	др.	$t = 4,16$
бел.		науч.		Публ	
при $t_{01} = 2,66$					

Препозиционное употребление

др.	$t = 1,17$	др.	$t = 2,84$	др.	$t = 1,69$
бел.		науч.		публ.	
при $t_{05} = 2,00$					

Средняя частота появления ППМ ПО в килофоне драматургического текста значительно выше, чем в килофоне текста любого другого стиля:

Суммарное употребление

$$\bar{X}_{\text{бел.}} = 7,37$$

$$\bar{X}_{\text{др.}} = 11,31 \quad \bar{X}_{\text{науч.}} = 6,17$$

$$\bar{X}_{\text{публ.}} = 6,33$$

Префиксальное употребление Препозиционное употребление

$$\bar{X}_{\text{бел.}} = 3,57 \quad \bar{X}_{\text{бел.}} = 3,80$$

$$\bar{X}_{\text{др.}} = 5,53 \quad \bar{X}_{\text{науч.}} = 3,27 \quad \bar{X}_{\text{др.}} = 4,53 \quad \bar{X}_{\text{науч.}} = 2,90$$

$$\bar{X}_{\text{публ.}} = 2,80 \quad \bar{X}_{\text{публ.}} = 3,53$$

В плане сопоставления текстов болгарского и русского языков по частоте употребления ППМ ПО картина принципиально отличается от того, что мы наблюдали в случае с ППМ НА, ППМ ЗА и ППМ ОТ¹⁴. Значения t для всех типов употребления морфемы в русских и болгарских беллетристических и научных текстах ниже критического. Для публицистических текстов различия фиксируются только в препозиционной функции.

Сравните:

Суммарное употребление

$$t_{\text{бел.}} = 1,14; t_{\text{науч.}} = 1,76; t_{\text{публ.}} = 1,88; \text{ при } t_{05} = 1,99$$

Префиксальное употребление

$$t_{\text{бел.}} = 0,22; t_{\text{науч.}} = 1,23; t_{\text{публ.}} = 0,71;$$

Препозиционное употребление

$$t_{\text{бел.}} = 1,84; t_{\text{науч.}} = 1,25; t_{\text{публ.}} = 3,74; \text{ при } t_{01} = 2,66$$

¹⁴ Гливинская В.Н. За глотометрическите характеристики на препозиционно-префиксалните морфемии в българския и руския език // Съпоставително езикознание. 1978. № 3. С.16-35.

Гливинская В.Н. За глотометрическите характеристики на препозиционно-префиксалната морфема ЗА в българския и руския език // Съпоставително езикознание. 1983. № 4. С. 5-19.

Гливинская В.Н. За глотометричните характеристики на препозиционно-префиксалната морфема НА в българския и руския език // Сборник научных трудов, посвященный 70-летию проф. М.Янакиева. 1993. С.179-195.

Драматургические же тексты выделяются на фоне общей безмятежной картины наличием существенных различий по всем типам употребления:

тпреф. = 4,64; тпреп. = 5,73; тсум. = 7,49;

Сопоставление средних частот появления исследуемого факта не оставляет сомнений в том, что причиной наблюдаемых различий является значительно более частое употребление ППМ ПО в русском драматургическом тексте как в функции префикса, так и в функции препозиции:

болг.	рус.
\bar{X} преф. = 3,10	\bar{X} преф. = 5,53
\bar{X} преп. = 1,98	\bar{X} преп. = 4,53

Подводя итоги, можно сказать, что по употреблению ППМ ПО как русские, так и болгарские тексты разных стилей весьма однородны. Наблюдаемые различия в болгарском языке связаны с беллетристическим стилем, с более частым употреблением морфемы в текстах этого типа в префиксальной функции. Различия же между русскими и болгарскими текстами проявляются лишь по отношению к драматургическим текстам и обусловлены более высокой частотой по явления исследуемого факта в русских драматургических текстах, что является причиной также и наблюдаемых различий между текстами драмы и всеми прочими текстами в рамках русского языка. Почему ППМ ПО так часто употребляется в русской драматургии – вопрос, ожидающий специального исследования. Во всяком случае, сегодня мы можем утверждать, что в изученных нами драматургических текстах ППМ ПО лидирует в трех типах употребления: препозиционном, префиксальном, а в итоге, и в суммарном.

Так что же стоит за цифрами? Кропотливый труд, позволяющий исследователю утверждать что-либо с высокой степенью надежности, которую можно измерить и проверить. Н.В. Котова и М. Янакиев верили, что измеримость и проверяемость результата являются мерилем научности, снижают вероятность субъективной оценки фактов в лингвистических исследованиях. В 1990 году Л.Л. Йомдин написал «Этюд к лексикографическому портрету русского предлога ПО»¹⁵. Думается, сегодня нам удалось представить «оцифровку» этого портрета.

Прорыв, наблюдаемый в последние десятилетия в информационных технологиях, открывает новые горизонты перед исследователями в самых разных областях знания. Современные корпусные исследования в лингвистике впечатляют своей масштабностью, но их результаты не противоречат полученным по методике, предложенной и примененной в

¹⁵ Йомдин Л.Л. Русский предлог ПО: этюд к лексикографическому портрету. //Metody formalne w oposci jezykow slowianskich. Biatystok.1990.

ГБР. Н.В. Котова и М. Янакиев опередили время, и я счастлива, что была их ученицей в университетские годы и еще много, много лет потом. Не защитив в срок диссертацию, я продлила свое «ученическое» общение с этими выдающимися учеными-новаторами до 55 лет своей жизни, о чем буду всегда вспоминать с большой благодарностью и благоговением.

Источники

1. Староболгарские тексты (XI век): "Ассеманиево Евангелие", "Саввина книга", "Супрасльская рукопись", "Синайская Псалтырь".

2. Среднеболгарские тексты: "Болонская Псалтырь", XII в.; "Хлудов паримейник", XIII в.; "Троянская притча", XIV в.; "Хроника Манассия", XIV в.

3. Тексты дамаскинов (письменные памятники XVI-XVIII вв.): "Кринский дамаскин", XVI в.; "Коприштенский дамаскин", XVII в.; "Троянский дамаскин", XVII в.; "Свиштовский дамаскин", XVIII в.

4. Современные болгарские и русские тексты разных стилей:

- беллетристические - из произведений П. Вежинова, Й. Радичкова, И. Давидкова, Н. Хайтова, В. Катаева и М. Шолохова;

- драматургические (как приближенные к разговорному стилю речи): из произведений Др. Асенова, Б. Балабанова, М. Величкова, Й. Йовкова, Вс. Вишневского и Е. Шварца;

- научные - статьи из научных журналов гуманитарной тематики;

- публицистические - статьи из прессы разнообразной рубрикации.

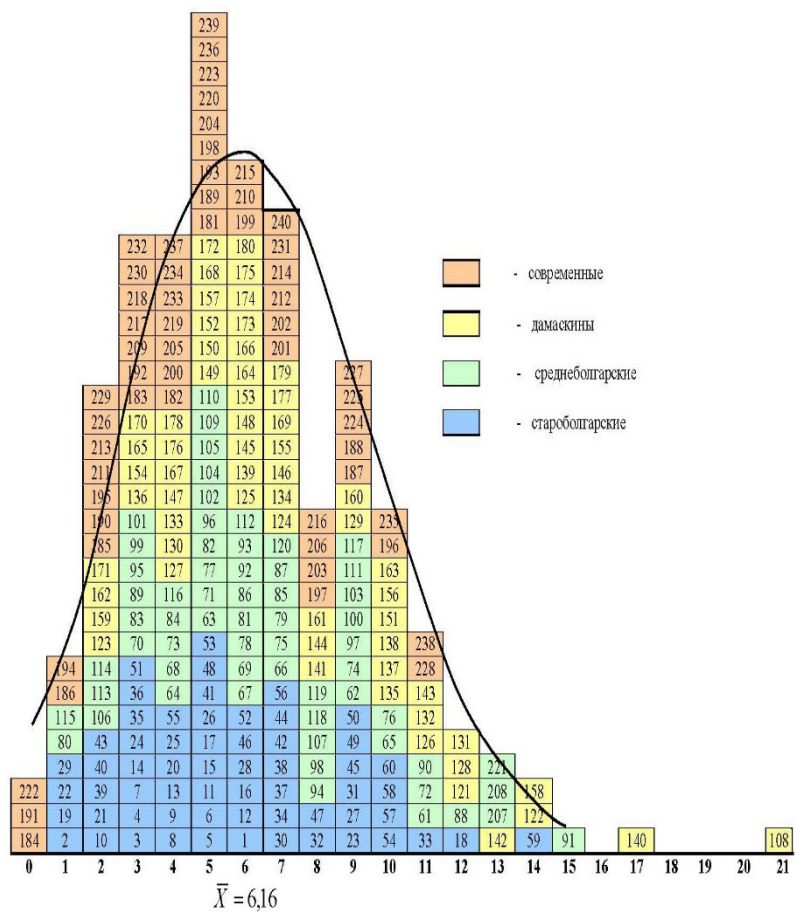
Используемые в работе статистические методы позволили ограничить исследование вышеперечисленных текстов исследованием выборки (размером в 15 килофон) из этих текстов. Выборка составляется из произвольно взятых проб. Каждая проба равна 1 килофону, то есть содержит в себе 1000 монофон. (Монофон - отрезок текста, обозначенный одной буквой фонемной транскрипции)¹⁶.

Литература / References

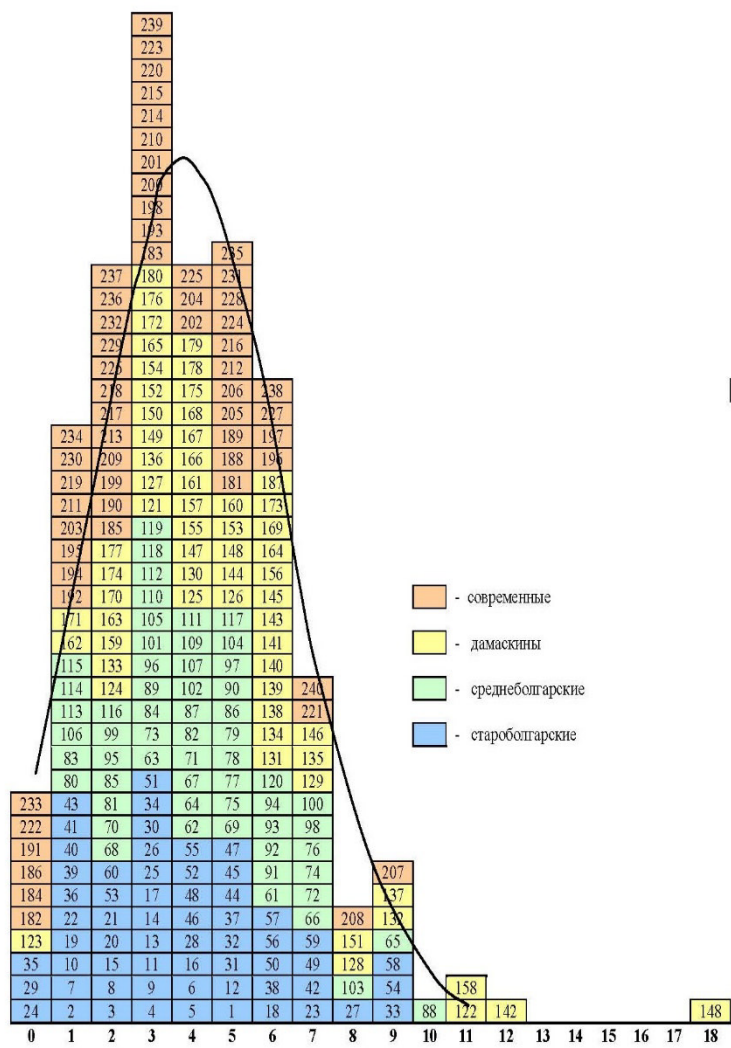
1. Андрейчин Л. Основна българска граматика. София, 1942.
2. Виноградов В.В. Русский язык. Грамматическое учение о слове. М.; Л., 1947.
3. Гливинская В.Н. За глотометрическите характеристики на препозиционно-префиксалните морфемии в българския и руския език // Съпоставително езикознание. 1978. № 3. С. 16-35.
4. Гливинская В.Н. За глотометрическите характеристики на препозиционно-префиксалната морфема ЗА в българския и руския език // Съпоставително езикознание. 1983. № 4. С. 5-19.
5. Гливинская В.Н. За глотометричните характеристики на препозиционно-префиксалната морфема НА в българския и руския език // Сборник научных трудов, посвященный 70-летию проф. М. Янакиева. 1993. С. 179-195.
5. Граматика на съвременния български книжовен език. София: БАН, 1983. Т. 2. 511с.

¹⁶ Адреса проб привождатся в Банке килофон журнала «Съпоставително езикознание». 1978. №3.

6. Добрушина Е.Р. Корпусные исследования по морфемной, грамматической и лексической семантике русского языка. М., 2014.
7. Йомдин Л.Л. Русский предлог ПО: этюд к лексикографическому портрету // *Metody formalne w opisie jezykow slowianskich*. Wiatystok, 1990.
8. Котова Н.В., Янакиев М. Грамматика болгарского языка для владеющих русским языком. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2001. 863 с.
9. Павлова Р. Словосочетания с предлогом ПО, выражающие причинное отношение в современном языке // *Славистични изследвания*. София. 1968.
10. Янакиев М. Стилистиката и езиковото обучение: София. 1977. 256с.

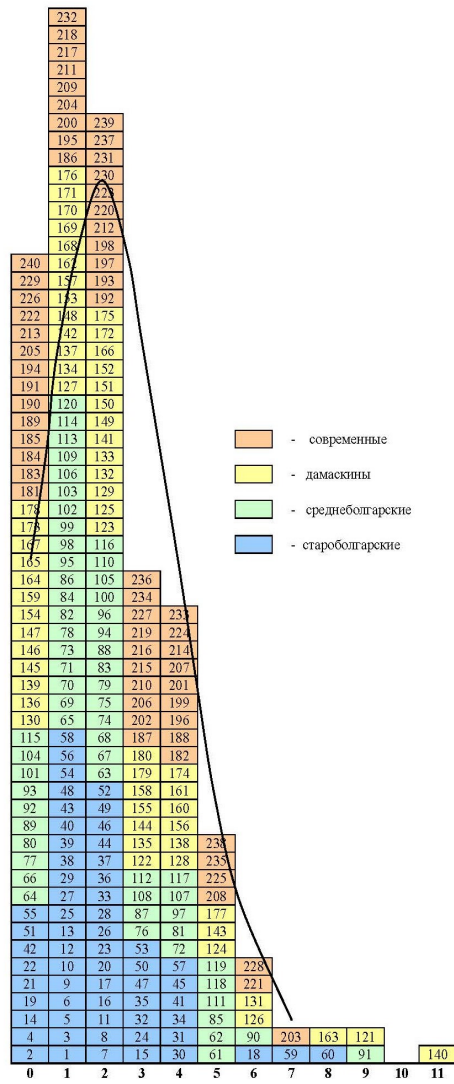
Приложение №1. Гистограмма 1-4.№1.
 Распределение частот ППМ ПО во всех исследуемых текстах. N = 240 кфн; $\sigma = 3,34$.

$$\bar{X} = 4,02$$

Приложение №2. Гистограмма 1-4-№3. Распределение частот морфемы ПО в префиксальном употреблении во всех исследуемых текстах.

N = 240 кфн; $\sigma = 2,54$

- современные
- дамаскины
- среднеболгарские
- староболгарские

$$\bar{X} = 2,15$$

Приложение №3. Гистограмма 1-4-№2. Распределение частот морфемы ПО в препозиционном употреблении во всех исследуемых текстах.
N = 240 кфи; $\sigma = 1,92$.

Приложение №4.

Оценка степени различия между выборками из текстов разных периодов t-критерием Стьюдента для ППМ ПО в препозиционном употреблении

Таблица 1-4-№1				
Тексты		2.Среднеболг	3.Дамаски-ны	4. Совр. болг.
	$\bar{y} =$	2,07	2,32	2,27
	$\sigma_y^2 =$	3,42	5,51	3,38
1.Старобол-гарские	$\bar{x} = 1,95$	0,40	0,98	0,98
	$\sigma_x^2 = 2,93$			
2. Средне-болгар-ские	$\bar{x} = 2,07$		0,65	0,60
	$\sigma_x^2 = 3,42$			
3.Дамаски-ны	$\bar{x} = 2,32$			0,13
	$\sigma_x^2 = 5,51$			
$t_{05\%} = 1,98; t_{01\%} = 2,62$				

ПАРТИЦИПИАЛЬНЫЕ МОРФЕМЫ БОЛГАРСКОГО ЯЗЫКА (ОПЫТ СТАТИСТИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ)

Е.В. Тимонина

PARTICIPIAL MORPHEMES IN BULGARIAN: STATISTICAL STUDY

E. V. Timonina

ABSTRACT

The article describes the changes of the participial morphemes during four periods in the history of the Bulgarian language. The texts of modern Bulgarian language are analyzed in terms of the functioning of participial morphemes in different styles. Statistical methods are used for investigation of language material.

Key words: Participial morphemes; participle; adjectives; Old Bulgarian period; medieval Bulgarian period; damaskian period; modern Bulgarian language; mathematical and statistical processing of language data.

АННОТАЦИЯ:

В статье описываются изменения, происходившие с партиципальными морфемами на протяжении четырех этапов истории болгарского языка. Тексты современного болгарского языка анализируются также с точки зрения функционирования партиципальных морфем в различных стилях. Для обработки языкового материала использованы статистические методы.

Ключевые слова: Партиципальные морфемы; причастия; прилагательные; староболгарский период; среднеболгарский период; дамаскинарский период; современный болгарский язык; математико-статистическая обработка языковых данных

В вышедшем в свет в 1993 г. «Сборнике научных трудов, посвященных семидесятилетию профессора Мирослава Янакиева» Надежда Васильевна Котова опубликовала статью «Глоттометрия и вопрос о начале нового периода истории болгарского литературного языка». Здесь дается краткая, но в то же время полная характеристика мнений современных исследователей, делается напоминание о том, что «именно чисто лингвистическая сторона проблематики недостаточно учитывалась в

дискуссиях»¹ о начале нового периода истории болгарского литературного языка, детальнейшим образом мотивируется возможность и, главное, необходимость использовать глоттометрическую методику исследования (т.е. математико-статистическую обработку языковых данных) для правильного решения поставленного вопроса, стиль ясный и четкий, что характерно для любой работы Надежды Васильевны. Но в то же время эта статья замечательным образом открывает нам ее автора не только как интереснейшего ученого, но и как выдающегося педагога, умеющего провести своего ученика по непростому пути настоящего научного исследования, педагога, уважающего и ценящего труд своего ученика, педагога, относящегося к своему ученику как к равному, даже если тот делает только свой первый шаг в науке — пишет дипломное сочинение: проводя свой собственный анализ языкового материала, Надежда Васильевна считает целесообразным сопоставить его с результатами, полученными дипломницей (редкость для научной работы маститого ученого!) 1968 г. Марианной Ярославской. В статье — по сути два равноценных исследования, результаты которых подкрепляют друг друга, усиливая их значимость. Это мастерство настоящего ученого и учителя!

В память о Надежде Васильевне Котовой предлагаемая ниже работа выполнена с помощью статистических методов — как и Мирослав Янакиев, Надежда Васильевна считала, что эти методы превращают языкознание в точную науку.

Причастия в болгарском языке не так удачливы, как, например, глагольный вид или глагольные времена: о причастных формах написано, в общей сложности, немного. В лингвистической литературе можно найти четкие схемы образования причастий² в современном болгарском языке; об их употреблении говорится очень обще и в исследованиях современного состояния языка, и в трудах по истории языка³: почти все типы причастий были частыми, живыми формами в староболгарский период, но в современном болгарском языке роль причастий измени-

¹ Котова Н.В. Глоттометрия и вопрос о начале нового периода истории болгарского литературного языка // Сборник от научни трудове, посветен на седемдесетгодишнината на професор Мирослав Янакиев. - София: Изд-во 1993 ЕТ — Бойко Качармазов, 1993. - С.153.

² Граматика на съвременния български книжовен език .Т. 2. Морфология — 2-ое изд. - София: Изд-во на Българската академия на науките, 1993. - С. 373-382.

Ницолова Р. Българска граматика. Морфология — София: Университетско издателство «Св.Климент Охридски», 2008. - С. 429 — 440.

³ Мирчев К. Историческа граматика на българския език — 3-е изд. - София: Изд-во «Наука и изкуство», 1978. - С. 236 — 241.

Иванова-Мирчева Д., Харалампиев И. История на българския език — Велико Търново: Изд-во «Фабер», 1999. - С.157 — 161.

Харалампиев И. Историческа граматика на българския език — Велико Търново: Изд-во «Фабер», 2001. - С. 165 — 169.

лась, исчезли действительные причастия прошедшего времени с суффиксом -вш-, наиболее активно употребляются действительные причастия прошедшего времени с суффиксом -л-, входящие в состав сложных глагольных форм, и страдательные причастия прошедшего времени с суффиксами -н-/-т- в конструкциях с глаголом «съм». В отдельные периоды внимание исследователей привлекали страдательные причастия настоящего времени с суффиксом -м- и действительные причастия настоящего времени с суффиксом -щ-: высказано предположение о возрождении в современном языке этих форм. Исследование причастий в современном языке ведется, в основном, в двух направлениях: конструкции, в которых появляются причастия, и использование причастий в различных стилях языка (разработка второго направления, как правило, ограничивается достаточно приблизительным противопоставлением публицистики и художественной литературы).

Специальное исследование причастной системы болгарского языка в диахронии не осуществлено.

Но причастия заслуживают большего внимания, поскольку изменения, происходившие с ними в болгарском языке, связаны с процессом перехода болгарского языка к аналитизму⁴.

Можно надеяться, что детальное диахроническое исследование отдельных языковых явлений, например, причастных форм, поможет, в конце концов, сблизить так называемые «узкое» и «широкое» понимание одного и того же изменения – аналитизации. Но это, так сказать, программа – максимум. Программа-минимум же состоит в возможно более подробном диахроническом исследовании причастной системы болгарского языка, установлении частоты употребления различных причастий в каждый определенный период истории болгарского языка, изучении темпа и характера изменений системы причастий, а также использования причастий в различных стилях современного болгарского языка.

Важно отметить, что объект исследования в данной работе не столько причастия в целом, сколько собственно материальный носитель семантики «партиципиальность» - морфема.

Предпринята попытка проанализировать морфемы⁵, а затем уже полиморфемы (в понимании Н. Котовой и М. Янакиева, авторов «Грамматики болгарского языка для владеющих русским языком»), словоформы, в которых появляется партиципиальная морфема, т.е. учесть последовательность образования значения целой словоформы.

⁴ Иванова-Мирчева Д., Харалампиев И. История на българския език — Велико Търново: Изд-во «Фабер», 1999. - С. 174.

⁵ Котова Н., Янакиев М. Грамматика болгарского языка для владеющих русским языком — М.: Изд-во Московского университета, 2001. - С. 21 -31.

Анализируя причастные морфемы, невозможно ограничиться только ими, совершенно необходимо дополнить анализ и исследованием соответствующих морфем в именах прилагательных. Для этого есть серьезные основания. Все лингвисты согласны с тем, что класс причастий имеет некоторые свойства, признаки как класса глаголов, так и класса имен прилагательных. Достаточно взглянуть на те определения, которые даются причастиям в грамматиках. Время от времени класс причастий теряет отдельных своих членов – они переходят в класс прилагательных. Например, «старобългарските сегашни страдателни причастия на -(е)м, -(и)м днес не са член на причастната ни система, а са подклас в класа на прилагателните имена, при това активизиран в днешно време»⁶. Такие перемещения, такая тесная взаимосвязь должны основываться на определенной общности происхождения и семантики морфем (или одной морфемы), существующих и в причастиях, и в прилагательных. И, действительно, такая общность – общность происхождения – отмечалась индоевропейцами, например, А. Мейе: «Страдательное причастие прошедшего времени восходит к индоевропейскому прилагательному на *-to, *-no, связанному с корнем или с именной основой, но первоначально независимому от глагольной системы»⁷. Точно также морфема -в- в причастиях и прилагательных восходит к общему индоевропейскому суффиксу *-wo.

Поэтому собранный материал распределен и обработан с учетом существования этих двух групп.

В группе I («причастной») собраны собственно причастные формы, отглагольные существительные на -не, -ние, -ник (типа «ученик»), -тие, в которых существование причастной морфемы не подвергается сомнению. Учитывались также нулевые алломорфы (Ø) морфемы (например, в форме «падъ»). Кроме того, учитывались случаи появления причастной морфемы в производных от причастий слова типа «необходимость».

Состав группы II («прилагательной») также ясен: в эту группу вошли прилагательные, притяжательные местоимения, наречия и существительные, образованные от прилагательных, в суффиксах которых есть морфемы -н-, -в-, -т-, -л-.

Используются термины:

1. «причастная морфема» - для всех морфем группы I; «причастная морфема в собственно причастных формах» и «причастная морфема в отглагольных существительных» - при более подробном анализе словоформ, в которых появляются морфемы

⁶ Ницолова Р. Българска граматика. Морфология. София: Университетско издателство «Св.Климент Охридски», 2008. - С. 439.

⁷ Мейе А. Общеславянский язык — 2-ое изд. - М.: Издательская группа «Прогресс», 2001. - С.187.

группы I; чтобы избежать повторов, вводится сокращенное название морфем группы I, например, «Н-I» (с соответствующими, если это необходимо, дополнениями);

2. «морфема в именах прилагательных» - для анализа всех морфем группы II (сокращенно, например, «Н-II»).

Материалом для настоящей работы послужили тексты староболгарского периода (Ассеманиево евангелие, Саввина книга, Супрасльская рукопись, Синайская псалтырь), среднеболгарского периода (Болонская псалтырь, Хлудов паримейник, Троянская притча, Манасиева хроника), дамаскинарского периода (Кырнинский дамаскин, Троянский дамаскин, Копривштенский дамаскин, Свиштовский дамаскин), современного периода (научные тексты, драма (как эквивалент разговорной речи), художественная проза, газетные тексты).

Для исследования из каждого текста взято по 15 проб, каждая из которых равна 1000 фон (1 килофоне) (монофона – отрезок текста, обозначенный одной буквой фонемной транскрипции – единица измерения, наиболее удобная для статистической обработки текста). Используются статистические методы исследования: определяется средняя частота появления исследованных морфем (данные приводятся в статье), утверждения о существенности или несущественности различий опираются на результаты проверки с помощью t-критерия Стьюдента, применимость которого обосновывается относительно низким коэффициентом вариации (V) Пирсона (для двух последних критериев цифровые данные не приводятся в статье).

Приводимые ниже данные показывают, как меняется средняя частота появлений исследованных морфем по мере развития языка, и становится ясно, что ни для одной из этих морфем нельзя говорить о совершенно стабильном, неизменном употреблении в на протяжении всех четырех периодов:

	Староболг.	Среднеболг.	Дамаск.	Соврем.
В-I	3,92	2,97	0,12	0
В-II	2,25	4,10	3,62	5,05
Н-I	4,38	4,28	3,78	7,27
Н-II	5,48	6,77	8,87	14,78
Т-I	0,17	0,20	0,62	1,19
Т-II	0,27	0,38	0,18	0,11
М	0,50	0,48	0,32	0,25
Щ	5,45	3,22	0,42	1,05
Л	0,88	0,98	2,20	2,22

Степень изменения, время перелома в развитии для каждой морфемы различны.

Прежде всего отметим редкие во все периоды морфемы: Т-I, Т-II, М. Исторические изменения (для Т-I увеличение, для Т-II и М уменьшение величин средних частот) незначительны. Наметьте четкую границу начала изменений трудно: процесс постепенный, равномерный. Важно, что проделанный анализ позволяет опровергнуть существовавшее некоторое время в болгарской лингвистике XX-го в. и встречающееся в трудах XXI-го в. предположение о возрождении (активизации⁸) морфемы М.

Далее укажем морфемы с уменьшающейся по мере развития языка средней частотой употребления: В-I и Ц. Для этих морфем переломный момент определяется достаточно точно: дамаскинарский период. Интересно, что исследование показало, действительно, некоторую активизацию морфемы Ц в современном языке.

Остаются морфемы с увеличивающейся по мере развития языка средней частотой употребления: В-II, Н-I, Н-II, Л. Для В-II яркую границу изменений обнаруживаем при сравнении староболгарского и среднеболгарского периодов (затем равномерное нарастание), для Н-I – два рывка (от среднеболгарского периода к дамаскинарскому и от дамаскинарского к современному), для Л – от среднеболгарского к дамаскинарскому периоду.

Стилистическое расслоение современного болгарского литературного языка с точки зрения функционирования исследованных морфем выглядит следующим образом:

Х ⁹	>	Х
В-II	драма	научные, газетные тексты и беллетристика
Н-I	научные, газетные тексты	драма, беллетристика
		(такое разделение отчетливо проявляется при анализе морфемы Н-I в собственно причастных формах и при анализе той же морфемы в отглагольных существительных, в то время как исследование морфемы без разделения на указанные словоформы фиксирует промежуточное положение беллетристики)
Н-II	научные, газетные тексты	драма, беллетристика
М	научные, газетные тексты	драма, беллетристика

⁸ Ницолова Р. Българска граматика. Морфология — София: Университетско издателство «Св.Климент Охридски», 2008. - С. 439.

⁹ Х – величина, представляющая собой среднее арифметическое наблюдаемых во всем исследуемом тексте частот данного факта

(первая совокупность недостаточно едина, что можно объяснить очень малой величиной средней частоты появления морфемы)

Щ	научные, газетные тексты	драма, беллетристика
Л	драма, беллетристика	научные, газетные тексты

(текст исторического характера, правда, вызывает сближение исследованных научных текстов с драмой)

Попробуем в качестве примера более детального изучения партиципальных морфем болгарского языка, опираясь на полученные статистические данные, рассмотреть вопрос о том, что же подталкивало исследователей болгарского языка к объединению в рамках одной категории, описываемой в грамматиках как страдательные причастия прошедшего времени, морфем -н- и -т- и что мешало этим морфемам развиваться одинаковым образом. Авторы грамматик болгарского языка традиционно упоминают о том, что круг основ, к которым присоединяется морфема -т- ограничен (но только ли это стало причиной малой частоты употребления этой морфемы?), значение же (и употребление) морфемы -т- описывается как практически равное значению морфемы -н-. Но, может быть, именно в различии значений (что можно проследить через употребление) откроется какая-то иная причина стабильно редкого употребления морфемы -т-?

Начнем с того, что попытка найти зависимость между средними частотами появлений морфем -н- и -т- (например, если уменьшается частота употребления причастной морфемы -н-, то уменьшается и частота употребления причастной морфемы -т-), попытка найти некую зависимость, которая объединила бы все тексты всех периодов развития болгарского языка, всех стилей, успеха не принесла. Хотя и «неудачу» можно в этом случае считать немаловажной удачей: отсутствие подобной зависимости может быть косвенным доказательством самостоятельности морфем, доказательством существования особой, самостоятельной семантики у каждой из них. Итак, в чем сходства и различия этих разных самостоятельных морфем? Начнем с различий. Во-первых, морфема -н- (в причастных формах и в именах прилагательных) появляется очень часто, во много раз чаще, чем морфема -т- (в причастных формах и в именах прилагательных).

Во-вторых, морфема -н- (как в именах прилагательных, так и в причастных формах) заметно прогрессирует, становится все более частой с течением времени, показывает в этом отношении существенное различие в частоте появления для морфемы -н- в именах прилагательных во все периоды истории болгарского языка, а для причастной морфемы -н- особенно заметно отличие современного болгарского языка от всех предшествующих периодов. Для морфемы -т- в причастных формах

можно отметить лишь чрезвычайно малое увеличение частоты в современных текстах (практически такое различие исчезает, если исключить интенсивно употребляемую в научно-газетном стиле лексему "развитие").

В-третьих, причастная морфема -н- развивает новую категорию – отглагольные существительные с суффиксом -не, которая активно используется всеми стилями современного языка.

В-четвертых, с помощью причастной морфемы -н- от глаголов несовершенного вида в современном болгарском языке образуются такие страдательные причастия, которые фактически эквивалентны по значению исчезнувшим в современном языке страдательным причастиям настоящего времени («описвани събития»).

С причастной морфемой -т- ничего подобного не происходит. Новые категории слов, новые полиморфемы на ее основе не возникают, в современном языке употребляются лексемы, известные во все периоды истории болгарского языка, или заимствованные, такие как «битие, събитие, житие, понятие, предприятие, мероприятие, (само)разкрытие, открытие» и , наконец, «развитие» – лексема, широко используемая в научно-газетном стиле.

Но кроме различий у причастных морфем -н- и -т- есть очень важное для нас сходство. В современном болгарском языке 46 % причастных форм с морфемой -н- и 72% причастных форм с морфемой -т- выступают в роли определений. Однако интересно, что, например, в научно-газетном стиле 46% причастных форм с морфемой -н- функционирует как определение и 54% - в составе безлично-пассивных глагольных конструкций. Приблизительно то же соотношение — т. е. в составе безлично-пассивных конструкций рассматриваемые причастные формы используются чаще, чем в качестве определений - существует и для причастных форм с морфемой -т-: 24% и 76%. (Правда, нужно учитывать, что морфема -т- относится к редким морфемам и нельзя придавать слишком большого внимания собственно цифрам 24% и 77%).

Итак, большая часть причастных форм с морфемами -н- и -т- в газетно-научном стиле входит в состав пассивно-безличных глагольных конструкций. Это можно считать интересным доказательством близости (или тождественности?) семантики причастных морфем -н- и -т- и морфем -н-, проявляющей свое значение, например, в указательных местоимениях (типа «онзи»), и -т-, проявляющей свое значение, например, в указательных местоимениях (типа «този») и в членной форме. Действительно, в безлично-пассивных глагольных конструкциях регулярно появляются именно морфемы -н- и -т- и морфема -с- в возвратном местоимении. Не переключается ли эта «безличность» с той семантикой пространственно-временной отдаленности, которую передает демонстративная морфема -н-? «Пассивность, безличность, отдаленность» – не

одного ли ряда эти понятия? Не подключается ли к ним понятие «абстрактность», качество, ставшее своего рода идеалом научно-газетного стиля, оперирующего фактами, старающегося подавать, толковать эти факты как можно менее субъективно?

Если причастно-прилагательная морфема -н- так же, как и морфема -н- в указательных местоимениях, обладает семантикой «отдаленность (от информатора), начало (если конец ближе к информатору) или конец (если начало ближе к информатору), окружение (периферия, если информатор - в центре) или среда (в смысле: окружение)» (морфема медиумности¹⁰), то можно предположить, что именно это ее свойство и сдерживает развитие причастно-прилагательной морфемы -т-, поскольку причастно-прилагательная морфема -т- так же, как и морфема -т- в указательных местоимениях и членной форме, обладает иной семантикой: сигнализирует «об «отдаленном» («удаленном», а стало быть, и «отделенном» (морфема сепаративности¹¹)).

Литература / References

1. Граматика на съвременния български книжовен език .Т. 2. Морфология — 2-ое изд. - София: Изд-во на Българската академия на науките, 1993.
2. Иванова-Мирчева Д., Харалампиев И. История на българския език — Велико Търново: Изд-во «Фабер», 1999.
3. Гугуланова Ив. Българските причастия и деепричастия в славянски контекст — София: Университетско издателство «Св.Климент Охридски», 2005.
4. Котова Н.В. Глоттометрия и вопрос о начале нового периода истории болгарского литературного языка // Сборник от научни трудове, посветен на седемдесетгодишнината на професор Мирослав Янакиев. - София: Изд-во 1993 ЕТ — Бойко Качармазов, 1993.
5. Котова Н., Янакиев М. Грамматика болгарского языка для владеющих русским языком — М.: Изд-во Московского университета, 2001.
6. Мейе А. Общеславянский язык — 2-ое изд. - М.: Издательская группа «Прогресс», 2001.
7. Мирчев К. Историческа граматика на българския език — 3-е изд. - София: Изд-во «Наука и изкуство», 1978.
8. Ницолова Р. Българска граматика. Морфология — София: Университетско издателство «Св.Климент Охридски», 2008.
9. Харалампиев И. Историческа граматика на българския език — Велико Търново: Изд-во «Фабер», 2001.

¹⁰ Котова Н., Янакиев М. Грамматика болгарского языка для владеющих русским языком — М.: Изд-во Московского университета, 2001. - С. 454.

¹¹ Котова Н., Янакиев М. Грамматика болгарского языка для владеющих русским языком — М.: Изд-во Московского университета, 2001. - С. 452.

ОППОЗИЦИИ АОРИСТ/ИМПЕРФЕКТ И СОВЕРШЕННЫЙ/НЕСОВЕРШЕННЫЙ ВИД В ИСТОРИИ БОЛГАРСКОГО ЯЗЫКА

М.Н. Белова

ON TWO VERBAL OPPOSITIONS IN THE HISTORY OF BULGARIAN: THE AORISTUS VS. IMPERFECTUM AND THE PERFECTIVE VS. IMPERFECTIVE ASPECT

Maria N. Belova

ABSTRACT

The article discusses the ratio of two Bulgarian aspectual oppositions – the one traditionally accepted in the Slavic philology “aoristus”/“imperfectum” and the other of perfective/imperfective aspects. In Bulgarian, in contrast to most Slavic languages, both oppositions are preserved with special interaction with each other. Already in the XVII century we have four semantically distinguished forms: perfective/imperfective aorist and the other perfective/imperfective form, traditionally called *imperfectum*. The paper presents the detailed account of two less frequent and semantically more complex forms, observed in the texts of XVII-XVIII centuries and in that of contemporary Bulgarian.

Key words: aoristus; imperfectum; Slavic aspect; history of language; Bulgarian language

АННОТАЦИЯ:

В статье рассматривается соотношение в болгарском языке двух аспектуальных оппозиций – аориста/ имперфекта и славянского совершенного/ несовершенного вида. В болгарском языке, в отличие от большинства славянских языков, сохраняются, вступая во взаимодействие, обе оппозиции. Уже к XVII в. семантически разграничены четыре формы (аорист СВ, аорист НСВ, имперфект НСВ, имперфект СВ). В статье подробно рассмотрено употребление двух менее частотных и семантически более сложных форм в текстах XVII-XVIII вв. и в современных болгарских текстах.

Ключевые слова: аорист; имперфект; славянский вид; история языка; болгарский язык

Аорист/имперфект и совершенный/несовершенный вид (славянского типа) — это, в терминах Ю. С. Маслова, две ВИДОВЫЕ оппозиции, в известном смысле сходные по содержанию [Маслов 2004]. Обе они

представлены в общеславянском языке и первоначально унаследованы всеми славянскими языками. Однако указанное семантическое сходство между ними приводит в большинстве славянских языков либо к утрате одной из них, а именно А:И (=аорист/имперфект), которые вытесняются старым перфектом (как это происходит в языках восточной и западной — исключая сербо-лужицкие языки — группе), либо к установлению прямой зависимости в претерите одной оппозиции от другой, к наложению одной на другую в плане прошедшего, так, скажем, в сербо-лужицком языке в форме аориста употребляются только глаголы СВ в форме имперфекта только глаголы НСВ. Третий вариант дальнейшего сосуществования двух названных оппозиций представлен в современных болгарском и македонском языках. Пересекаясь, две оппозиции образуют четыре «ячейки», четыре возможные формы, создавая различные сочетания смыслов длительности, повторяемости, завершенности и целостности в каждой конкретной форме (Аорист СВ, Аорист НСВ, Имперфект НСВ, Имперфект СВ).

Оппозиция аорист/имперфект общеиндоевропейская, хотя с точки зрения формы славянский имперфект позднее новообразование, возникшее уже на славянской почве, старый же индоевропейский имперфект утрачен (остатки его рядом ученых усматриваются лишь в общеславянских формах простого аориста). Происхождение нового славянского имперфекта — вопрос спорный и непростой. В соответствующем разделе книги П. С. Кузнецова «Очерки по морфологии праславянского языка» [Кузнецов 2002: 110 и далее] даётся обзор более десятка точек зрения на происхождение новых форм имперфекта. Рассматривая формирование специфической славянской видовой оппозиции, Ю. С. Маслов утверждает, что оппозиция аорист/имперфект уже в её новом виде хронологически старше специфической славянской оппозиции СВ/НСВ. Этим исследователь мотивирует тот факт, что в поздний праславянский период, когда формируется славянский вид, те предельные и неопредельные глаголы, из которых, по его мнению, в частности и формируется видовая оппозиция, уже имели формы как аориста, так и имперфекта. Несколько иное — с точки зрения хронологии формирования двух оппозиций, но не с точки зрения их соотношения — представление находим у В.К. Журавлева: «Процесс формирования новой оппозиции (А:И) шел параллельно с процессом формирования специфически славянской видовой корреляции, был *тесно связан с последним*. Общая тенденция к единой глагольной основе обусловила возможность образования форм аориста и имперфекта первоначально от глаголов как совершенного, так и несов. вида. Правда, — продолжает исследователь, — глаголы несов. вида предпочитали формы имперфекта, хотя и допускали формы аориста» [Журавлев 2004: 177]. Интересно, что автор не комментирует последнее, самое интересное, соотношение — а именно, формы имперфекта совершенного вида. Язык первых славянских переводов показывает ровно то же самое, о чем пишет В. К.

Журавлев: в аористе чаще используются глаголы СВ, хотя встречаются и формы аориста НСВ, в имперфекте чаще глаголы НСВ, и хотя общепризнанна возможность существования форм имперфекта СВ (ср. указание на это в учебниках старославянского языка), в наиболее ранних памятниках эти формы практически не встречаются. По нашему наблюдению, абсолютно такая же ситуация в болгарском литературном языке XIV-XV вв. — в так называемой «тырновской норме» (по крайней мере, в произведениях яркого представителя Тырновской книжно-литературной школы Григория Цамблака) формы Аор. СВ и Имп. НСВ измеряются сотнями, формы Аор. НСВ единичны, а форм Имп. СВ и вовсе не встретилось). Приведём лишь редкий пример Аор. НСВ: **Видѣ сте ли, възлюблени, жены лѹкав'ство? Слышате ли оудобь прѣлѣстное сиѹх коварство?** [Давидов... 1983: 7.12-13]. Следует прокомментировать, что первый глагол в XIV веке, в отличие от современного болгарского языка, функционирует обычно как глагол НСВ. Данные об употреблении четырёх рассматриваемых форм представляются интересными (и даже странными) для истории болгарского языка, сохраняющего и поныне обе оппозиции. Ещё более необычным это кажется на фоне интересных сведений о довольно широком распространении Имп. СВ в древнерусском языке (множество примеров и подробный анализ представлен в исследовании Ю.С. Маслова «Перфективный имперфект в древнерусском литературном языке» 1954 года, см. [Маслов 2004: 141-176]) и в древнечешском языке, т. е. как раз в тех языках, которые в дальнейшем вовсе утратили «простые» прошедшие времена, а также в старохорватском. Возвращаясь к болгарскому языку XIV века, следует вспомнить, что сама «Евфимиевская норма» носила ретроспективный характер, явно ориентировалась на язык и норму кирилло-мефодиевских переводов. Вероятно, исследование памятников того же периода, в большей мере отражающих новые грамматические особенности, формирующиеся в среднеболгарский период, даст иные результаты.

В памятниках болгарской письменности XVII-XVIII вв., язык которых весьма значительно отражает особенности живого общенародного языка (это и дамаскины, и сочинения Иосифа Брадатого, а также авторов, стоявших у истоков болгарского Возрождения — Паисия Хилендарского и Софрония Врачанского), уже широко представлены все четыре возможные и в современном болгарском языке формы: 1) аорист СВ 2) имперфект НСВ (как более частотные), а также 3) аорист НСВ и 4) имперфект СВ. Подробное описание данных форм с избытком примеров представлено в кандидатской диссертации Е.И. Деминой «Значение и употребление прошедших времен в памятниках болгарской письменности XVII-XVIII веков», см. [Демина 1954]. Из названного исследования следует, что к этому периоду во многом уже сложилось вполне современное болгарское употребление этих форм. Особый интерес представляют для нас те из форм, существование которых, поддержива-

ло сохранение двух оппозиций (аорист/ имперфект и СВ/ НСВ) и, видимо, служило одним из сдерживающих внутриязыковых факторов, не позволивших слиться двум оппозициям фактически в одну (в плане повествования о действиях в прошлом) или же и вовсе утратиться, став излишними в результате наложения двух оппозиций А/И и СВ/НСВ вида, грамматическим формам аориста и имперфекта, будучи вытесненными нейтральным славянским перфектом (соответственно СВ и НСВ). О причинах см., например, [Грозданович 1998: 115-125].

Речь идёт о двух менее частотных и семантически несколько более сложных формах: Аорист СВ и Имперфект НСВ.

1) АОРИСТ НСВ

Важная особенность, которую отмечает исследовательница текстов XVII-XVIII вв.: такие формы чаще всего образуются от непарных бесприставочных глаголов НСВ (*стоя, лежа, держа, има*) — т. е. от неопределённых глаголов [Демина 1954: 65]. На ту же особенность указывают последние болгарские грамматики: вторичные глаголы НСВ (особенно вторично имперфективные) употребляются в аористе крайне редко [Ницолова 2008: 290].

Аористная основа и аористные флексии в этих формах передают целостность (завершенность, но не в смысле *достижения предела*, перехода в новое состояние, а скорее в смысле *прекращения*) определённое время длящегося действия или чреды ограниченно повторяющихся в прошлом действий. Значение же длительности (или повторяемости) действия берет на себя основа НСВ. Важные особенности Аор. НСВ — это

а) невозможность выражения последовательности действий несколькими глаголами в такой форме (в этом случае действия будут мыслиться как длившиеся или повторявшиеся ограниченное время одновременно, параллельно):

И поиде тогази Јоаннь горѣ на планину... и неговь ученикъ Прохоръ и молиха се БогуГ. дни ни иде ни пи (Копривщ. дамаск.). Здесь и далее примеры из дамаскинов почерпнуты из исследования [Демина 1954].

Пет дни не яде, не пи и почти не спа, само ми се молише и обещаваше, че каквото било — било¹.

Если же в тексте перемежаются формы Аор.СВ и Аор.НСВ, то последние также могут «вести повествование», обозначая последовательные действия:

Симеон... излъзе из црквата, и отиде на пуство мѣсто, и лежа нички на земли ѿ зѣ дни и, плаче и моли се бѣ, и не исправи се никакъ... и на осмыи день станъ и поиде на монастирь (Тихонр. дамаск.)

¹ Примеры из современного болгарского языка без указания источника почерпнуты из разнообразных интернет-переписок, форумов и под.

б) формы Аор.НСВ очень часто сопровождаются в тексте различными определениями длительности действия (точного или приблизительного):

*Разболе са пупадіа, леже болна **шестъ мци** и престави са
Веднъж той пи много, разболя се и цели **три дни** лежа на легло*
(Г. Караславов «В ковачницата»).

Важным отличием этой формы от формы Имп.НСВ с подобными обстоятельствами времени заключается в том, что действие «все полностью, на всем своем протяжении приурочено к определенному периоду в прошлом и представляет интерес для говорящего в своей целостности» [Демина 1954: 68]. Ср. редкий контекст, где при указании на интервал используется Имп. НСВ:

*Героят на историята **30 години и 3 години** лежеше на печката, а след това изведнъж скочи...*(здесь интервал, несомненно, фольклорная фигура речи, т. е. его едва ли можно считать точным указанием на период совершения действия).

Интересны старые употребления Аор.НСВ с наречиями степени (*много, колко, толкова*):

*И аз се смъсих със тях и много плаках и азъ. **Колко** лежа Авель непогребенъ? (Белгр. дамаск.)*

*...Тъй **много** плака/тоз художник,/когато не успя /сълза да нарисова... (перевод арабской поэзии - Ибрахим Насруллах)*

*„Плаках **много** след контузията в коляното“, не скри Тимеа Бачински, която през октомври беше принудена да се оттегли от турнира в Люксембург заради частично разкъсване на кръстни връзки. (интернет-источник)*

*Ох, **колко** се смяха Луната и мистър Крокотак (Доналд Бисет «Мистер Крокотак» — Небивалици).*

В следующих примерах имеется указание на количество проявлений действия (действие хоть и повторялось, но уже прекратилось, оно уже может быть воспринято целостно):

*Така наемах **три** четыре **пъти** и не могох (Тихонр. дамаск.)*

Ср. Аор.СВ в том же значении: ***Единадесет** пъти яви се Хс на учениците си (Тихонр. дамаск.)*

***Три** пъти мислих върху тоя текст и три различни заключения ми излезнаха. Нещо ми липсва тук... ще очаквам продължението (интернет-ресурс).*

*Полицията го прибира **няколко** пъти, но пак го пуска. ... (интернет-ресурс)*

И все же далеко не всегда Аор. НСВ сопровождается в тексте какими-либо определителями кратности, времени или степени. Не бывает их обычно, когда данная форма употребляется в очень нетипичном для аориста как такового и редком общефактическом значении:

Два разума има тука... Дали е поистина таде Хс по въскрeние или не таде. И ако речем: «не таде», а ные лъжем ако ли речемъ. оти таде. а то да питаме. как таде и защо... (Тихонр. дамаск.)

Марийка късно ли те намери? (Аор.СВ) — Коя Марийка? - Как? Не намира (Аор.НСВ) ли те тя? (И. Вазов) Действително, той посещава (Аор.НСВ) тогава курс по пеене, но не можа да напредне много.²

Как показывают приведенные примеры, это редкое значение, встречающееся в текстах XVII в. сохраняется и в современном болгарском языке, но как весьма специфическое и редкое. Гораздо более обычна и частотна в современном болгарском языке передача подобных смыслов формами перфекта (общефактическое значение перфекта), особенно это наглядно в отрицательных и вопросительных предложениях. Однако в тексте Паисия Хилендарского «История славяноболгарская» (1762 г.) читаем:

Не учих се ни граматика, ни политика никако, но простим болгаром просто и написахъ (Паисий, 85).

А вот перевод того же отрывка на современный болгарский язык (для школьников и др.), где форма аориста заменена на форму перфекта:

Не съм учил никак нито граматика, нито светски науки, но за простите българи просто и написах.

Другой пример общефактического значения Аор. СВ — в отрицательном предложении:

Не дохожда ли (Аор.СВ) ти наумъ, Георги, за това добро, щото струвам азъ тебе? (Любл. дамаскин). Ср. пример из совр. болг. языка:

- Не ти ли е идвало (перфект) наум, че си похабил тоя свой живот с литературата и критиката?

- Категорично не (из интервью).

Очевидно, в этих случаях (констатации факта наличия или отсутствия действия) перфект не только конкурирует с редкими формами Аор.НСВ, но и в большинстве случаев вытесняет их.

2) ИМПЕРФЕКТ СВ

Болгарский имперфект нередко называется «относительным настоящим» и выражает не собственно временные, а таксисные отношения: описывает действия, одновременные другому действию (выраженному аористом) или просто протекающие либо неограниченно повторяющиеся в прошлом. Они создают фон, на котором «движется» основное повествование, ср. [Бояджиев ... 1999: 396 и далее].

Формы Имп.СВ (как и НСВ) выражают неограниченную, незамкнутую, открытую (в отличие от соответствующих аористных форм) повторяемость. Имп.СВ при этом очень редко используется в независимых контекстах, обычно при этом должны использоваться несколько таких

² Два примера из грамматики [Ницолова 2008].

форм подряд, образующих цепочку, неограниченный ряд (имперфект) последовательных целостных, доведенных до предела (СВ) действий.

Родителѣ неговѣ прѣставиха се и иманіето бащино му остана нѣму въ рыцѣте. И тоизи добродѣтели мужь не разсипа го, ами что струваше (Имп.НСВ): бѣши съки день, нахранѣше(?) гладны, напопаваше(?) жьдны, облачѣше(?) голы, пригледуваше(?) сиромасы. (Любл. дамаскин). Пример из диссертации Дёминой, но, как нам кажется, он сомнителен, если выделенные формы могут трактоваться как перфективные (хотя и тут возможна орфографическая подмена а-йотированного ятем), то две другие и вовсе имперфективны.

Но вот другой пример: *«И щото бѣха тѣмниции..., сичко бѣши плно със христіаніи. И едны от тѣх наскоро гы прѣдадѣха (Имп.СВ) на съмръть та гы посъчѣха (Имп.СВ), а другые мъчаха и наказуваха гы»...* (Любл. дамаскин). Две последние формы (вопреки их трактовке в диссертации) образованы от глаголов НСВ. Тем самым, чередованием СВ и НСВ в формах имперфекта при рассказе о повторяющихся событиях прошлого создается контраст между компактными, каждый раз доводимыми до логического предела действиями (Имп. СВ) и длительными, неограниченными логическим пределом действиями (Имп. НСВ).

Более современный и абсолютно несомненный пример:

Сложеше друг път Ивана да ядат. Напълнеше новата шарена паница с топла пилешка чорба и тиганята с каша, замиршеше къщата на чубрица и препържено — слюнките изпълняха устата му. Струваше му се, че като засърба, капчица не ще остави. (О. Васильев — пример из [Ницолова 2008]).

В большинстве же случаев Имп.СВ используется в составе **сложноподчинённых предложений**, в их придаточной части, сочетаясь с Имп.НСВ в главной. СВ при этом служит выражению предшествования, завершенности первого действия до наступления другого или же обусловленности второго действия первым, т. е. СВ и НСВ выражают последовательность (так же, как это происходит в настоящем времени), а имперфект указывает на неограниченную повторяемость данной последовательности в плане прошлого. Такое употребление Имп.СВ (и виды отношений между главным и придаточным) подробно описано в исследованиях Ю.С. Маслова, посвященных болгарскому глагольному виду [Маслов 2004: 204-216]:

И коги станеши (Имп.СВ) зима, а тѣ отхаждаха (имп.НСВ) на град. (Свищов. дамаск.)

А когато настъпеше (Имп.СВ) тишина и се зачухе (Имп.СВ) команди, той като че предугаждаше (Имп.НСВ) какво има да става, наостряше (Имп.НСВ) уши и поглеждаше (Имп.НСВ) към оная страна, отдето зловецо проечаваше (Имп.НСВ) първият топовен гърмеж. (Й. Йовков «Другар»).

Значение обусловленности или, иными словами, модальное значение Имп.СВ, служащего для выражения потенциально возможного действия присуще этим формам в составе придаточных условия или уступки:

Бъхме четворица оу една верига кратка, не можехме да полегнем никак, ами ако полегнеше (Имп.СВ) от нас двоица, а оны двоица сѣдѣха (Имп. НСВ). (Софроний Врачанский).

Последний пример потенциального условного периода в современном болгарском языке. Использование Имп.СВ в условной части в нем то же, что и в тексте XVIII века, главная же часть согласно нормам современного болгарского языка выражено будущим в прошедшем.

Ако Бог забравеше (Имп. СВ) за момент, че съм една парцалена кула, и ми подареше (Имп. СВ) късче живот, може би нямаше да казвам всичко, което мисля, но със сигурност щях да мисля всичко това, което казвам тук. (из перевода «Прощальго письма» Маркеса).

Форма имперфекта СВ в этом случае выражает потенциальную возможность, в отличие от другой возможной формы (плюсquamперфекта *беше забравил*), которая в данном контексте указывала бы на ирреальность, невозможность выполнения условия.

Литература / References

1. Бояджиев Т., Куцаров И., Пенчев Й. Съвременен български език: фонетика, лексикология, словообразуване, морфология, синтаксис. София: Издателска къща «Петър Берон», 1999.
2. Гвозданович Я. Видовые параметры и взаимоотношение между типологиями вида и времени в славянских языках // Типология вида: проблемы, поиски, решения. М.: Школа «Языки русской культуры», 1998.
3. Дёмина Е. И. Значение и употребление прошедших времён в памятниках болгарской письменности XVII-XVIII веков: Дисс. на соискание учёной степени канд. филол. наук. М., 1954
4. Давидов А., Данчев Г., Дончева-Панайотова Н., Ковачева П., Генчева Т. Житие на Стефан Дечански от Григорий Цамблак. София: Издателство на Българската академия на науките, 1983 [ЖСД]
5. Журавлёв В. К. Диахроническая морфология. Издание второе, стереотипное. М.: УРСС, 2004
6. Кузнецов П. С. Очерки по морфологии праславянского языка. Издание второе, стереотипное. Москва: УРСС, 2002
7. Маслов Ю. С. Очерки по аспектологии/ Избранные труды: Аспектология. Общее языкознание, М.: Языки славянской культуры, 2004.
8. Ницолова Р. Българска граматика. Морфология. София: Университетско издателство «Св. Климент Охридски», 2008.

ВВОДНЫЕ СЛОВА В СЕРБСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ

И.Е. Иванова

PARENTHETIC WORDS IN THE SERBIAN AND RUSSIAN LANGUAGES

I.E. Ivanova

ABSTRACT

The article discusses the attitude to the category of the parenthetical words in Serbian and Russian linguistics, the basis for their inclusion in a special group, their fixation in grammars and dictionaries. The author notes the influence exerted by the traditional punctuation on the degree of realization of parenthetical words as a special part of speech.

Key words: parenthetical words; punctuation; grammatical tradition; modal particle; Serbian language.

АННОТАЦИЯ:

В статье рассматривается отношение к категории вводных слов в сербской и русской лингвистике, основания для их включения в особую группу, их фиксация в нормативных изданиях. Отмечается влияние, оказываемое пунктуационной традицией на степень осознания вводных единиц как особой части речи.

Ключевые слова: вводные слова; пунктуация; грамматическая традиция; модальные частицы; сербский язык.

Обычно представление о вводных словах связано у носителей русского языка с проблемами пунктуации, так как уже в средней школе они изучают группы вводных слов, чтобы на письме выделять их знаками препинания. Для русского языка выделение категории вводных слов диктуется практической необходимостью. Для сербского языка это оказывается не слишком нужным, так как сербская пунктуация позволяет пишущему произвольно выделять или не выделять на письме те или иные синтаксические элементы. Поэтому в определении вводных слов в сербской лингвистике наблюдается некоторая непоследовательность. Для анализа ситуации с вводными словами в описательной сербскохорватистике хотелось бы обратиться не к пунктуационной, а к грамматической стороне этой проблематики.

В русской грамматической традиции к вводным единицам относят слова, словосочетания и предложения, грамматически не связанные ни с

одним из членов предложения и выражающие модальную, экспрессивную и эмоциональную оценку сообщения.¹

Объединяет ли и сербская грамматика эти единицы в особый класс слов? Если такой класс выделяется в сербской лингвистической традиции, то важно установить, какие лексические единицы входят в него, по каким критериям слова и другие языковые единицы квалифицируются как вводные.

Большинство грамматик сербского (сербохорватского) языка называет такие единицы частицами. Модальными частицами именуются слова, соответствующие русским вводным единицам, выражающим оценку говорящим степени достоверности сообщаемого (**конечно, несомненно, возможно** и подобные). Таким подходом отличается Грамматика М. Стевановича² и «Грамматика сербского языка» Ж. Станойича и Л. Поповича³, а также действующий в настоящее время Орфографический кодекс сербского языка⁴.

К частицам относят модальные слова и хорватские лингвисты. В частности, такая позиция изложена в «Грамматике хорватского литературного языка»⁵.

Как уже было сказано в отношении русского языка, часто речь о так называемых модальных частицах заходит в связи с пунктуацией, поэтому мы привлекли для анализа орфографические кодексы. А. Белич в своем орфографическом кодексе пишет о пунктуационном выделении на письме различных вставок, в том числе группы, которую он называет «уметнуте речи», не давая ей определения, просто приводя примеры, из которых мы видим, что речь идет о вводных словах:

Та, забоба, треба бити правичан. – *Но, послушайте, надо быть справедливым.* **Он је, све у свему, рђав човек.** – *Он, говоря в целом, плохой человек.* **Ви ћете, свакако, то урадити...** – *Вы это, конечно, сделаете.* **Дакле, он је то заиста био.** – *Значит, он был именно таким*⁶.

Среди приведенных примеров – слова, соответствующие русским вводным единицам, выражающим оценку говорящим степени достоверности сообщаемого, представляющим собой призыв к собеседнику, указывающим на связь мыслей, последовательность их изложения и характеризующим приемы и способы оформления мыслей.

Орфографический кодекс 1960 года⁷ оказывается ближе всего к грамматике русского языка, он не пользуется наименованием «модаль-

¹ Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990. С. 81.

² Стевановић М. Савремени српскохрватски језик. – 2 изд. - Београд: Научна књига, 1974. – Т. 1. – С. 396.

³ Станојичић Ж., Поповић Л. Грамматика српског језика. Београд: Завод за уџбенике и наставна средства, 2000. - С. 128.

⁴ Пешикан М., Јерковић Ј., Пижурца М. Правопис српског језика. Нови Сад: Матица српска, 1994. - С. 262.

⁵ Prigućna gramatika hrvatskoga književnog jezika. Zagreb: Školska knjiga, 1979. - S. 214.

⁶ Правопис српскохрватског књижевног језика. Нови Сад: Матица српска, Матица хрватска, 1960. С. 94. Далее в тексте – ОК.

ные частицы» в отношении вводных слов и относит подобные вставки к «модальным словам и словосочетаниям». В качестве примеров в нем приводятся предложения, содержащие слова, соответствующие группе русских вводных слов, выражающих оценку говорящим степени достоверности сообщаемого.

Другую группу слов, в большинстве своем соответствующих русским вводным словам, современный ОК называет «связующими/союзными частицами» («везничке речце»). Это **међутим, напротив, наине, према томе, на пример, истина, најзад, осим тога, с друге стране, усталом** (однако, наоборот, точнее, таким образом, например, правда, наконец, кроме того, с другой стороны, впрочем).

Авторы определяют частеречный статус этих слов как наречия, отмечая, что они могут употребляться и как модальные слова, и как «обычные наречия».

Орфографический кодекс 1960 года без определения какого-либо частеречного статуса, пишет о том, что на письме выделяются запятыми некоторые слова и словосочетания:

Једном речју, апотекарова поворка је кренула даље без икаквог реда. – Одним словом, аптекарские повозки двинулись дальше в полном беспорядке. Тако поремећен и болестан човек, усталом, и не живи дуго... - Такие испорченные и больные люди, впрочем, и не живут долго... Ми ћемо се, дакле, лако сложити. – Мы, следовательно, быстро найдем общий язык. Данас ћемо, прво, говорити о задацима омладине. – Сегодня мы, во - первых, будем говорить о задачах молодежи. Они, на једној страни, чине велике напоре; а ипак, и поред тога, често улудо расипају драгоцено време. – Они, с одной стороны, прилагают большие усилия, но все же, несмотря на это, часто впустую растрачивают драгоценное время.⁸

Словарь Матицы сербской и Матицы хорватской⁹ не имеет в инструментарии помет «вводное слово», «модальное слово» или же «модальная частица». Он определяет рассматриваемые единицы как «наречия», «частицы» или просто как «слова». Приведем примеры некоторых из них:

Вероватно (вероятно) – наречие. Пример: **Вероватно је да се то неће никад сазнати (Вероятно, мы никогда этого не узнаем).**

Можда (возможно) – наречие. Значение: «возможно, что; не исключено, что». Пример: **Можда ћу ти устрепати (Возможно, я тебе понадоблюсь).**

В примерах слова употреблены как вводные.

⁸ Правопис српскохрватскога књижевног језика. Нови Сад: Матица српска, Матица хрватска, 1960. С. 94.

⁹ Речник српскохрватског књижевног језика. Н. Сад, Загреб: Матица српска-Матица хрватска, 1967-1971.

Истина – частица. Значение: «на самом деле, действительно». Пример: **Он, истина, није знао да су побуне већ плануле (Он, правда, не знал, што мјатежи уже начелись).**

Словарь САНУ также определяет такие слова как наречия и частицы. Интересно, что слово **збиља (правда)** дается как наречие, а значение его объясняется словом **заиста**, которое, в свою очередь, определяется тем же словарем как частица. В примере слово выступает в роли вводного: **Тамо преко, збиља, нико жив неће остати (Там, за рекой, и правда, никто не останется в живых).**¹⁰ Сербские словари, относя большинство модальных слов к наречиям, не отделяют употребления этих наречий в качестве вводных слов от их функционирования как членов предложения.

В русской лексикографии четко разграничиваются вводные (модальные) слова и омонимичные им слова, представляющие другие части речи, хотя традиционно они даются в одной словарной статье. Шанский Н. М. в книге «Современный русский язык» пишет: «Значение модальных слов как части речи состоит в выражении ими модальных значений. Что касается формы модальных слов, они неизменяемы. В предложении они обычно выступают в функции вводных слов. Большинство модальных слов может употребляться в роли слов-предложений».¹¹

Подробная классификация вводных слов с точки зрения выражаемого ими значения, в основном совпадающая с принятой для русского языка, дана в книге «Синтаксис сербохорватского-хорватско-сербского литературного языка» 1987 года сараевского лингвиста М. Миновича¹². Автор определяет модальные слова как языковые средства, с помощью которых выражается отношение говорящего к содержанию высказывания. М. Минович обращает внимание на коммуникативный аспект речи и отмечает, что в коммуникативном отношении специальные модальные средства входят в состав предложения, а в грамматическом – не являются его составной частью. В указанной работе выделяются следующие группы вводных единиц:

1) модальные слова и предложения, выражающие степень достоверности сообщения: **изгледа, у суштини, истина, заиста, збиља, несумњиво, без сумње, природно, очевидно, свакако, вероватно, могуће, може бити, како ми се чини** и т. д. (*похоже, по сути дела, правда, действительно, несомненно, естественно, очевидно, наверняка, вероятно, возможно, может быть, как мне кажется* и т. д.).

¹⁰ Речник српскохрватског књижевног и народног језика. Београд: Институт за српски језик, 1959.

¹¹ Шанский Н. М. Современный русский язык. Ч. II. М.: Просвещение, 1981. С. 238-240.

¹² Minović M. Sintaksa srpskohrvatskog-hrvatskosrpskog književnog jezika. Sarajevo: Svjetlost, 1987. S. 58.

2) языковые средства, выражающие эмоциональную оценку: **на срећу, на радост, на чуђење, на моје велико изненађење** и т. д. (*к счастью, к ... радости, к ... удивлению, к моему изумлению* и т. д.);

3) языковые средства, указывающие на источник сообщения: **по традицији, по моме мишљењу, с те тачке гледишта** и т. д. (*по традиции, по моему мнению, с этой точки зрения* и т. д.);

4) языковые средства, выражающие отношение говорящего к способу выражения сообщения: **једном речи, другим речима, оквирно речено, грубо речено, тако рећи, ако се тако може рећи** и т. д. (*одним словом, другими словами, говоря в целом, грубо говоря, так сказать, если можно так сказать* и т. д.);

5) модальные слова могут выражать отношения между частями текста: **То би, углавном, било све. Радници су се, уопште узевши, слабо залагали.** Другие примеры: **на пример, између осталог, напротив, уосталом, на крају крајева** и т. д. (*Это, в целом, все. Рабочие, вообще говоря, старались мало.* Другие примеры: *например, между прочим, наоборот, впрочем, в конце концов* и т. д.);

6) Языковые средства, служащие для привлечения внимания собеседника: **видиш, знате, дозволите** и т. д. (*видишь, знаете, разрешите* и т. д.).

К вводным словам относит рассматриваемые в этой главе единицы российский сербокроатист О. И. Трофимкина, выделяя среди них те же семантические группы, что и М. Минович¹³.

Как видим, большинство сербокроатистов относит слова, аналогичные русским вводным, к частицам, но существует и толкование их как наречий и как особых модальных слов. Все авторы выделяют отдельную группу слов, выражающих степень достоверности сообщения, могут выделяться слова, служащие для связи предложений («связующие частицы»). Некоторые синтаксисты классифицируют вводные слова по нескольким семантическим группам, как это принято для современного русского языка. Однако такой взгляд не свойствен большинству современных авторитетных сербских лингвистов и авторам справочных изданий.

В соответствии с современной грамматической теорией к средствам выражения модальности в русском языке относят и модальные частицы. Авторы «Русской грамматики» считают, что с вводными словами при интонационном обособлении сближаются такие частицы, как *бывало, бывает, вишь, дескать, гляди, смотри, поди* и ряд других.¹⁴ Д. Э. Розенталь называет среди вводных слов слова *бывало, бывает, дескать, мол, чай*, частицы по происхождению¹⁵.

¹³ Трофимкина О. И. Синтаксис современного сербохорватского языка. С.-П.: Изд-во «Каро», 1993. С. 144-145.

¹⁴ Русская грамматика. I. М.: Наука, 1980. С. 731.

¹⁵ Розенталь Д. Э. Справочник по пунктуации. М.: Книга, 1984. С. 96-97.

В «Русской грамматике» утверждается, что в функции вводного слова могут употребляться и междометия:

(1) Терпение начинает мало-помалу лопаться, но вот – **ура!** – слышится звонок (Чехов); (2) Поскользнулась **И бац!** – растянулась (Блок)¹⁶.

Наша точка зрения на соотношение между частицами и модальными словами состоит в следующем.

В качестве вводных слов могут употребляться слова, перешедшие в категорию модальных слов из разных частей речи. Но, в отличие от частиц, вводные слова обладают большей самостоятельностью. Большинство их может выступать в роли предложения. Особенностью вводных слов является то, что все они знаменательные слова или синонимичны знаменательным словам. И для служебного слова в функции вводного необходимым условием должна быть возможность замены его знаменательным вводным словом. Так, в примере (1) **ура** можно заменить на **к счастью**. А в примере (2) междометие объединяет с вводным словом лишь употребление его изолированно от предложения. Следовательно, здесь это не вводное слово.

В целом в русской грамматике последовательно проводится различие между модальными частицами и вводными словами. Мы склонны считать термин «вводные слова» более подходящим для наименования слов, выражающих отношение говорящего к содержанию высказывания, и отличать от них модальные частицы и в сербском языке. Частицы, являясь служебными словами, «придают отдельному слову в высказывании или высказыванию в целом всевозможные дополнительные смысловые, эмоционально-экспрессивные и модальные оттенки».¹⁷ Такому пониманию частиц как части речи соответствует и точка зрения югославского лингвиста М. Лалевича: «Оне уносе допунске преливе у значења других речи, веза речи и реченица... Ови помоћни елементи говора изгубивши значење самосталних речи и узимајући препозиционални или постпозиционални положај сједињују се с другим именима, па и с другим деловима говора и читавим реченицама» («Они привносеят оттенки в значения других слов, словосочетаний и предложений... Эти вспомогательные элементы речи, утратив значение самостоятельных слов, занимая препозиционное или постпозиционное положение, сливаются с другими словами, частями предложения или целыми предложениями»)¹⁸. Такой взгляд подтверждает ту мысль, что и для сербского языка следует разделять модальные частицы и вводные слова.

¹⁶ Русская грамматика. С. 735.

¹⁷ Рахманова Л. И., Суздальцева В. Н. Современный русский язык. - М.: Изд-во Моск. гос. ун-та: ЧеРо, 1997. С. 464.

¹⁸ Лалевич М. Синтакса српскохрватског књижевног језика. Београд: Завод за издавање уџбеника Народне Републике Србије, 1962. С. 42.

Литература / References

- Белић А. Правопис српскохрватског књижевног језика. Београд: Просвета, 1950. – 546 с.
- Лалевих М. Синтакса српскохрватског књижевног језика. Београд: Завод за издавање уџбеника Народне Републике Србије, 1962. – 273 с.
- Лингвистически енциклопедически словарь. М.: Советская энциклопедия, 1990. – 688 с.
- Пешикан М., Јерковић Ј., Пижурица М. Правопис српског језика. Нови Сад: Матица српска, 1994. 510 с.
- Правопис српскохрватског књижевног језика. Нови Сад: Матица Српска-Матица хрватска, 1960. 829 с.
- Рахманова Л. И., Суздальцева В. Н. Современный русский язык. - М.: Изд-во Моск. гос. ун-та: ЧеРо, 1997. – 480 с.
- Речник српскохрватског књижевног и народног језика. Београд: Институт за српски језик, 1959.
- Речник српскохрватског књижевног језика. Н. Сад, Загреб: Матица Српска - Матица хрватска, 1967-1971.
- Розенталь Д. Э. Справочник по пунктуации. М.: Книга, 1984. – 272 с.
- Русская грамматика. I. М.: Наука, 1980. – 783 с.
- Станојчић Ж., Поповић Ј. Грамматика српског језика. Београд: Завод за уџбенике и наставна средства, 2000. 415 с.
- Стевановић М. Савремени српскохрватски језик. – 2 изд. - Београд: Научна књига, 1974. – Т. 1. – 946 с.
- Трофимкина О. И. Синтаксис современного сербохорватского языка. С.-П.: Изд-во «Каро», 1993. – 172 с.
- Шанский Н. М. Современный русский язык. Ч. II. М.: Просвещение, 1981. – 256 с.
- Minović M. Sintaksa srpskohrvatskog-hrvatskosrpskog književnog jezika. Sarajevo: Sjetlost, 1987. – 207 s.
- Priručna gramatika hrvatskoga književnog jezika. Zagreb: Školska knjiga, 1979. - 527 s.

О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ -Л- ФОРМЫ В ИПАТЬЕВСКОЙ ЛЕТОПИСИ

М.В. Скачедубова

ABOUT SOME FEATURES OF THE -L-FORM FUNCTIONING IN IPATJEVSKAJA CHRONICLE

M. Skachedubova

ABSTRACT:

The article provides the analysis of the functioning features of the verbal l-form found in The Hypatian Chronicle. In some contexts its usage cannot be explained by the meaning of perfect tense. Taking into account the specific of the Old Russian syntax it would be logical to interpret the -l- form as the past participle.

Keywords: Old Russian, -l- form, past participle, perfect tense.

АННОТАЦИЯ:

В статье анализируются особенности употребления -л- формы в Ипатьевской летописи. В некоторых контекстах ее появление нельзя объяснить перфектным значением. Учитывая специфику синтаксиса древнерусского языка, -л- форму в них логично трактовать как причастие прошедшего времени.

Ключевые слова: древнерусский язык; -л- форма; причастие; перфект.

Ипатьевская летопись (ИЛ) является списком с южнорусского летописного свода, составленного в XIV веке, и датируется приблизительно 1425 г.

В ходе анализа перфектных форм в ИЛ был обнаружен ряд контекстов, в которых эти формы не имеют перфектного значения (т.е. состояния, наблюдавшегося в момент речи и являвшегося результатом действия, совершенного в прошлом). Они составляют около 18% от общего количества контекстов с перфектом в памятнике. По функционированию в них -л- формы найденные примеры могут быть разделены на несколько групп.

1. Часть обнаруженных примеров может быть соотнесена с контекстами, в которых по данным А.А. Пичхадзе [Пичхадзе 2011] обычно употребляется причастие, а не личная форма глагола. В статье определяется ряд контекстов, в которых в подобных конструкциях появляется именно причастие, а не личная форма глагола.

1.1. Среди ряда контекстов А.А. Пичхадзе выделяет использование причастной конструкции для передачи косвенной речи: одну из разновидностей «зависимых предикаций с причастием представляет собой косвенный вопрос после глаголов, обозначающих знание и мыслительную деятельность», ср.: *а оному желтъти своихъ кунъ. зане не знаетъ оу когнъ кутивъ* Русская Правда пространной редакции пространной редакции по Троицкому списку XIV в., л. 335, статья 32.

В ИЛ контексты, в которых -л- форма используется для передачи косвенной речи в изъяснительных придаточных, очень частотны (составляют около 50% от исследуемых примеров). Например¹:

Л. 139 – 139 об. *и тако прогъха свозъ нъ. и за ними боуда. оузръ иже Половци вси побъгди. и многы избииа* – рассматриваемая нами форма не имеет здесь непосредственно перфектного значения: результат действия важен не для настоящего, а для прошлого. Если следовать строгому согласованию времен, то здесь должен был бы стоять плюсквамперфект: князь увидел, что половцы до этого/уже убежали. Аналогичны следующие примеры:

Л. 71 об. *и до сихъ днѣи Федосии же оувъда. яко Антонии шелъ къ Чернигову;*

Л. 123 *и приде Стѣславоу въсть. вже Изаславъ Мьстислаличъ. пришелъ и горо(ѡ) его вздъ и вса яже в немъ;*

Л. 285 *Въспоману Миндовъгъ. вже Василко кнѣзь. с богатыремъ воевалъ землю Литовьскоую. и посла рать на Василка;*

Л. 296 об. *Телебууга же хоташе ити. ко Кракову. и не дошедъ его воротиса во Торжькоу. въсть бо приде к нему. вже Ногаи передилъ его. ко Кракову прити.*

Подробно такое употребление рассмотрено в работе [Шевелева 2009]. Автор связывает его с относительным употреблением перфекта. В русском языке при передаче чужой речи с помощью придаточного изъяснительного времени в придаточном предложении определяется с точки зрения субъекта, мысль которого передает говорящий. Точкой отсчета является момент речи персонажа – как в прямой речи, поэтому и временные формы употребляются те же, что в прямой речи [там же]. Как отмечает М.Н. Шевелева, перфект в таких конструкциях выражает соотношение результатов прошедшего действия не с непосредственным моментом речи летописца, а с более поздним, основным временным планом в прошлом [Шевелева 2001].

Однако возможна и другая интерпретация появления в таких контекстах -л- формы. Так, как было сказано выше, А.А. Пичхадзе указывает на то, что для передачи косвенной речи часто используется причастие.

¹ Текст воспроизводится по изданию [ПСРЛ, т. 2], разночтения в издании приводятся по Хлебниковскому списку XVI в. и Погодинскому списку XVII в.

Об этом же пишет и А.А. Потебни [Потебня 1958: 213], который приводит аналогичные примеры из старочешских и старопольских текстов. Р. Ружичка отмечает, что использование причастной конструкции для передачи косвенной речи является яркой балто-славянской особенностью [Růžička 1963: 195] (так, в евангельском тексте греческая личная форма глагола в изъяснительном придаточном регулярно переводится причастием (и это учитывая стремление к максимальному калькированию!), ср. Л 23, 34 (Сав.) *is že gleše oče oťpusti imъ ne vědětъ bo što tvoręšte. oъ űar ođasiv tí doođsiv*). Учитывая все это, а также то, что *-л-* форма в наших примерах в большинстве случаев употребляется без связки (80%), можно говорить о том, что в таких контекстах *-л-* причастие актуализирует свои причастные свойства, вступая в конкуренцию с «обычными» причастиями прошедшего времени на *-ъш/-въш*. В таком случае *-л-* форму следует интерпретировать не как перфект без связки, а как самостоятельно функционирующее причастное образование.

1.2. Другой тип контекстов, характерный для причастных предикаций, по наблюдениям А.А. Пичхадзе, – контексты с союзными (вопросительно-) относительными словами, которые указывают на неопределенный, любой, случайно присутствующий субъект/объект, ср. в старославянском Синайском требнике: *oťmываемъ же пакы грѣхы тѣ себѣ. ѿже по крѣпненьи сѣтворше. покааниемъ. исповѣдадажшесѧ боу 6769-13*. Данный пример кажется уместным сравнить со следующими примерами из ИЛ:

Л. 220 об. и бы(с) тоишъ ночи тепло и дождь. раманъ. и оумножисѧ вода. и не бы(с) имъ коуда переѣхати. а Половци каторци оутягли переити вежами сѣсошасѧ. а каторги не оутягли. а тѣхъ взяша – ‘любые/кто только ни успели перейти – спаслись, кто/любой/каждый не успел – того взяли’;

Л. 226 и на прочая гражаны наиде стра(х) да каторги же гражанѣ. выидоша изъ града. и бѣхоутьсѧ ходяще по Римьскому болоту. то тѣ избыша плѣна. а кто сѧ всталъ в городъ а тѣ вси взати быша – данный контекст аналогичен предыдущему: ‘каждый/любой/кто ни остался в городе, те все были взяты’;

Л. 235 об. – 236 Рюрикъ же поча доумати с моужи своими как бы емоу дати волость. Всеволоду каторыѣ же волости оу не(г) просилъ – ‘начал думать, как Всеволоду отдать волости любые/которые (ни) просил’;

Л. 302 и розьсла мл(с)тню по всеи земли и стада роздая оубогымъ. людемъ. оу кого то конии нѣтоуть. и тѣмъ иже кто погибли в Телебузиноу рать – ‘раздавал милостыню всем/любым/кто (ни) пострадал во время рати’.

Наличие здесь *-л-* формы не может объясняться перфектным значением («результатом прошлого действия, актуального для момента ре-

чи»). При этом данные примеры сопоставимы с указанным выше типом контекстов с причастными предикациями. Возможно, *-л-* форма, актуализируя свои исходные причастные свойства, употребляется здесь в функции причастия на *-ъш/-въш-*.

1.3. Среди причастных конструкций с подчинительными союзами А.А. Пичхадзе выделяет тип контекстов с союзами, означающими «пока не», ср.: *никогоже другомъ твори преже даже не испытавъ, како живеть съ предънимъ другомъ* Пчела 62. Аналогичный контекст был обнаружен в ИЛ:

Л. 261 *королевичъ же. и Дьянишь. и Соудиславъ. изнемогахоу глადомъ в градъ. стояше же .ѿ. недгль воюя жда ледоу. дондеже перешлъ на нъ – «ждали льда, пока не перешли». Перфектным значением *-л-* форма объясняться не может, поэтому трактовка ее как причастие кажется очень вероятной.*

1.4. Еще одним типом конструкций с причастными предикациями, как показывает А.А. Пичхадзе, являются конструкции, вводимые союзом *яко*, имеющие значение «как, словно», «в качестве», «потому что», ср.: *и аз же оубо аще ти идолгю, славенъ боудоу црѣ великъ въ еллингъхъ и варваргъхъ, яко толика црѣ силна дарил оубивъ Александрия 45 ('прославлю как убивший=в качестве убившего'). Сравним с аналогичным примером из ИЛ:*

Л. 90 (про ослепление Василька Теребовльского) *и приидоша с нимъ. Володимерю. въ .2. днѣ. прииде же и Дѣдъ по немъ. яко зверъ оуловилъ. и посадиша и оу дворѣ Вакгевѣ. и прѣставиша .л. мужъ стрѣци. а. .ѿ. итрока кнѣжа. Оулана. и Колчю – 'Давыд пришел, словно зверя поймав/в качестве поймавшего зверя'. Таким образом, и здесь мы можем говорить о том, что *-л-* причастие выступает в качестве причастия прошедшего времени.*

2. Другую группу примеров составляют примеры, где *-л-* форма стоит в одном ряду с аористом или имперфектом, к которым она может присоединяться с помощью союза *и*. Если ее трактовать как причастие, то мы получаем абсолютно нормальную для древнерусского конструкцию типа «*вставъ (и) рече*», подробно разобранную А.А. Потебней [1958: 188-197] (причастие обозначает побочное действие, личная форма – главное). Рассмотрим наиболее характерные из них:

Л. 229 об. – 230 *и приде Володимеръ ко королеви. король же поималъ [Х.П. пое(м)] Володимера и со всеми полкы поиде к Галичю – очевидно, что перфектного значения *-л-* форма в данном примере не имеет. Едва ли ей стоит приписывать аористное значение. Стоит отметить, что примеров употребления *-л-* формы в аористном значении (которое получает со временем широкое распространение и справедливо объясняется утратой простых претеритов в древнерусском языке) в ИЛ практически нет. Тем более, показательно, что в Хлебниковском и Погодинском*

списках мы видим «обычное» причастие прошедшего времени – *пое(м)*. Конечно, в такой ситуации трудно сказать, какое чтение является истинным, однако если рассматривать форму *поималъ* в качестве причастия, а не аориста, то не приходится предполагать изменения переписчиком структуры предложения: во всех случаях перед нами конструкция типа «взяв Владимира, пошел с полками к Галичу»; разница лишь в типе причастного образования.

Л. 190 об. – 191 *Мъстиславъ же прише(лѣ) ста по горѣ ѿ бору а пѣщи постави по валови* – как и в предыдущем примере *-л-* форма не имеет здесь перфектного значения. Трактовать ее в аористном значении тоже кажется неправильным, т.к. в таком случае ожидался бы союз «и». Употребляется она, по всей видимости, в классическом причастном значении вместо причастия *пришедъ*. Аналогичен и следующий пример:

Л. 66 об. *волахъ вьсталъ при Глѣбѣ в Новѣгородѣ. глѣшетъ бо людемь. и творашеть бо (людемь) бѣмъ* – если рассматривать форму *вьсталъ* как причастие, то перед нами абсолютно стандартная синтаксическая конструкция: главное действие выражено имперфектом *глѣшетъ*, дополнительное – причастием.

Интересен следующий пример:

КЛ Л. 137 *ре(чѣ) же Слговичъ Стѣславъ къ Гюргеви. брате то намъ ворогъ всимъ Изяславъ брата нашего оубилъ* – перед нами прямая речь. Святослав обсуждает с Юрием, стоит ли оказывать помощь Изяславу, о которой он просит. Святослав говорит, что, несмотря на все уговоры и просьбы, Изяслав останется врагом, т.к. убил его брата Игоря. Цель данного высказывания не в том, чтобы рассказать, что Изяслав убил Игоря, т.к. это собеседникам и так известно, а подчеркнуть, что после этого Изяслав не может быть другом. Поэтому, предложение следует понимать, скорее всего, как «Враг нам всем Изяслав, брата нашего убив», а не «Изяслав нам всем враг. Брата нашего убил» (тем более что между частями предложения нет причинного союза). Т.о., очень вероятно, что в данном примере *-л-* форма снова функционирует как стандартное причастие.

Об употреблении *-л-* причастий непосредственно в причастном значении писал А.А. Потебня [1958: 239-243]. Он отмечает, что такие примеры редки, но, тем не менее, существуют. Самый ранний пример из Изб. 1073,40: «*аште бждеть кѣто старъ или немоштѣнь и отънемогльса ти (=и) не можетъ чьр'ньць быти...то како тѣ можетъ покаятиса и съпати?*» А.А. Потебня говорит о сомнительности этого примера, т.к. причастие входит в состав сказуемого «*аште бждеть отънемогльса*». Однако, как бы то ни было, причастие стоит в ряду прилагательных (и при этом не первым номером) и, вероятнее всего, выполняет именно причастную роль. Автор пишет о вероятности аппозитивного употребления формы на *-л-* в случаях, где удобно заменить ее

нынешним причастием на *-ъи/-въи-* или деепричастием, ср.: «*милостыни, съв(ъ)купилась (=совокупившись, соединенная) съ постомъ и молитвою, отъ смерти изба-вляеть чловѣка*» (Новг. 1,60).

При этом стоит отметить, что иногда смешение двух причастных образований может объясняться влиянием фонетики. Так, например, совпадением <в> и <л> в [ÿ] объясняется появление форм типа *всталии* в [Обнорский 1953: 232]. Однако подозревать в ИЛ фонетическое совпадение форм типа *вставъ* и *всталь* оснований нет. В летописи нет примеров смешения букв *л* и *в*. Есть написания, указывающие на совпадение фонем <в> и <у>, например, *въже* вместо *оуже*, однако примеров, которые бы говорили о совпадении фонем <в> и <л>, в памятнике не наблюдается.

Т.о., можно констатировать, что в определенный момент *-л-* причастие и причастие прошедшего времени на *-ъи/-въи-* становятся семантически и функционально синонимичными. *-л-* форма, актуализируя свои причастные свойства, выходит в своем употреблении за рамки перфекта и начинает использоваться в контекстах, типичных для «обычных» причастий. Таких примеров, естественно, крайне мало. Явление это явно имело место на периферии системы, и найти его следы в письменных памятниках чрезвычайно сложно. Однако сама возможность такого употребления очень важна. Вполне вероятно, что именно из-за возникшей системной избыточности (синонимии двух причастных образований) *-л-* форма в итоге теряет свои причастные свойства, превращаясь в финитную форму.

Литература / References

1. Обнорский С.П. Очерки по морфологии русского глагола. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1953. – 251 с.
2. Пичхадзе А.А. Славянское причастие-сказуемое в зависимых предикациях как показатель модальности и эвиденциальности // Библистика. Славистика. Русистика. К 70-летию заведующего кафедрой библистики профессора Анатолия Алексеевича Алексеева. – 2011. – С. 462–480.
3. Потебня А.А. Из записок по русской грамматике. Т. I-II. М.: Изд-во Министерства просвещения РСФСР, 1958. – 536 с.
4. Полное собрание русских летописей. Т. II: Ипатьевская летопись. М.: Изд-во восточной литературы, 1962. – 938 с.
5. Шевелева М. Н. Об утрате древнерусского перфекта и происхождении диалектных конструкций со словом *есть* // Языковая система и ее развитие во времени и пространстве: Сборник научных статей к 80-летию профессора К. В. Горшковой. – 2001. — С. 199–216.
6. Шевелева М. Н. Плюсquamперфект в памятниках XV-XVI вв. Русский язык в научном освещении. – 2009. – №1 (17). – С.5–43.
7. Růžička R. Das syntaktische System der altslavischen Partizipien und sein Verhältnis zum Griechischen. Berlin: Akademie Verlag, 1963. – 395 с.

СОВРЕМЕННЫЙ ЦЕРКОВНОСЛАВЯНСКИЙ ЯЗЫК И «ТРОЯЗЫЧНАЯ ЕРЕСЬ»

А.И. Изотов

MODERN CHURCH SLAVONIC AND “TRILINGUAL HERESY”

A.I. Izotov

ABSTRACT:

The present article attempts to disprove two popular myths: A myth about incomprehensibility of Modern Church Slavonic to believers in comparison with Old Church Slavonic and a myth about presumably wicked motivations of those who object to translating sacred texts into vernacular.

Keywords: Church Slavonic, sacral text, «trilingual heresy», liturgy, translation problems

АННОТАЦИЯ:

Статья посвящена опровержению мифа о том, что использующийся в современной литургии церковнославянский язык выполняет эту свою функцию хуже, чем её выполнял древнецерковнославянский язык тысячу лет назад, а также мифа о том, что противниками перевода литургии с сакрального на повседневный язык руководили и руководят сугубо эгоистические соображения.

Ключевые слова: церковнославянский язык, сакральный текст, «троязычная ересь», литургия, проблемы перевода

1. В сложившейся отечественной традиции язык древнейших славянских переводов богослужебных текстов с греческого, выполненных в IX веке святыми равноапостольными братьями Константином (Кириллом) и Мефодием, а также их учениками, принято называть «старославянским языком», см. [Изотов 2010: 7-10]. Именно этот реконструированный книжно-литературный язык в сравнительно-исторической ретроспективе описывается в большинстве существующих учебников (учебных пособий) по одноименной учебной дисциплине и изучается будущими русистами и славистами. Существует и традиция описания не реконструированного, а реально фиксируемого древнейшими сохранившимися памятниками славянской письменности состояния грамматики и лексики – отметим многократно переиздававшуюся классическую работу А. Вайана [Вайан 2009], а также словарь [Старославянский... 1994], подготовленный совместно сотрудниками Академии наук Чешской республики и Российской Академии наук и четырехтомный «Словарь старославянского языка», издаваемый Чехословацкой, а затем Чешской Академией наук в период с 1966 по 1997 гг. и репринтно пере-

изданный в 2006 году в издательстве С.-Петербургского университета, см. [Старославянский... 2006]. Интересное сочетание названных двух подходов мы находим в монументальном труде [Поливанова 2013], где скрупулезно описываются [идеальные] старославянские морфологические и морфонологические конструкты, а также представленные в том или ином памятнике девиации.

1.2. Под влиянием живой речи болгарских, сербских и древнерусских книжников постепенно возникали региональные разновидности этого некогда единого книжно-литературного языка, которые опять же в отечественной лингвистической традиции принято называть «церковнославянским языком» соответственно болгарского, сербского или русского извода, ср.: «Изводы церковно-славянского языка – это исторически засвидетельствованные региональные разновидности межнационального книжного языка славян, употреблявшегося в ряде славянских стран вплоть до XVIII в.» [Новикова 1993: 10]. К сожалению, существует разноречивость в написании данного термина (слитно или через дефис), вплоть до того, что один и тот же популярный современный учебник А.А. Плетневой и А.Г. Кравецкого был издан в 1996 году под названием «Церковно-славянский язык» (через дефис), а в 2001 году – уже в огласовке «Церковнославянский язык» (слитно), см. [Плетнева, Кравецкий 1996; 2001]. В целом же вариант «церковнославянский» (слитно) преобладает в академической литературе, вариант «церковно-славянский» (через дефис) – в литературе церковной.

Некоторые авторитетные исследователи используют наряду с термином «извод церковнославянского языка» термин «редакция церковнославянского языка» в качестве синонимического, ср. [Нахтигал 1963: 161], [Хабургаев 1986: 5], [Живов 2001: 20]. Существуют, однако, и попытки эти термины разграничивать, когда под «редакцией» понимается результат сознательной деятельности (например, результат осуществленной по инициативе патриарха Никона «книжной справы»), а под «изводом» – то, что сложилось стихийно (А.С. Новикова в личной беседе).

В отечественной церковной традиции «церковнославянский» язык часто называют просто «славянским» («славенским») языком. Младограмматики широко использовали термин «древнеболгарский язык», ср., например, название классической работы [Leskien 1909]. В настоящее время этот термин (старобългарски език) используется прежде всего болгарскими исследователями, хотя и не только ими, ср. [Aitzetmüller 1978].

Недостатком данного термина, как и термина «древнемакедонский язык» (старомакедонски јазик) в том же значении, является нежелательная терминологическая омонимия, ведь язык кирилло-мефодиевских переводов не имеет ни малейшего отношения ни к настоящему древнеболгарскому языку – тюркскому языку древних болгар до их прихода на

Балканы, ни к настоящему др.-македонскому – диалекту древнегреческого языка 1-го тысячелетия до н.э., см. [Нерознак 1978].

Термины «древнеболгарский» и «древнемакедонский» могут использоваться, впрочем, для противопоставления диалектов старославянского языка, ср. название соответствующего параграфа («Диалекты старославянского языка») в монументальной работе А. Вайана, ср. «Создатели письменного языка Кирилл и Мефодий происходили из западной Македонии (с. Салоники); там же (в районе Охрида) действовала и школа Климента; таким образом, можно сказать, что старославянский язык – это прежде всего язык древнемакедонский. Однако поскольку столицей болгарского государства Симеона и Петра был Преславль, в восточной Болгарии, то старославянский язык, естественно, получил здесь несколько иную форму и стал древнеболгарским литературным языком. Позднее, когда центр болгарского государства переместился в Охрид, древнемакедонский язык одержал верх. Различия между древнемакедонским и древнеболгарским языками не являются значительными, но все же заметны; больше всего их в словаре, а также в грамматике. Наглядно выступают они в том случае, когда один и тот же текст представлен в двух вариантах <...> [Вайан 2009: 17-18].

1.3. Председатель Советского, а затем и Российского комитета славистов академик Н.И. Толстой ввел в употребление и активно пропагандировал термин «древнеславянский» язык, выделяя «ранний древнеславянский язык» (IX–XI вв.), «средний древнеславянский язык» (XII–XVI вв.) и «поздний древнеславянский язык» (XVII–XVIII вв.) и предпочитая данный термин термину «церковнославянский язык», так как «церковнославянский язык функционировал не только в церковной сфере, а значительно шире и в древности чаще всего имел название просто "словенский"» [Толстой 1988: 47-48].

1.4. Нельзя, однако, не отметить, что термины «старославянский язык» или «древнеславянский язык» не вполне удачны в том плане, что речь отнюдь не идет о языке «старых / древних славян», то есть о языке, на котором когда-то **в древности** говорили предки нынешних **славян**, т.е. чехов, поляков, сербов, украинцев, русских и т.д. (такой язык принято называть «праславянским» или «общеславянским»). Во времена Кирилла и Мефодия праславянский язык уже не представлял единства и диалекты солунских славян, которые предположительно легли в основу «старославянского» языка, довольно существенно отличались от диалектов, на которых говорило большинство существовавших тогда славянских племен. Весьма показательна в этом плане развитая система причастных формантов, унаследованная русским языком из церковнославянского (для причастий настоящего и прошедшего времени, действительного и страдательного залога, ср. *делающий*, *(с)делавший*, *делаемый*, *(с)деланный*). Если не считать белорусского языка, в случае с которым влияние церковнославянского и русского очевидно, такую систему причастных формантов мы не найдем ни в одном современном

славянском языке. Ничего подобного нет ни в болгарском, ни в македонском, а ведь речь идет вроде бы о языках непосредственных потомков солунских славян и их соседей. В современном македонском вообще представлен единственный причастный формант *-н/-т*, в силу этого не охарактеризованный ни по времени, ни по залогу, см. [Усикова 1985: 108-109]. Совершенно иные, нежели в русском, системы причастий представлены в чешском и польском языках, см. [Изотов 1993], [Bartnicka 1970].

Кроме того, Кирилл и Мефодий не просто зафиксировали нечто уже существующее, им пришлось, по ходу перевода, **создавать** язык, который мог бы выразить по крайней мере основные смыслы, передаваемые греческими богослужебными текстами. Такой язык братья и их ученики создавали на основе известных им славянских диалектов, приписывая словам и выражениям обиходно-повседневной сферы общения (а другой тогда у солунских славян и быть не могло), основываясь на греческих образцах, значения более абстрактные (*πνέω > πνεῦμα > ѿиов πνεῦμα; доунжти > доухъ > свать доухъ*), заимствуя из греческого языка модели словообразования и синтаксические конструкции, в том числе конструкции, совершенно чуждые славянским говорам, ср., например, весьма распространенный в старославянских текстах оборот «дательный самостоятельный».

1.5. Гораздо более удачной поэтому нам представляется концепция академика Ф.В. Мареша, изложенная им на организованных Московской патриархией юбилейных научных конференциях 1988 и 1989 годов, в соответствии с которой в рамках единого «церковнославянского» языка выделяется «древне-церковнославянский язык» (то, что у нас принято называть «старославянским языком»), «среднецерковнославянский язык» и «новоцерковнославянский язык», ср. [Slavica... 2006]. Не говоря уже о том, что данная концепция находится в полном соответствии и с отечественной дореволюционной, и с зарубежной традициями, согласно которым язык кирилло-мефодиевских переводов обозначается как древнецерковнославянский (ср. англ. Old Church Slavonic и нем. Altkirchenslavisch), термин «церковнославянский язык» в наибольшей степени соответствует его основной, а порой и единственной функции – литургической, ведь речь идет о языке, изначально созданном для нужд церкви. Обычное для отечественных учебников напоминание, что «язык, зафиксированный в древнейших славянских христианских (переводных) текстах, с самого начала использовался не только как язык церкви, но и как язык науки и литературы» [Хабургаев 1986: 6], вряд ли можно рассматривать как серьезное возражение против термина «церковнославянский язык», ведь и английский язык является родным не только для англичан. О том, для чего «с самого начала» использовался «старославянский» язык, свидетельствует и стандартный список древнейших славянских рукописей (см. тот же [Хабургаев 1986: 6-38]), среди которых нет ни одной, не относящейся к религиозной сфере.

Поэтому и на последующих страницах церковнославянским (или просто «славянским») мы будем называть тот язык, который был создан святыми равноапостольными братьями Константином (Кириллом) и Мефодием для нужд славянского богослужения и который уже более тысячи лет используется нашими соотечественниками, а также нашими единославными братьями и сестрами за рубежом при молитвенном общении с Создателем, во всей его полноте. В качестве не вполне удачного, однако устоявшегося синонима для термина «древнецерковнославянский язык» может использоваться и термин «старославянский язык».

2. Одиннадцать с половиной веков назад братья Константин и Мефодий отстаивали право вести богослужение на понятном народу «славянском» языке в спорах с «троязычниками», считающими, что лишь три языка (др.-еврейский, др.-греческий, латинский, на которых, в соответствии с евангелиями, была сделана надпись «Иисус из Назарета, Царь Иудейский» над распятым Христом) достойны того, чтобы на них славилось имя Божие. Сегодня же, как может показаться на первый взгляд, ситуация парадоксальным образом изменилась: теперь уже против перевода богослужения на «живой» язык (например, на современный русский) возражают как раз сторонники «славянского» языка. Чтобы показать мнимый характер данного парадокса, рассмотрим два устойчивых мифа.

2.1. Во-первых, это миф о том, что противниками перевода сакрального текста на «язык народа» всегда руководило и руководит стремление не допустить того, чтобы «простые люди» смогли приобщаться к Божественной премудрости, ср., например, упоминание о переводах библейских текстов, выполненных Ф. Скориной, которые отличались «понятным народу языком, а потому были отвергнуты высшими церковными авторитетами и царем» [Marvan 2015: 96].

2.2. Во-вторых, это миф о том, что церковнославянский язык, первоначально воспринимаемый православными славянами «как неотъемлемая часть родного языка, <...> превратился [к 17-му веку, судя по упоминанию в том же абзаце царе Михаиле Фёдоровиче. – *А.И.*] в непонятную для народа "православную латынь", то есть стал, подобно западной латыни, исключительной собственностью клира или, отчасти, других правящих сословий» [Marvan 2015: 165].

3. Мы начнем с первого мифа, поскольку он имеет более универсальный характер, затрагивая не только «славянский», но и любой «священный» язык – латынь, греческий, арабский, санскрит и т.д.

3.1. Каждому читавшему или слушавшему курс теории перевода известно, что в целом ряде случаев точный перевод невозможен из-за асимметрии грамматических и лексических систем языка оригинала и языка перевода, различий стилистических и коннотативных потенциалов соотносимых единиц, случаев полисемии и семантической недифференцированности, наличия безэквивалентной лексики и т.д., так что переводчику постоянно приходится прибегать к тем или иным ухищре-

ниям, чтобы хоть как-то компенсировать неизбежную потерю смысла. Но как быть со священным текстом, при переводе которого эта неизбежная трансформация смысла может стать роковой?

3.2. Во времена Константина и Мефодия по отношению к возможности перевода Священного писания на народный язык не было единого мнения. С одной стороны, польза церковной проповеди на понятном для простого народа языке была очевидна (особенно если речь шла о новообращенном народе, который надо было окончательно вырвать из пут язычества). С другой стороны, существовали вполне обоснованные опасения, что не обладающий специальной теологической подготовкой человек может неправильно истолковать те или иные строки Писания, а если этот человек обладает пламенной верой, то его невольные заблуждения могут дорого стоить и ему, и другим – вспомним религиозную нетерпимость и костры средневековья, которые в протестантской Женеве горели не менее жарко, чем в католической Испании. Поэтому хотя на ряде западных синодов (франкфуртский 794 года, аахенский 802 года, майнцский 813 года) «троязычие» было осуждено, см. [Сказания... 1981: 130], споры вокруг него не утихали. В дальнейшем всё в конечном итоге зависело от решения местного монарха. Например, если во Франции после расправы над еретиками-альбигойцами (в 1209 папа Иннокентий III призывает к крестовому походу против них, в результате чего весь юг Франции оказывается залитым кровью) вводится запрет на перевод Писания на «мирской» язык, в Чехии, которая была в те времена прочнейшим образом интегрирована в Европу (чешский король был одним из курфюрстов Священной Римской империи – тех, кто избирал императора) уже в 1370 году появляется полный перевод Библии на чешский язык (так называемая Дрезденская Библия), в последующие несколько десятилетий – дальнейшие переводы, например, Оломоуцская Библия, Литомнержицкая Библия и т.д., см. [Marvan 2015: 403]. В соответствии с решением Тридентского собора (1545-1563), «чтение Б.[иблии] на народном языке может быть дозволено только тем, кто вполне укрепился в вере, так как, по мнению членов собора, это чтение может быть более опасным, чем полезным» [Полный... 326].

Итак, у противников перевода богослужения с уже освященного традицией языка на язык, такой традицией не освященный, могут быть иные, кроме сугубо эгоистических, мотивы.

4. Не выдерживает обращения к реальности и утверждение о том, что «славянский» язык был жителям Киевской Руси X-XI веков (когда он здесь появился) более понятен, чем сегодняшний церковнославянский язык жителям Украины, России или Белоруссии.

4.1. Во-первых, как уже отмечалось, к XI-му веку праславянский язык уже успел распасться на отдельные диалекты, так что солунские славяне, язык которых был знаком братьям, говорили уже не вполне так, как говорили славяне Киевской Руси. При этом помимо весьма существенных различий в фонетике (рефлексы *tj и *dj, l-epentheticum

на стыке морфем, первого и второго славянского ѣ, носовых гласных, сочетаний *ort-/*olt-, *tort-/*tolt-, *тыrt-/*тыlt-, мягких и полумягких согласных, сверхкратких гласных и т.д., см. [Изотов 2010: 55-70]), которые уже сами по себе способны затруднить восприятие, логично предположить и немалые различия в словарном составе, так что предложения со словами типа *катапетазма* (ср. *катапетазма црковънаѣ • раздѣра са • съ вышьнѣго • краѣ • до нижънѣго • на дѣвое* [Старославянский... 1994: 282]), вполне понятные, видимо, жившим в греческом окружении солунским славянам, для тогдашних киевлян могли звучать так же странно, как для киевлян сегодняшних звучат приписываемые канадским украинцам фразы типа *Петро, зачини виндовку / дору, бо чилдринята зафризнуть*. Во-вторых, как уже отмечалось, никакого «языка старых славян» в IX веке не существовало, братьям приходилось, по ходу перевода, **создавать** этот язык. И, наконец, самое главное: для адекватного понимания текста знаний грамматики и лексики, то есть знаний чисто языковых, иногда оказывается недостаточно. Необходимо также иметь представление о стоящих за текстом историко-культурных феноменах. Например, поможет ли Гугл-переводчик французскому или немецкому правильно понять реплику центрального персонажа сериала «Останній москаль» (*Дядя Вань, твоя фамилия случайно не Сусанин, а?*), смысл которой очевиден для тех, для кого данный сериал снимался. При этом чем сложнее текст, тем больший объем историко-культурных знаний требуется для адекватного понимания данного текста: все ли выпускники московских школ смогут внятно объяснить, почему трактирщик из «Преступления и наказания» переходит в середине реплики с «тыканья» на «выканье» (*А для ча не работаешь, для ча не служите, коли чиновник?*) или что такое «вино кометы» из «Евгения Онегина»? Что же удивительного в том, что наш соотечественник, впервые придя в церковь, чего-то не понимает? Дело не в «славянском» языке, а в том огромном пласте историко-культурных знаний, который стоит за церковным обрядом и который, увы, многим представителям современной постмодернистской культуры оказывается недостаточно знакомым. Однако очевидно, что для язычника IX века этот пласт был непонятным в значительно большей степени, чем для нашего современника, который, будь он даже атеистом или агностиком, тем не менее является продуктом европейской культуры, в своей основе прежде всего христианской (при всей важности иудейского, исламского и скандинавского элементов).

4.2. Сближались и сами языки (язык богослужения и язык народа), причем процесс был двусторонним. Церковнославянский язык приспособился (сначала чисто фонетически, а потом и грамматически) к языку восточных славян, ср. старославянские (=древнецерковнославянские) тексты кирилло-мефодиевского периода с соотносимыми текстами Острожской Библии, Московской Библии и Елизаветинской Библии, благо они доступны в Интернете, см. например, ресурс

<http://joymylife.org.ua/>. Но при этом и «народный» язык век от века напитывался церковнославянскими элементами, какие мы без труда находим и в староукраинском Пересопницком евангелии, и в старобелорусских изданиях Фр. Скорины.

Что же касается русского языка, то он впитал в себя столько церковнославянских элементов, что способен выглядеть потомком «древнеболгарского» языка ничуть не меньше, чем его прямой потомок – современный болгарский язык.

Основатель так называемой «кондициональной лингвистики» А.В. Исаченко, размышлявший, в частности, о том, как бы мог выглядеть современный русский язык, если бы в нем восторжествовала церковнославянская норма, предложил когда-то следующий образец подобного не осуществившегося русского языка:

Автомобиллю же въ гаражъ суцу, разнервничалъ вельми и отъидохъ остановиць трамвая. Ни единому же приходящу, призвахъ таксомоторъ и влѣзше отвезень быхъ, аможже нужду имѣлахъ [Florilegium... 2011: 9].

Несколько упрощая ситуацию, историю взаимоотношений «славянского» и русского языков можно представить следующим образом: «Славянский» язык с самого начала и до сегодняшнего дня исправно выполнял и продолжает выполнять свою основную функцию – средства молитвенного общения человека с Создателем, попутно выполняя ряд иных функций письменного языка, из которых его постепенно вытеснял формирующийся древнерусский (а затем просто русский) язык, который приобрел более или менее современный вид к концу первой трети XIX века, когда гений Пушкина синтезировал «славено-росский» язык так называемых архаистов и «галло-росский» язык карамзинистов. Не случайно «гимназическая программа 1877 года не разделяет преподавание русского и церковнославянского языков», см. [Кравецкий 2001: 32].

5. В результате церковнославянский язык современной литургии достаточно близок современным русскому, украинскому и белорусскому языкам, чтобы быть понятным самым широким массам верующих без тех усилий, которые затрачивают, например, на изучение арабского языка крымские или волжские татары (изучение арабского текста Корана входит в обязанности каждого мусульманина), в то же время он достаточно отдален от них, чтобы предотвратить смешение сакрального и профанного дискурсов.

Литература / References

1. Вайан А. Руководство по старославянскому языку. Изд. пятое. - М.: Книжный дом «Либроком», 2009. - 440 с.
2. Живов В.М. Исторический очерк о церковнославянском языке // Плетнёва А.А., Кравецкий А.Г. Церковнославянский язык. - М.: РОПО «Древо добра», 2001. - С. 11-27.
3. Изотов А.И. Чешские атрибутивные причастия на фоне русских. - М.: Филологический факультет МГУ, 1993. - 100 с.

4. Изотов А.И. Старославянский язык в сравнительно-историческом освещении. - М.: Издательский центр «Азбуковник», 2010. - 200 с.
5. Кравецкий А.Г., Плетнёва А.А. История церковнославянского языка в России (конец XIX-XX век) / Отв. ред. А.М. Молдован. - М.: Языки русской культуры, 2001. - 400 с.
6. Нахтигал Р. Славянские языки / Под ред. и с предисловием С.Б. Бернштейна. - М.: Издательство иностранной литературы, 1963. - 340 с.
7. Нерознак В.П. Палеобалканские языки. - М., 1978. - 250 с.
8. Новикова А.С. Старославянский язык: Фундаментальный курс авторизованного изложения. - М.: Московский экстерный гуманитарный университет, 1993. - 180 с.
9. Плетнева А.А., Кравецкий А.Г. Церковно-славянский язык: Для общеобразоват. учеб. заведений гуманит. профиля, светских и духовных гимназий, лицеев, воскресных шк. и самообразования / Научн. ред. В.М. Живов. - М.: Просвещение: Учеб. лит., 1996. - 192 с.
10. Плетнева А.А., Кравецкий А.Г. Церковнославянский язык: Для общеобразоват. учеб. заведений гуманит. профиля, светских и духовных гимназий, лицеев, воскресных шк. и самообразования / Научн. ред. В.М. Живов. - М.: РОПОО «Древо добра», 2001. - 288 с.
11. Поливанова А. К. Старославянский язык: Грамматика. Словари. - М.: Университет Дмитрия Пожарского, 2013. - 792 с.
12. Полный православный богословский энциклопедический словарь. Том 1. - СПб.: Издательство П. П. Сойкина, [s.a.]. - 1120 с.
13. Сказания о начале славянской письменности / Вступ. ст., пер. и ком. Б. Н. Флори. - М.: Наука, 1981. - 200 с.
14. Словарь старославянского языка. В 4-х томах. - СПб.: Изд-во С.-Петербургского ун-та, 2006. - Т.1. 854 с. Т.2. 640 с. Т.3. 672 с.; Т.4. 1046 с.
15. Старославянский словарь (по рукописям X-XI веков): Около 10 000 слов / Э. Благова, Р.М. Цейтлин, С. Геродес и др. - М.: Русский язык, 1994. - 842 с.
16. Толстой Н.И. История и структура славянских литературных языков. - М.: Наука, 1988. - 240 с.
17. Усикова Р.П. Македонский язык: Грамматический очерк, тексты для чтения с комментариями и словарем. - Скопје: Македонска книга, 1985. - 240 с.
18. Хабургаев Г.А. Старославянский язык. 2-е изд. - М.: Просвещение, 1986. - 288 с.
19. Aitzetmüller R. Altbulgarische Grammatik als Einführung in die slavische Sprachwissenschaft. - Freiburg, 1978. - 254 s.
20. Bartnicka B. Adjektywizacja imiesłowów w języku polskim. - Warszawa, 1970. - 192 s.
21. Florilegium in honorem Alexandri Isačenko: Ad iubulaeum centenarium oblatum / Eds. A. Eliáš, E. Matejko. - Bratislava, 2011. - 131 s.
22. Leskien A. Grammatik der altbulgarischen (altkirchenslavischen) Sprache. - Heidelberg, 1909. - 260 s.
23. Marvan J. Jazyk, jeho český případ. Prvních tisíc let: 800-1800. - Praha: Nakladatelství Karolinum, 2015. - 456 s.
24. Slavica mediaevalia in memoriam Francisci Venceslai Mareš / Johannes Reinhart (Hrsg.). - Frankfurt am Main; Berlin; Bern; Bruxelles; New York; Oxford; Wien, 2006. - 147 s.

ЛЕКСИКО-ГРАММАТИЧЕСКИЕ ПАРАЛЛЕЛИ И РАСХОЖДЕНИЯ ГЕОРТОНИМОВ, НАЗЫВАЮЩИХ ГОСПОДСКИЕ И БОГОРОДИЧНЫЕ ПРАЗДНИКИ

Е.Ю. Тарасова

ON LEXICAL AND GRAMMATICAL FEATURES OF GEORTONYMS FOR THE FEASTS OF OUR LORD AND OUR LADY IN RUSSIAN AND BULGARIAN

E. Tarasova

ABSTRACT:

The paper focuses on similarities and differences between (reminiscent) geortonyms ("reminiscences") - used for nomination of the feasts of Our God and Our Lady in Russian and Bulgarian. Both calendar and folk nominations are analysed.

Keywords: Geortonym; nomination; calendar; Our Lord feasts; Our Lady feasts

АННОТАЦИЯ:

В статье рассматриваются совпадения и различия геортонимов-«воспоминаний» (называющих Господские и Богородичные праздники) в русском и болгарском языках. Характеризуются как календарные, так и народные номинации.

Ключевые слова: Геортоним; номинация; календарь; Господский праздник; Богородичный праздник

Русские и болгарские календарные геортонимы-«воспоминания», так же, как и наименования праздников в честь святых, являются производными по отношению к церковнославянским номинациям, которые в свою очередь, являют собой перевод праздничных наименований греческого месяцеслова. Таким образом, характеризуя особенности системы календарного наименования Господских и Богородичных праздников в месяцесловах Русской и Болгарской православных Церквей, мы, как и в случае с номинациями-«памятями», берём за оригинальный образец греческую традицию календарного наименования; ведь именно греческий церковный календарь естественным образом в большинстве случаев определил состав славянских номинаций.

Однако, как и в случае с геортонимами-«памятями», при общности происхождения и наличии множества совпадений, для русских и болгарских календарных номинаций-«воспоминаний» характерно достаточно большое количество различий, обусловленное особенностями исторического развития каждого из языков.

1. В ряде случаев, когда ядерным лексическим компонентом формулы геортонима-«воспоминания» является отглагольное существительное, обе геортонимические формулы – и календарная, и народная – в русском и болгарских языках практически совпадают. Иными словами, геортонимы такого типа редуцируются по одному образцу как в русском, так и в болгарском языке.

Ядерным лексическим компонентом формулы народных геортонимов-«воспоминаний» в русском языке часто становятся отглагольные существительные (22% русских геортонимов-«воспоминаний»). Аналогичные болгарские геортонимы встречаются реже (15%). Вероятно, причина такой разницы – в различной судьбе русских и болгарских календарных производящих геортонимов. В русском месяцеслове практически все они (кроме *Пасхи* и *Троицы*) включают в свой состав ядерный лексический компонент в форме отглагольного существительного. В болгарском календаре за длительный период времени произошел ряд изменений среди номинаций такого типа: в некоторых случаях, в результате упрощения церковнославянской номинации, произошло замещение отглагольного существительного иной лексемой. Ср. русск. календ. *Навечерие Рождества Христова (Рождественский сочельник), Навечерие Богоявления (Крещенский сочельник), Неделя ваий. Вход Господень во Иерусалим* – болг. календ. *Бъдни вечер, Бъдни вечер (след Коледа), Цветносна неделя*. Однако подобные случаи нельзя назвать широко распространёнными в современном болгарском месяцеслове, поэтому и определять данный факт в качестве основной причины появления таких номинаций в болгарском календаре, «разрывающих» связь с общей церковнославянской традицией, мы не считаем уместным.

Итак, по причинам различного характера, в состав болгарского народного геортонима часто входит не церковнославянское отглагольное существительное, представляющее собой кальку с греческого календарного наименования (как в русском календаре), а существительное, не образованное от глагола, или атрибутивная конструкция. Так, в русском языке от календарного *Вознесение Господне* с помощью редукции был образован народный геортоним *Вознесение*; календарная болгарская номинация представляет собой аналогичный перевод греческого и церковнославянского наименования – *Възнесение Господне*; при этом в народно-разговорной речи данному геортониму соответствует номинация *Спасовден*. Несмотря на то, что и в данной разновидности болгарского языка зафиксирована номинация *Възнесение*, тем не менее именно *Спасовден* – единственный вариант, встречающийся во всех толковых словарях, а календарные издания приводят оба геортонима при указании на праздник Вознесения. Примеры болгарских геортонимов с атрибутивными сочетаниями мы можем встретить, например, при наименовании двух Богородичных праздников: русским разговорным наименованиям, имеющим в своем составе отглагольное существительное (*Введение/Введение во храм* и *Успение*) соответствуют болгарские

обиходные варианты *Малка Богородица* и *Голяма Богородица*. Наименование первого праздника с отглагольным существительным (*Рождество на Пресветата Богородица*) встречается только в календаре (Толковый словарь болгарского языка под ред. Ст. Младенова дает лишь одно наименование – *Малка Богородица*). См. примеры: *На Малка Богородица дойдоха и съселяни от родното му място Калиманица, останало под водите на язовир «Огоста»*. *На 8 септемврий (малка Богородица) и храмов празник на манастира се извършва тържествен молебен, литийно шествие с Чудотворната икона*.

Во втором случае разговорный язык располагает двумя вариантами: редуцированным *Успение* и атрибутивной конструкцией *Голяма Богородица*. Однако употребление второго варианта номинации встречается гораздо чаще:

Нашата сватба беше на Голяма Богородица. На Голяма Богородица бях на Роженския манастир. Там се молих дълго да се науча да преценявам реално силите си [Рождество Богородично 2009].

Интересен пример народной приметы: *Между двете Богородици овчото мляко е най-гъсто*. Под «двумя Богородицами» подразумеваются два двенадцатых праздника – иначе говоря, происходит редуцирование календарного геортонима до монокомпонентной модели. И такой тип редукции, и вышеупомянутые атрибутивные конструкции свидетельствуют о существенных различиях между некоторыми болгарскими и русскими народными геортонимами такого типа.

Частое употребление монокомпонентных народных геортонимов с ядерным лексическим компонентом в виде отглагольного существительного в составе фразеологических единиц как русского, так и болгарского языков иногда способствовало развитию специфического процесса. Народные приметы, пословицы, включающие в свою структуру наименования данного типа, иногда содержат лексические единицы, являющиеся однокоренными с геортонимом, и даже более того – появившиеся в составе фразеологизма благодаря данному народному геортониму.

Ср. русск. *На Сретенье земля с летом встретилась* и болг. *На Сретение зимата и лятото се срещат*.

В обоих языках в таких случаях связь геортонима с денотатом ослабевала. Геортоним подвергался трансонимизации.

Подобный тип редукции очень распространен при номинации великих праздников в обоих языках, однако не всегда возможен.

2. При изучении как русских, так и болгарских народных геортонимов-«воспоминаний» нами были зафиксированы такие случаи редукции, когда календарное наименование в устной речи сокращается не до одного слова, а до поликомпонентной модели. В качестве первого примера мы приведём название праздника, обозначенного в Типиконе как *Рождество Пресвятыя Владычицы нашея Богородицы и Приснодевы Марии* (русск. календ. *Рождество Пресвятой Владычицы нашей Бого-*

родицы и Приснодевы Марии; болг. календ. *Рождество на Пресвета Богородица*). В Типиконе этот праздник, как и все великие праздники, имеет знак «крест окружен». Наименование данного праздника представлено в русской народно-разговорной речи геортонимом *Рождество Богородицы*, а в болгарской – атрибутивным, но также двухкомпонентным сочетанием *Малка Богородица*. Но если в русском языке причиной возникновения такого «осложнённого» варианта номинации послужило стремление избежать нежелательной омонимии с геортонимом *Рождество*, обозначающим праздник Христова Рождества, то в болгарском языке данная номинация возникла в народно-разговорной речи во избежание омонимии не с геортонимом, называющим праздник Рождества Христова (этот праздник называется здесь геортонимом *Коледа*), а с номинацией праздника *Успения*: день кончины Божией Матери обозначается в народно-разговорной речи болгарского языка геортонимом *Голяма Богородица*. Таким образом, и для русской, и для болгарской народной геортонимии в достаточной степени характерна замена календарных конструкций с ядерным лексическим компонентом в виде отглагольного существительного на атрибутивные словосочетания, в целях избежания омонимии между двумя народными номинациями.

Итак, процесс формирования русских и болгарских народных геортонимов мог сопровождаться отношениями бинарной оппозиции: в состав некоторых геортонимов входят качественные или притяжательные прилагательные для предотвращения омонимии и разделения праздников по очередности: ср. русск. *Большая Пречистая* (календ. – *Успение...*) и *Малая Пречистая* (календ. – *Рождество...Богородицы...*); болг. Зимният Кръстовден (календ. – *Бъдни вечер (след Коледа)*) и Летният Кръстовден (календ. – *Въздвижение на Честния Кръст Господен*).

При этом далеко не всегда такая модель образования используется при образовании наименований одних и тех же праздников. Если праздник Успения и Рождества Богородицы действительно обозначается как в русской, так и болгарской народно-разговорной речи с помощью качественных прилагательных, то праздники Богоявления и Крестовоздвижения не имеют подобных обозначений в русском языке. Вероятнее всего, это означает, что возможность омонимии по каким-либо причинам носителями русского языка даже не предполагается, в отличие от аналогичной ситуации в болгарском языке.

Однако очень часто наблюдаются и различия в формульной структуре. Так, русскому народному геортониму *Крестовоздвижение* (ранее чаще употреблялась форма *Воздвижение* или *Вздвижение*) соответствует болгарский *Кръстовден*, где структурным ядром является имя-апеллятив *ден* с темпоральной семантикой, не несущее информативной нагрузки и не выполняющее дифференцирующую функцию. Именно это существительное является наиболее частотным в составе формулы народного геортонима такого типа в болгарском языке. Такая атрибутивная конструкция встречается и в русских народных геортони-

мах-«воспоминаниях», но гораздо реже: *Троицын день*, *Духов день*, *Сустретьев день*.

Что касается подобных русских наименований Богородичных праздников, то сохранились они исключительно в диалектах или в составе немногочисленных фразеологизмов. При этом структура номинаций такого рода отличается от состава наименований Господских праздников. Притяжательное прилагательное образовано от имени существительного, называющего Богородицу, путем аффиксации, но при этом данное существительное не совпадает с компонентом календарного геортонима (*Аспасов день*, *Госпожин день* (календ. – *Успение.../Рождество...Богородицы...*) и др.

При изучении русских номинаций Господских и Богородичных праздников нами было зафиксировано несколько народных геортонимов, на периферии формулы которых находится прилагательное, образованное от отглагольное существительного, указывающего на событие-денотат-2 (*Здвиженьев день* (календ. – *Воздвижение Честного и Животворящего Креста Господня*), *Сретеньев день* (календ. – *Сретение Господа нашего Иисуса Христа*)).

Аналогичных примеров среди болгарских номинаций Господских и Богородичных праздников обнаружено не было, несмотря на то, что сама по себе модель, включающая компонент «ден» и притяжательный атрибутив, широко распространена в болгарской геортонимии.

3. Различные типы редуций могут привести к возникновению неточностей при наименовании праздника, которые иногда влекут за собой совпадение двух неинвариантных геортонимов в одной номинации. В данной главе мы хотели бы коснуться одного такого случая – на примере двух русских народных геортонимов: *День/Праздник св. Троицы (Пятидесятницы)* и *День св. Духа*.

В репринтном издании 1835 года «О Великих Господских и Богородичных праздниках»¹ говорится: «Праздник **Пятидесятницы** совершается Церковью в пятидесятый день, считая с первого – Пасхи, откуда и название его происходит, в воспоминание сошествия Св. Духа на апостолов...; почему праздник сей назывался и называется еще **Духовым днем**, или Праздником Сошествия Св. Духа. Называется он также Троицыным днем, или **Праздником Пресвятой Троицы**» (О Великих ... праздниках 1990). В состав народного геортонима входит другой теоним. Несмотря на то, что днем Святой Троицы в церковном календаре именуется седьмое воскресенье после Пасхи, а днем Святого Духа, или Духовым днем, называется следующий день – понедельник, в упомянутом издании *Духов день* становится одной из редуцированных форм номинации праздника Троицы.

¹ О Великих Господских и Богородичных праздниках (репринтное издание 1835 г.). Киев, 1990.

Однако чаще все-таки *Духов день* является редукцией наименования именно праздника дня Святого Духа: *На Троицу завтра красный денёк будет. А на Духов День, попомни вот, замутится* [Шмелёв 1992: 85].

Интересно и то, что наименование праздника Св. Троицы в болгарском языке представляется композитом *Петдесетница* гораздо чаще, чем геортонимом *Ден на Света Троица*: в календарях Болгарской Церкви второй вариант наименования допускается, скорее, в качестве пояснения к названию праздника (ср. русск. *День Св. Троицы. Пятидесятница* и болг. *Петдесетница (Ден на Света Троица)*); несмотря на присутствие в народно-разговорной речи монокомпонентного геортонима *Троица*, толковый словарь Л. Андрейчина при этом приводит только первый вариант – *Петдесетница*; о втором варианте номинации не упоминается. Впрочем, учитывая географическую и этнографическую близость болгарской культуры к греческой, такое положение дел представляется вполне закономерным.

4. Среди русских и болгарских геортонимов, называющих Господские и Богородичные праздники и включающих в свою структуру прилагательные разного типа, много наименований, периферийный компонент формулы которых сочетается с ядерным исключительно по причине утраты связи с данотатами геортонима (13% всех геортонимов-«воспоминаний») - *Вълча Богройца (Богородица)* (календ. – *Въведение* ...). Процентное соотношение подобного рода геортонимов с общим количеством геортонимов-«воспоминаний» в русском языке ещё выше (17%) (*Медовый/Мокрый Спас* и др.). Существенным отличием от болгарских аналогов, однако, на наш взгляд, в данном случае является редукция номинатива, входившего в периферийную часть календарного наименования (*Господа и Спаса нашего Иисуса Христа*) до существительного *Спас*: именно этот номинатив используется в такого рода номинациях. К примеру: сочетание типа **Яблочный Господь* или **Медовый Господь и Бог наш...* сложно представимо в общеупотребительном контексте².

5. Как в русском, так и в болгарском обиходном языке большое распространение получили номинации, образовавшиеся в результате специфичной трансонимизации. При этом часть из таких наименований была включена в церковные календари как Русской, так и Болгарской православных Церквей. Речь идет об геортонимах типа русск. *Сочельник* (календ. *Навечерие Рождества – Рождественский Сочельник*), *Кутья* (то же), *Коляда* (календ. – *Рождество...*), болг. *Вая* (календ. - *Цветоносна неделя, Коляда, Водици* (календ. - *Свето Богоявление...*) и др.

² Структурные компоненты номинаций типа *Малая Пречистая* или *Большая Пречистая Богородица* не являются несочетаемыми друг с другом настолько, чтобы данные примеры можно было бы соотнести с описанными выше болгарскими геортонимами.

6. Интересной особенностью русских и болгарских обиходных номинаций (правда, совсем малого их количества) является плюрализация календарных геортонимов. В обоих языках встречаются плюрализованные наименования праздника Крещения – русск. *Водокреши*, болг. *Водокръщи*.

7. Уникальной особенностью системы болгарских народных геортонимов-«воспоминаний» является наличие так называемых гибридных номинаций: *Свети Сотир*, *Сотировден*. Эти номинации получили достаточно широкое распространение в отдельных регионах Болгарии, что позволяет сделать вывод о более тесной взаимосвязи некоторых болгарских геортонимов-«воспоминаний» с греческими народными названиями праздников. Принимая во внимание географический фактор, мы получаем достаточно веские основания для подобного предположения. Среди русских номинаций такого типа подобные примеры не зафиксированы.

Литература / References

1. О Великих Господских и Богородичных праздниках [репринтное издание 1835 г.]. - Киев, 1990.
2. Православный церковный календарь. - М., 2008.
3. Типикон [Репринтное издание 1904 г.]. - М., 1992
4. Шмелев И.С. Лето Господне. - М., 1992.

СЛАВЯНСКОЕ И ЗАИМСТВОВАННОЕ СЛОВО КАК СИНОНИМЫ В БОЛГАРСКОЙ РЕЧИ: РАЗЛИЧИЯ В СЕМАНТИКЕ И УЗУСЕ

И.А. Седакова

SLAVIC AND BORROWED WORDS AS SYNONYMS IN BULGARIAN SPEECH: DIFFERENCES IN THE SEMANTICS AND USAGE

I.A. Sedakova

ABSTRACT:

This article gives an insight into the semantics and pragmatics of those borrowed words into Bulgarian, which have Slavonic synonyms. Several typical speech situations are analyzed: the two (or more) synonyms differ in the capacity of meaning, in the areal characteristics, contexts of usage and the stylistic issues. The modern dynamics of the Bulgarian speech situation facilitates great changes in the vocabulary regarding the borrowings.

Keywords: Bulgarian language; ethnolinguistics; folk culture; paremiology; borrowings; semantics; pragmatics

АННОТАЦИЯ:

Статья посвящена специфике семантики и прагматики заимствованных слов в болгарском языке в сравнении с их славянскими синонимами. Анализируются несколько типичных для таких случаев речевых ситуаций: два (или более) синонима различаются в объеме значения, в географии распространения, в контекстном употреблении и в стилистике. Особенно подчеркивается динамичность речевой ситуации в Болгарии в отношении заимствований.

Ключевые слова: болгарский язык; этнолингвистика; народная культура; паремиология; заимствования; семантика; прагматика

*Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ
(грант № 14-04-00546а «Лингвокультурная ситуация в России и Болгарии и трансформация русско-болгарских языковых взаимоотношений: XXI век»)*

Эта статья – мое приношение светлой памяти российских болгаристов, доцентов кафедры славянской филологии МГУ имени М.В. Ломоносова Надежды Васильевны Котовой и Ольги Александровны Ржанниковой, а также болгарского филолога профессора Мирослава Янакиева, сотрудника кафедры и моего учителя в течение долгих лет.

С О.А.Ржанниковой мы учились в одной «болгарской» группе на славянской кафедре, поступив в МГУ 1973 году и закончив его в 1978-м. Надежда Васильевна Котова была нашим основным преподавателем по болгаристике, причем болгаристику в данном случае следует

понимать намного шире чем специальность «болгарская филология». Эта широта взглядов на языковую материю, на общую лингвистику, славистику и балканистику, интерес к новейшим теориям объединял Н.В. Котову с М. Янакиевым, с которым они почти всегда работали в преподавательском и исследовательском тандеме. С одной стороны, преподавание было четко отработанным, шаблонным, многое мы зубрили и доводили до автоматизма, но с другой – в нем всегда находилось место экспромту. Так, Надежда Васильевна и Мирослав Янакиев всегда были готовы к новым темам для спецсеминаров и спецкурсов, даже если к ним подолгу приходилось готовиться, начиная иногда с самых азов. Таким стал спецсеминар по болгарской ботанической лексике: вместе с Котовой мы очень серьезно и при этом весело изучали диалектные названия растений, которых и мы, и сама Надежда Васильевна в жизни не видели. И даже если видели, обсуждению не было конца – большинство из нас знало их «ненаучные» народные названия, поскольку в каждой местности почти у каждого цветочка, кустика, деревца и пр. свое названия. Для идентификации растения и правильного его перевода с русского на болгарский и наоборот требовалось привлечение латинского термина. Так мы обучались основам лексикологии, лексикографии и в целом – точности лингвистического знания, его обоснованности. Кстати, системность изучения фитолексики, анализ каждого слова, его диалектных синонимов, да и сами ботанические термины впоследствии мне очень пригодились для этнолингвистических работ. Все курсы Надежды Васильевны обучали не только и не столько материалу, сколько методам его исследования и интерпретации, демонстрировали богатство болгарского языка, даже его мельчайшей составляющей¹.

Ольга Ржанникова как никто другой «вписывалась» в ту болгаристику, которой обучала нас Надежда Васильевна. Четкость ума, организованность, лингвистические способности, интерес к предмету, желание постичь самые сложные и глубинные процессы в славистике – вот некоторые черты характера Ольги, проявившиеся уже в студенческие годы, а затем и в годы преподавательской и исследовательской деятельности. Из студенческих лет мне запомнилось более всего, что на втором курсе, когда в рамках спецсеминара Н.В. Котовой «Лексикография болгарского языка» мы выбирали темы, Оля взялась за труднейший из списка словарей труд – шеститомный словарь Найдена Герова. Этот старинный словарь основан на своеобразной архаической орфографии, содержит сложнейшие перекрестные отсылки; в его длинных статьях дается много абсолютно непонятных начинающему болгаристу примеров из

¹Более подробные воспоминания о Н.В. Котовой и характеристику ее трудов см. в: [Седакова 2015].

фольклора и этнографии, а также перевод (иногда проблематичный) на русский язык. Это «неподъемное» для студентки второго курса исследование, как и другие ее работы, стали большой удачей и заняли прочное место в болгаристике. А устные выступления Ольги Александровны помнят все, кто ее когда-либо слышал – даже самые длинные доклады читались без бумажки, но проговаривались логично, энергично, живо, аргументированно, всегда вызывая неизгладимые впечатления у публики. Скромная, ровная в общении со всеми, объективная, интеллигентная, с большим достоинством, при этом очень демократичная, остроумная – такая была Ольга Александровна и такой мы ее запомним.

В этой статье будет совсем кратко представлено и обобщено то, чем я частично занимаюсь в области болгаристики, и что, наверное, было бы интересно Надежде Васильевне, Ольге Александровне и Мирославу Янакиеву.

Заимствования в болгарском языке как языке балканском – огромная тема, довольно подробно исследованная, но при этом требующая постоянного аналитического и иллюстративного обновления. Речь в основном пойдет о грецизмах и турцизмах (в том числе о тех, которые будучи арабского или персидского происхождения, попали в словарь болгарского языка посредством турецкого языка). Публикации по заимствованиям, появлялись и появляются в разные годы, включая самые последние [Стаменов 2012: 57-63; Младенова 2016]. Обстоятельные и разносторонние, они демонстрируют лишь то, что болгарский язык, особенно в его разговорной форме в настоящее время исключительно динамичен. Исторически в Болгарии отношение к заимствованиям менялось, даже те десятилетия, которые я занимаюсь болгаристикой, также показали значительную трансформацию в аксиологии, стилистике и употреблении иностранной по происхождению лексики. Н.В.Котова в курсах по лексикографии в 1970-е гг. рассказывала нам, что в официальной науке НРБ была установка не включать турцизмы в словари болгарского языка (например, в [РСБКЕ]). При этом турцизмы употреблялись – не случайно колоссальное количество турцизмов «выплыло» на поверхность после 1991 г. не только в речи обычных представителей болгарского общества, но и представителей власти.

В статье приводится несколько разнородных примеров сосуществования заимствования и славянской лексемы (или ряда лексем). Наибольший материал мне удалось собрать по народной и диалектной речи, метаязыку обрядов, в том числе фольклору. Эта сфера включает в себя множество неславянских лексем, что обусловлено языковыми контактами, билингвизмом в ряде областей Болгарии, различными влияниями (в том числе приграничными), а также и языковыми факторами – табуированием, «удобством», экспрессией некоторых корней и морфем. Так,

очевидно табуированием объясняется повсеместное использование грецизма *лехуса* (*лихона, лауса* и пр.) «роженица» наряду со славянским, но более редким *родилка*. *Лехуса* из народной речи «перебралась» и в разговорную городскую речь, где доминировала *родилка*, это заимствование стало практически общеболгарским и не ощущается как «чужое». Различий в семантике между *лехуса* и *родилка* не обнаруживается². Однако если словари 1950-х гг. дают помету «греческое» (БТР; РСБКЕ), то новый академический словарь (РБЕ) не дает никакой пометы. Лишь выражение *Лежи като лехуса* букв. «Лежит, словно только что родила» о ленивом человеке помечено как «разговорное, неодобрительное». Похоже, что с годами слово *лехуса* утрачивает свою стилистическую маркированность и широко используется в речи болгар, выступая наряду с исконным словом, что подтверждается частотностью этой лексемы в самых разных контекстах в болгарском национальном корпусе [БНК]³.

Подобное развитие претерпевает немало слов. Так, турцизм *късмет* «счастье, удача» [БЕР 3: 231–232] и грецизм с болг. морфологией *орисия* «судьба» [БЕР 3: 922–923], *орисници* «демоны судьбы»⁴ – из народной этнографической, фольклорной речи перешли в речь городскую и также весьма частотны. Обозначая важные сферы бытия – такие как «удача», «везение», «судьба», они почти вытеснили свои славянские синонимы (*щастие* «счастье», *сполука* «везение» и др.) не только в разговорном стиле. Они встречаются и в современной болгарской рекламе, и в СМИ. Об этой тенденции свидетельствует обращение к болгарскому национальному корпусу.

Теперь мы отойдем от лексики народной духовной культуры и сосредоточимся на повседневной речи, характеризующей человека и его поведение. Именно здесь проявляется то, что традиционно приписывается турцизмам в случае их употребления вместо славянского синонима – сниженная стилистика и экспрессивность [Бояджиев 2011]. Согласно исследованию П. Стаменова, группа турецких слов со значением «судьба, душевные переживания и привычки» очень обширна, так же как и лексико-семантическая группа «психологические типы», в которой он насчитывает 195 активно использующихся турцизмов [Стаменов 2011: 265, 369, 371, 390].

² В народном лексиконе известно полисемия этого термина (с уточнением срока после или даже до родов), название травы для лечения женских болезней, в том числе словообразований *лафутна трева* и др. [Седакова 2007: 35–37].

³ Я благодарю дирекцию и сотрудников Института болгарского языка им. Любомира Андрейчина за предоставленную мне возможность пользоваться данными диалектных архивов [БДА] и материалами национального корпуса [БНК].

⁴ Подробнее об этой лексике см. [Седакова 2007: 49–67].

На примере составляющих лексико-семантическую группу ЛЕНЬ⁵ в болгарском языке мы видим, что к славянской лексике *мързел* «лень», *ленив*, *мързелив* «ленивый» добавляется значительное количество турецких по происхождению синонимов, которые стилистически в основном маркируются как разговорные и (или) пейоративные. Балканским турцизмом является хорошо усвоенное и обросшее словообразованиями заимствование из тур. *haylaz*, болг. *хайлазлък* «лень»; *хайлаз(ин)*, «лентяй».

Приведем целый ряд лексем не только болгарского, но и общеполканского распространения с экспрессивный начальным слогом *ха-*: *хайван* в начальном значении «скотина», затем «лентяй»; *хаймана*; *Хайнаджия* [Котова 1960–2000: 2]; *хайта* «разбойник», «бездельник»; *хайдамак* «бродяга», «бездельник» и др. Эти слова, близкие по звучанию и экспрессии, нередко перекрещиваются и становятся частичными синонимами: в болгарском языке для близких по смыслу слов *хайлазин* и *хаймана* «праздный» [Стаменов 2012: 381]. Ср. и другие весьма распространенные балканские турцизмы для обозначения лени: тур. *(d)tembel* «лень» дает болг. *дембел*, *джембел*, *дембелин*, *дембелак*; *дембелски*. Тур. *müflis* «обанкротившийся» распространилось в болгарском и других балканских языках в разных значениях, но одно из самых частотных именно «ленивый» (очевидно по логическому объяснению, что банкротство вызвано ленью, нежеланием работать): болг. *михлюзин*//*михлюзин*, *муулус* [БЕР 3: 442–443]. Указанные турцизмы скорее прозвучат в речи экспрессивной, они не нейтральны, как болг. слав. *ленив*, *мързелив*, и приносят в высказывание пейоративный, резко неодобрительный оттенок.

Интересная ситуация возникает, когда два синонима – турцизм и болгарская лексема очень близки в своем значении и звучании. Речь идет о тур. *беля* и синонимичной (отчасти) общеславянской лексемой *беда* (**bēda*)Ю подробнее см. [Седакова 2013]. *Беда* и *беля* различаются по объему значений, стилистическим характеристикам и вхождению в разного рода клише. Болгарско-русский словарь *беда* и *беля* переводит одинаково как «несчастье» [БРС: 28]. Наш опыт изучения языка и народной культуры показывает, что *беля* в болгарском более «на слуху», чаще звучит в речи *Беда* используется преимущественно в литературном языке, вбирая в себя много других значений, которые реализуются в дериватах⁶, и, как мы увидим ниже, испытывает на себе влияние русского языка.

Беля очень прижило в болгарском словаре. В турецком языке *belâ* означает: 1) несчастье, бедствие, беда, горе, затруднительное положе-

⁵ См. также работу [Витанова 2011].

⁶ Это теоретическое положение отметила С.М.Толстая [Толстая 2008: 30].

ние; 2) наказание, бич [ГРС: 69]. Теперь исследуем более подробно, какую языковую нагрузку принимает на себя турцизм в болгарском языке, с учетом омофонии первого слога в двух синонимах (*беда* и *беля*) и вполне славянского морфологического облика заимствования. Однотомный толковый словарь помечает *беля* как разговорное и объясняет его через литературный синоним *беда* [БТР: 43]. В многотомном словаре *беля* толкуется как 1) неприятность, беда; 2) вред, ущерб [РБЕ 1: 568], а *беда* как 1) несчастья, 2) страдания, 3) неприятности, 4) (диал.) вина, обвинение с последующим наказанием [РБЕ 1: 449]. Различия в семантике (*беда* «вина» и *беля* «вред») последовательно отмечаются в употреблении двух слов. Общее же значение («несчастье» и «неприятности»), казалось бы, должно привести к взаимозаменяемости лексем, но, как уже говорилось, турцизм *беля* значительно превосходит свой славянский синоним по многим параметрам. И хотя словари отмечают, что употребление *беля* ограничено разговорным стилем и диалектами, кажется, что, подобно ряду других заимствованных лексем, сейчас оно постепенно вытесняет славянское *беда* во многих стилях. Особенное развитие получает *беля* в болгарских диалектах, где встречаются разные фонетические огласовки, например, с отвердением *л*: [БД 1: 67], с редукцией конечного *а* в *ь*: ихтиман. *бель*, врачан. *бел'ь* [БДА]; другими изменениями конечного гласного [Вачева-Хотева, Керемидчиева 2000: 109]. Болгарские диалекты демонстрируют морфологическую и синтаксическую адаптированность: *бельосвам* 'сердиться из-за причиненных неприятностей'⁷ [БД 3: 39], *бел'овам* 'создавать неприятности' [БД 2: 128], об этом же говорит и звательная форма от *белалия*: *Тодоро, Тодорке, Море белалийо* «Тодора, Тодорка, Ах ты бедовая» [БДА]. Обращают на себя внимание изафетные конструкции, идентичные турецким, наподобие *кара бельа* «большая беда» [Котова 1960–2000: 9]; в том числе и в сочетании со славянской лексемой: *беля работа* 'опасное дело' [БД 4: 61].

Беда в значении «несчастье» встречается редко, даже в диалектах, что подтверждается недавно опубликованным Идеографическим диалектным словарем. Заглавным словом в словаре выступает слав. *беда*, далее следуют синонимы, и на 10 фиксаций славянского слова приходится около сотни диалектных вариантов турцизма *беля*, встречающегося на всей болгарской территории [ИДРБЕ: 95–96]. Подобная ситуация наблюдается и во фразеологии. Так, со словом *беда* в болгарско-русском фразеологическом словаре дается пять фразеологизмов, а с *беля* 17 [БРФР: 48–50]. Можно говорить о параллелизме употребления синонимов в паремиях, хотя все же дублетные конструкции с *беда* и *беля*

⁷Здесь, очевидно, можно говорить о контаминации с глаголом *ядосвам се* 'сердиться, злиться'.

встречаются нечасто: *Парите от беда, беда раждат* [РБЕ 1: 449] и *От беля пари беля раждат* «Деньги, заработанные на несчастье, несчастье приносят» [МБТР: 139]. Одна идея может передаваться не идентичной конструкцией, но с использованием славянской и неславянской лексем. Так, для пословицы «Пришла беда – отворяй ворота» есть несколько соответствий, одно с *беда*: *Бедата не идва сама* и множество с *беля*: *Бельата беля докарује* [СБНУ 1893/9: 190]; *Бела бела води (ражда)* [Славейков 1972: 87].

Фразеологизмы с *беля* по основному значению распадаются на две большие группы: 1) ‘попадать в беду’ или 2) ‘создавать кому-либо неприятности’⁸. Для передачи смысла используется ряд предикатов⁸: 1) брать, класть (на голову, на шею), хватать, искать (со свечкой), находить, открывать, идти навстречу и др.; 2) вводить кого-либо в беду, сваливать на кого-либо, нагружать (на голову) кому-либо, навлекать, создавать, приносить и др. [Геров 1: 38; МБТР: 139; ФРБЕ 1: 141, 159, 648; 2: 50, 336, 474–475]. В пословицах и других фольклорных текстах *беда* со значением ‘несчастье’ в основном включено в клишированное словосочетание *туна (туня) беда* ‘горе, роковое стечение обстоятельств’, ср. *Пази, боже от туня беда* «Спаси, Боже от великой беды» [МБТР: 139]; *Туня беда, иня вера* (диал.) ‘своенравный, упрямый человек’ [ФРБЕ 2: 411]. С этим клише записано проклятие *Тун’а беда да те найде* «Чтоб тебя горе настигло» [СБНУ 1894/11: 168] и благопожелание *Госпот да те сочува от тун’а беда* «Да убережет тебя Господь от великого несчастья» [СБНУ 1936/42: 99].

Беда в фольклоре соотносится также и с понятием вины / невинности, – это тавтологическая конструкция *беда бедя* «оклеветать невинного». В следующем примере используются обе лексемы (*беда* и *беля*), причем только турцизм имеет значение ‘несчастье’: *Турци Стояна бедили, бедили, в беля турили, че си Стоян, че си е на турска врата похлопал бела ханъма залибил* «Турки Стояна оклеветали, оклеветали, и несчастье на него навлекли, будто он в турецкую калитку стучался и белую турчанку полюбил» [СБНУ 1949/44: 245]. Значение *бедя* «клеветать», доминирующее в фольклоре, находится на периферии литературного болгарского языка, оно более распространено в диалектах: соф. *Бедим* «клеветать» [БД 2: 70], ср. и разговорные словообразования: *бедаджия* (редко) «клеветник» [РБЕ 1: 449].

Беля и его дериваты берут на себя все нюансы «неприятностей», от обобщенных (*да не стане беля* «как бы чего не вышло») до очень конкретных, от небольших проблем до трагических событий. *Беля* регулярно ассоциируется с детскими шалостями, озорством, с житейскими про-

⁸Во фразеологизмах с *беда* встречается всего два глагола, тогда как с *беля* намного больше.

блемами⁹: *Ti da видиши беля, бае Ангеле: няма вино за комка* «Вот в чем беда, дядя Ангел: у меня нет вина для причастия» [МБТР: 139], заботами *Ожени се да си вземеш беля на главата* «Женись, чтобы обзавестись заботой» [Там же], а также со смертью, убийством и другими преступлениями.

Представляется, что *беля* обладает семантическим потенциалом, который в болгарском языке пока что развился ограниченно. Мы имеем в виду значение ‘черт, дьявол, нечистая сила’, известное другим балканославянским языкам и диалектам. *Беляј* как ‘дьявол’ часто используется в косовско-метохийском диалекте [Елезовић 1932: 41]. П. Скок даже объясняет морфологическое преобразование в хорватском языке женского рода *белаја* в мужской род *белај* стремлением к параллелизму со словом *ђаво* [Skok 1971/1: 135].

Национальный корпус болгарского языка при поиске синонимов к слову *беля* дает множество случаев с употреблением *дьявол*. Таким образом, хотя в словарях это значение не встретилось, подобное семантическое развитие слова *беля* вполне возможно. И это является свидетельством динамичности речевой ситуации в Болгарии, даже на примере синонимов разного происхождения.

Славянская лексема *беда* остается в литературном языке и подвергается различным изменениям, обусловленным, в частности, влиянием русского языка на разных этапах, которое выражается в заимствовании некоторых семантических оттенков и в использовании клише. В словаре Ст. Младенова в статье *Беда* специально отмечается, что выражение *Бедата не е там* используется в болгарском языке под влиянием русского (рус. *Беда не в том*), тогда как должно бы быть *Лошото, злото не е там* [МБТР: 139]. Приводится и еще одно литературное заимствование *Человек и народ се познават в беда* «Человек и народ познаются в беде», где вместо *беда* следует использовать *неволя* [Там же].

К славянской лексике прибегают в официальном дискурсе. В гражданских требованиях наших дней используется *беда*, ср. экологический плакат протестного движения в Болгарии: *Пирин в беда. Спасете го сега!* «Пирин в беде! Спасите его сейчас!» (22.02.2013. Фейсбук, группа «ЗаВитоша»). В разговорном же стиле доминирует *беля*, которая постепенно берет на себя семантические оттенки другой лексики, ассоциирующейся с несчастьями, проблемами, хлопотами и неприятностями.

В речи слова-синонимы различаются экспрессией, частотностью, нюансами значения, стилем употребления, тематикой, ареальным рас-

⁹*Страх ме е бате да тръгна / Че я съм тешка, неволна, / на пътяще си добия, Белше да винаправя* «Страшно мне, братец, уехать. Я ведь с дитем под сердцем / В пути я его рожу / Беду я вам сотворю» [СБНУ 1894/11: 112].

пространением. М. Стаменов пишет, что процесс пейоризации турцизмов в болгарском языке ведет к исчезновению денотативных значений и сохранению только экспрессивной негативной аксиологии [Стаменов 2012: 169]. Мы не склонны согласиться ни с утверждением об универсальности процесса тотальной пейоризации турцизмов, ни с утверждением об утрате денотативных значений, что мы и пытались показать выше.

В заключение отметим перспективы исследования этой темы. Похоже, что использование турецкой лексики вместо болгарской относится к чертам речевого портрета. Осмелюсь предположить, что определенный тип болгарина-интеллекта, условного хиппи 1970-х гг., разговаривает иногда почти на турецком жаргоне, во всяком случае с вкраплением множества турцизмов. Однако есть и прямо противоположная группа болгар – сознательно отрицающие заимствования. Это выявляется при прямом опросе. Например, «Используете ли Вы турецкую лексику (например, *мерак* «желание», «стремление», *мераклия* «любитель» и др.). В этом случае нередко можно услышать гневную отповедь, что образованные болгары должны избегать заимствований. Однако в речи этих же людей экспрессивные турцизмы, имеющие славянские синонимы, тоже присутствуют, они их просто не замечают, считая «своими». Представляется, что языковое сознание болгар полилингвистично (Асенова 2002) – в нем сосуществуют болгарский турецкий, отчасти греческий, безусловно, русский (у старших – советский), а теперь и английский словари, что оказывает значительное влияние на выбор синонима для выражения семантических и прагматических нюансов речевого акта.

Литература / References

1. Асенова, П. Балканско езикознание. Основни проблеми на балканския езиков съюз. В.Търново: Фабер, 2002.
2. Бояджиев Т. Българска лексикология. София, 2011.
3. Витанова М. Лексикална репрезентация на концепта *мързел* в българската езикова картина на света // Многообразие в единството. София, 2011. 1.
4. Елезовић Гл. Речник Косовско-Метохиског дијалеката. Београд, 1932. Св. 1.
5. Котова Н.В. Горно поле. Дупнишко. Речник. 1960–2000. София, 2002.
6. Младенова Д. От лингвистична география към ареална лингвистика. Теория и практика на анализа на късни явления в българския език: названията на домата и патладжана. София, 2016.
7. Седакова И.А. Балканские мотивы в языке и культуре болгар: Родины. М.: Индрик, 2007.
8. Седакова И.А. Бея («несчастье» и др.) в болгарском языке и фольклоре на общепалканском фоне // Slavica Svetlanica. Язык и картина мира. К юбилею С.М. Толстой. М.: Индрик, 2013. С. 60–68.
9. Славейков П.Р. Български притчи или пословици от характерни думи / Събр. от П.Р. Славейков. София, 1972.
10. Седакова И.А. Памяти Надежды Васильевны Котовой // Славяноведение. М., 2015. 6. С. 119–120.

11. *Стаменов М.* Съдбата на турцизмите в българския език и българската култура. София, 2011.
12. *Толстая С.М.* Пространство слова. Лексическая семантика в общеславянской перспективе. М., 2008.
13. *Skok P.* Etimologijski rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika. Zagreb, 1971.

Источники / Sources

- БД – Българска диалектология. Материали и проучвания. София, 1962–. Т. 1–.
- БДА – Болгарский диалектный архив. Хранится в Институте болгарского языка БАН.
- БЕР – Български етимологичен речник. София, 1971–2002. Т. 1–6.
- БНК – Български национален корпус. <http://dcl.bas.bg/bulnc/>
- БРС – Бернштейн С.Б. Болгарско-русский словарь. М., 1975.
- БРФР – Болгарско-русский фразеологический словарь. София; М., 1974.
- БТР – Български тълковен речник. София, 1973.
- Вачева-Хотева М., Керемидчиева С. Говорът на село Зарово, Солунско. София, 2000.
- Геров Н. Речник на българския език. Фототипно издание. София, 1975–1978. Т. 1–6.
- ИДРБЕ – Идеографски диалектен речник на българския език / Съст. В. Радева, Ж. Жоров и др. София, 2012. Т. 1.
- НБК – Национален български корпус.
- РБЕ – Речник на българския език. София, 1977–. Т. 1–.
- СБНУ – Сборник за народни умотворения, наука и книжнина. София, 1889–. Кн. 1–.
- ТРС – Турецко-русский словарь / Сост. Д.А. Магазаник, под ред. В.А. Гордлевского. Изд. второе, доп. и испр. Москва, 1945.
- ФРБЕ – Фразеологичен речник на българския език. София, 1974. Т. 1–2.

ДИАЛЕКТНЫЕ ОСОБЕННОСТИ В РЕЧИ ГЕРОЕВ СОВРЕМЕННЫХ БОЛГАРСКИХ ФИЛЬМОВ

Ю.В. Кудрявцева

ON DIALECT FEATURES IN THE SPEECH OF SOME MODERN BULGARIAN FILMS' CHARACTERS

Y.V. Kudryavtseva

ABSTRACT:

The paper observes the most typical dialect features that can be heard frequently in the modern Bulgarian informal speech, including cues of some modern Bulgarian films' characters, as well as the possible reasons for their inclusion to the movie script.

Keywords: dialect features; informal speech; filmtext

АННОТАЦИЯ:

В статье рассматриваются наиболее характерные для современной болгарской устной речи диалектные особенности, проявляющиеся в речи героев фильмов 2000-2010-х гг., а также возможные причины их проникновения в кинотекст.

Ключевые слова: диалектные особенности; устная речь; кинотекст

Ольга Александровна читала нашей группе (выпуск 2011 г.) и всем болгаристам курс Истории и диалектологии болгарского языка, а также курс Методики преподавания славянских языков всем студентам отделения славянской филологии. Все мы с теплотой вспоминаем ее интереснейшие лекции, бережно храним и используем в работе конспекты, диалектологические карты и многие другие материалы. В своей профессиональной деятельности обращаемся к ее бесценным советам по методике преподавания болгарского языка. Она всегда живо интересовалась судьбой своих студентов после окончания Университета, со многими из них поддерживала контакт, для некоторых стала научным руководителем. Я думаю, все мы без исключения переняли тот интерес и ту любовь к болгарскому языку, который излучала Ольга Александровна, и пронесем их через всю жизнь, но нам всегда будет не хватать ее мудрых советов, правильных замечаний и поддержки.

Как известно, автор художественного текста прибегает к использованию диалектных особенностей в речи своих героев в ряде случаев:

А) они могут быть основным языковым средством в произведении, как пишут С. Влахов и С. Флорин, его «строительным материалом», наряду с другими отклонениями от литературной нормы, такими, как жаргон, сленг и т.д.;

Б) могут использоваться для речевой характеристики отдельных персонажей;

В) или включаться в текст как отдельные вкрапления для создания колорита [Влахов, Флорин 1980].

Те же случаи в некоторой степени применимы и к кинотексту, но с определенными оговорками. Во-первых, кинотекст является сложной семиотической структурой, разновидностью так называемых креолизованных текстов, т.е. таких текстов, фактура которых состоит из двух частей – вербальной (устной и письменной) и невербальной. Во-вторых, фильм является продуктом коллективного творчества, и замысел режиссера в виде авторского литературного сценария в процессе создания фильма подвергается многократной семиотической трансформации. Следовательно, не всегда ясно, является ли привнесение диалектных особенностей в речь героев фильма замыслом автора фильма (а, значит, прописано в монтажном листе), или же могло появиться неосознанно в речи актеров в процессе съемок как маркер их территориальной принадлежности. Рассмотрим несколько современных болгарских фильмов с двух точек зрения: во-первых, какие диалектные особенности звучат чаще всего (и легко вычленимы на слух) в современных болгарских фильмах, и, во-вторых, с какой целью они использованы – является ли отклонение от литературной нормы идеей режиссера (для создания колорита, речевой характеристики персонажа) или импровизацией актера.

Под «современными» подразумеваются фильмы, вышедшие после 2000-го года, когда, по мнению ряда болгарских кинокритиков, началось возрождение болгарского кино после «застоя» 90-х годов.

Как нам известно из курса диалектологии, все говоры болгарского языка объединяются в две большие группы – восточные и западные. Главным признаком, по которому эти группы противопоставлены, является рефлекс ятевой гласной – узкий на западе (*млЕко*) и широкий на востоке (*мляко*). В основу литературного языка были положены восточно-болгарские говоры, однако столица находится в западной части страны, и говор жителей Софии значительно отличается от литературной нормы. Отклонения касаются не только рефлекса ятевой гласной, но и многих других фонетических и морфологических аспектов.

Однако необходимо сделать оговорку, что на данный момент существует точка зрения, высказанная, например, С. Бутовым, в соответствии с которой уже не совсем корректно говорить о «норме» (на востоке) и «отклонении» от нее (на западе), поскольку современную болгарскую

языковую ситуацию отличает «сосуществование двух основных наддиалектных типов устной речи – восточно - (и центрально-) болгарского, с одной стороны, и западно-болгарского типа, с другой» [Буров 2012]. Западно-болгарский тип, распространенный в столице, негласно приобретает среди молодежи статус престижного, воспринимается жителями столицы как норма, и каждый приезжий, не соответствующий «норме» и воспринимаемый как «чужак», после переезда в Софию к этой норме приспосабливается, теряя в своей речи восточно-болгарские черты.

Кинопроизводство в данный момент сконцентрировано в Софии, действие большинства фильмов развивается также в столице, там же проживают и получают образование актеры и создатели фильмов, поэтому не удивительно, что чаще всего в речи героев фильмов вычленяются западные (точнее, даже «софийские», «шопские»), а не восточные диалектные черты.

Наиболее характерными и легко вычленяемыми диалектными особенностями в речи жителей столицы являются:

На фонетическом уровне: узкий рефлекс ятевой гласной (*голЕМ*).

На морфологическом уровне:

- нехарактерное для литературного языка окончание глаголов 1 л. мн.ч. настоящего времени –МЕ - перенос окончания нового III спряжения на глаголы старых I и II спряжений (*четеМЕ*) – данная особенность характерна даже для речи болгарских политиков;

- твердая глагольная глагола (*носЪ, вървЪ*).

Данные особенности (особенно первые две) чаще всего используются намеренно и включаются в монтажный лист фильма, так как, вероятно, их наличие зрителям покажется нормой, а отсутствие – отклонением от нее. Зрители из Восточной Болгарии будут иметь противоположное мнение, однако было бы действительно странно, если бы молодые люди из столицы в таких фильмах, как «*Love.net*» (2011), «*Лора от сутрин до вечер*» (2011), «*Стълки в пясъка*» (2010), а также «*Кецове*» (2011) говорили бы на грамотном литературном болгарском языке. Действие первых трех фильмов разворачивается в Софии, в последнем – герои из столицы бегут от цивилизации на море.

*Гледай, братче, всички «бЕгат», само ние «седиМЕ» тук. - Кецове
Аз точно бях тръгнала да си «ходЪ» – Лора от сутрин до вечер.*

Интересные примеры непреднамеренного вкрапления диалектных особенностей (в частности, твердой глагольной основы, которая не прописывается в монтажном листе) можно обнаружить в фильмах, герои которых, по сюжету, живут не в Западной Болгарии и не должны иметь в своей речи западно-болгарские черты. Такие примеры мы обнаруживаем в одном из новых фильмов «*Съдилището*» (2014), действие которого разворачивается в деревеньке недалеко от болгарско-турецкой

границы (в районе города Свиленград). В речи героев разного возраста не вычленяются архаичные родопские диалектные особенности (например, своеобразная «тройная» членная морфема или остатки косвенно-падежных форм), однако в речи актера из Софии звучит типично софийская твердая глагольная основа:

*Днес съсипах живота на едно семейство, какво да ти куп**Ъ**.*

Такое проникновение становится возможным и, вероятнее всего, даже не будет замечено болгарским зрителем именно из-за того переосмысления, о котором шла речь выше – западные диалектные черты тоже начинают восприниматься как норма.

Примером искусственного включения диалектных особенностей в речь персонажей является фильм «*Чужденецът*» (2012). На протяжении всего фильма с целью создания колорита режиссер прибегает к имитации западно-болгарского говора (восточная группа западно-болгарских говоров, село Лещен, обл. Благоевград) в речи главной героини и некоторых других героев. Имитация эта в целом не очень удачна, даже, скорее, гипертрофирована, так как человек 20-25 лет, имеющий хотя бы среднее образование, не может говорить со столь заметными отклонениями от литературной нормы буквально в каждом слове. Однако, по замыслу автора, такая речевая характеристика должна демонстрировать социальный статус и происхождение героев и усиливать контраст между ними - жителями болгарской деревни - и их французским гостем. В речи героев можно обнаружить как типичные западно-болгарские диалектные особенности, такие как узкий ятевый рефлекс (*НЕмаше нужда да ми дума на български*), а также черты, характерные именно для юго-западной группы говоров:

*Ай, давай, **ЧЕ** бЕгам, че стана кАсно* (частица ЧЕ для образования будущего времени, рефлекс А на месте Ъ и О-носового)

*Я търся французин**О*** (местоимение 1 л.ед.ч Я, членная морфема -О-).

Подобные вкрапления присутствуют и в фильме «*Мисия Лондон*» (2010), снятом по одноименному роману А. Попова, действие которого происходит в британской столице. Целью автора в данном случае также, вероятно, является усиление контраста между педантичными и чопорными британцами и слегка простоватыми болгарскими дипломатами. Интересно, что в обоих фильмах именно западно-болгарские диалектные черты использованы для языковой характеристики персонажей. Они дополняют образ болгарина (напоминающего классического героя А. Константинова Бай Ганю), который противопоставляется образу интеллигентного иностранца.

Особое место среди фильмов, в которых отражены западно-болгарские диалектные черты (точнее, юго-западные, область Благоевград) занимает фильм «*Писмо до Америка*» (2001). В данном фильме, в

отличие от предыдущих примеров, диалектные особенности являются основным строительным материалом кинотекста, так как звучат в речи местных жителей деревеньки Пирин, а не в заученных репликах профессиональных актеров. Зрители фильма имеют по сути уникальную возможность услышать естественное звучание диалекта маленькой, постепенно вымирающей деревеньки. В речи местных жителей мы также можем выделить как общие западно-болгарские черты:

Приятелки бЕеме с Баба Митра, ама бЕеме и двете вдовици (узкий ятевый рефлекс, а также характерное для многих говоров выпадение – Х).

- Интересно ми е как си говорите. - И как [говориме]? (окончание – МЕ у глагола II спряжения)

Кръста ли гледаш? Тука така на жените го турЪт. Праведни деца да раждат. (твердая глагольная основа).

Так и особенности именно восточной группы юго-западных говоров:

Старост дебне, майко, като сенКЯ (мягкие согласные [к] и [г])

Сега какво КЕ правиш, сине? (частица КЕ для образования будущего времени)

Труден пАт, труден пАт (рефлекс А на месте Ъ и О-носового в корневой позиции)

К сожалению, среди современных фильмов нам пока не удалось обнаружить такие, в которых бы звучали восточно-болгарские черты. Ряд типичных западно-болгарских черт, которые также, как и вышеуказанные, достаточно легко вычленимы на слух (в частности, перенос ударения в формах аориста и действительных причастиях: *казАх, чувАл*) не был нами рассмотрен по причине отсутствия примеров.

Итак, в рассмотренных нами современных болгарских фильмах преобладают по ряду причин западно-болгарские диалектные особенности, что в целом ожидаемо. Нами обнаружены примеры, иллюстрирующие как общие западно-болгарские, так и более редкие юго-западные диалектные особенности. В некоторых случаях их вкрапление в речь героев (как искусственное, так и естественное) является задумкой автора, в некоторых – импровизацией актера. Добавление автором фильма диалектных особенностей в текст монтажного листа фильма может быть нацелено на усиление контраста между болгаринцем и иностранцем или служит маркером деревенского происхождения героя.

Целью данной статьи не является исчерпывающий анализ диалектных особенностей восточных и западных говоров современного болгарского языка. В ней представлены наблюдения автора, сделанные в процессе просмотра и перевода некоторых болгарских фильмов. Фильмы сами по себе, безусловно, не являются полноценным диалектологическим материалом (за исключением некоторых эпизодов вышеупомяну-

того фильма «*Писмо до Америка*»), однако служат неплохой иллюстрацией современной языковой ситуации в Болгарии, где на данный момент сосуществуют две разговорных нормы – западная и восточная, а в языковом сознании молодого поколения имеет место оппозиция «свой» (говорящий на моем диалекте) – «чужой» (говорящий на чужом диалекте).

Литература / References

1. Буров Ст. Две норми на българската устна книжовна реч. // Електронно списание Liternet, 07.11.2012, №11 (156). URL: <http://liternet.bg/publish28/stoian-burov/dve-normi.htm> (дата обращения 14.09.2016)
2. Влахов С., Флорин С. Непереводимое в переводе. М.: Международные отношения, 1980.
3. Стойков Ст. Българска диалектология. Трето издание. София: Издателство на Българската академия на науките, 1993.
4. Харалампиев И. Историческа граматика на българския език. В.Търново.: изд.Faber, 2001.

КАТЕГОРИЯ ОПРЕДЕЛЁННОСТИ / НЕОПРЕДЕЛЁННОСТИ И ЕЕ РЕАЛИЗАЦИЯ В БОЛГАРСКОМ ЯЗЫКЕ¹

О.А. Ржанникова

THE CATEGORY OF DEFINITNESS / INDEFINITNESS AND ITS REALIZATION IN BULGARIAN

O. A. Rzhannikova

ABSTRACT:

The paper observes the grammatical DEF/UNDEF category as the universal and conceptional one with special attention to the problem of reference types and the denotative status of referent and unreferent NP-s.

Keywords: definitness/indefinitness, language universals, reference, denotative status, Bulgarian article.

АННОТАЦИЯ:

В исследовании рассматривается универсальная понятийная и языковая категория определенности / неопределенности, типы референции и денотативный статус референтных и нереферентных именных групп.

Ключевые слова: определенность/неопределенность, языковая универсалия, референция, денотативный статус, болгарский артикль.

Категория определенности – неопределенности – одна из категорий семантики высказывания, ее функция – актуализация и детерминация имени, демонстрация его единственности в описываемой ситуации (определенность) либо выражение его отношения к классу подобных ему феноменов (неопределенность).

Категория определенности – неопределенности относится к числу понятийных категорий, то есть таких, которые представляют собой смысловые компоненты общего характера, свойственные не отдельным словам или системам их форм, а обширным классам слов, выражаемых в естественных языках разнообразными средствами. Такие средства могут быть различными в различных языках. Обычно понятийные категории понимаются как универсальные, свойственные всем или большинству языков мира. Таким образом, можно говорить о том, что опре-

¹ Исследование представляют собой ранее не издававшиеся материалы к спецкурсу «Определённость/неопределённость в болгарском языке», прочитанному О. А. Ржанниковой на филологическом факультете в 2011 году для студентов-болгаристов, данные материалы были любезно предоставлены кафедре славянской филологии родственниками О.А. Ржанниковой. Сам текст издается в неизменном виде, но для удобства его использования в конце предложен список книг, упоминаемых в тексте, а также добавлены некоторые сноски. Текст подготовлен к изданию М.Н. Беловой.

деленность – неопределенность является языковой универсалией. В качестве средств выражения понятийных категорий выступают граммы грамматических категорий, словообразовательные и лексические подклассы знаменательных слов, служебные слова, синтаксические конструкции и супrasegmentные средства (просодический контур и порядок слов).

Большинство понятийных категорий характеризуется полевой структурой, с ядром и периферией в составе соответствующего функционально-семантического поля.

В качестве грамматализованного ядра понятийной категории выступает соответствующая ей грамматическая категория. Во многих языках существуют специальные показатели определенности – неопределенности актуализируемого имени – артикли (по данному показателю различаются артиклевые и безартиклевые языки). Таким образом, для ряда языков можно говорить о наличии грамматической категории определенности. Однако при исследовании категории определенности – неопределенности следует говорить не только об артикле, но и учитывать все средства выражения данной категории.

В безартиклевых языках, в частности в русском, определенность – неопределенность может быть выражена различными средствами. Прежде всего, разумеется, так же, как и в артиклевых языках, с помощью местоимений. В артиклевых языках существует определенная конкуренция употребления указательных местоимений и артикля – есть случаи, когда определенность может быть выражена только именной группой, включающей в свой состав указательное местоимение. Исследование подобной конкуренции представляет собой отдельную специальную задачу.

Кроме того в русском языке данная категория может быть выражена, например, с помощью порядка слов (конечная позиция обычно связывается с неопределенностью).

Я купила журнал./Журнал купила я.

Здесь могут выступать сочетания с различными частицами.

Еще чашечку, если можно.

Большую роль играет тип и размещение фразового ударения.

Вот словарь/вот словарь.

В некоторых случаях такую роль играет падежная форма – *Выпить молоко/Выпить молока*. Однако самым сильным средством выражения определенности – неопределенности является контекст – *Семья купила квартиру* как интродукция, в абсолютном начале, может содержать два неопределенных имени. В контексте же отношения определенности – неопределенности в данном высказывании могут быть совершенно иными.

Понятийные категории можно подразделять на классифицирующие и модифицирующие. Так, например, для предметных понятийных категорий классифицирующими основаниями будут пол. Одушевленность – неодушевленность, личность – неличность. К числу модифицирующих

оснований предметных понятийных категорий относят тип референции, или денотативный статус (включающий противопоставления определенности – неопределенности, референтности – нереферентности, конкретности – неконкретности и т.п.).

В рамках высказывания категория определенности – неопределенности тесно связана с другими содержательными категориями: с актуальным членением предложения (тема, то есть известное, обычно соотносится с определенностью; рема, то есть новое, соотносится с неопределенностью), с дейкитичностью, с категорией притяжательности, а также с категорией модальности (*Дует. Кто-то открыл форточку*). В рамках текста категория связана с анафоричностью, а также с нарративностью (повествовательностью) – неопределенные имена начинают текст, они способствуют движению сюжета, вводя новое в содержание; определенные имена способствуют стабильности, они обеспечивают идентификацию актантов, кореферентность имен.

Дискуссионным является вопрос, как именно организована каждая из частей категории (иерархия смысловых единиц и средств их выражения), а также вопрос, являются ли определенность и неопределенность членами одной оппозиции или возможно их раздельное существование в языках.

* * *

В основе современной теории референции лежат идеи Бертрانا Рассела², а точнее, его идея денотации. Рассел четко разграничивал имена собственные и дескрипции. Имя представляет собой простой символ, способный выполнять только функцию субъекта суждения. Имя обозначает индивидуальные предметы и его значение столь же неповторимо. Оно может быть охарактеризовано как индивидуальное. Имя, употребленное с целью идентификации объекта, всегда референтно. Кроме имени собственного функцию референции выполняют денотативные выражения, или дескрипции. Под таковыми Рассел имеет в виду имена нарицательные и именные словосочетания. Такого рода словосочетания следует считать обозначающими. Они могут называть один вполне определенный предмет. В этом случае денотативные фразы (именные группы) являются определенными.

Денотативные фразы могут быть отнесены к разным предметам. В таком случае они являются неопределенными. Денотативные фразы, по Расселу, представляют собой неполные символы.

Определенные дескрипции отличаются от неопределенных только импликацией единичности референта. Определенные референции – это одновременно и индексы, и символы. Их иногда так и называют – индексальные символы. Они имеют смысл и вместе с тем, подобно собст-

² См. [Russell 1905] (здесь и далее сноски ред.).

венным именам, относятся только к одному предмету. Ш. Балли³ называл такого рода выражения речевыми именами собственными.

Многие определенные дескрипции самим своим смыслом предполагают уникальность референта.

Тенденция к введению в теорию референции прагматического фактора в полной мере проявила себя в концепциях речевых актов. Учет прагматической стороны, то есть переход от категорий языка к категориям речи, ведет к расщеплению многих языковых понятий на две разновидности, одна из которых ориентирована на говорящего, а другая – на адресата речи. В связи с этим и языковые категории начинают подразделяться на связанные преимущественно с говорящим или преимущественно с адресатом речи. Первых, естественно, насчитывается гораздо больше. В определение всех категорий, связанных с говорящим, вводится понятие коммуникативного намерения. Референция также включается в сферу, центром которой является говорящий, и связывается с коммуникативным намерением.

Критика:

Важная идея референции как интенционального акта не должна скрывать от нас факта существования чисто языковых конвенций, которые способны взять верх над частным намерением говорящего.

Позже было выявлено, что выделенная Расселом группа определенных дескрипций негомогенна – в ней стали выделять референтное, атрибутивное и гипотетическое употребление определенных дескрипций.

При референтном употреблении дескрипция относится к предмету, известному собеседникам. Говорящий дает адресату инструкцию для выбора из доступного ему поля знаний о мире лица или предмета, о котором делается сообщение. Она является не более чем орудием для выполнения некоторой подсобной, вспомогательной задачи.

При атрибутивном употреблении определенная дескрипция относится к некоторому лицу или предмету, которые неизвестны, но их единичность имплицитно сообщается. Можно говорить об авторе анонимного письма, водителе потерпевшей аварию машины, не будучи в состоянии идентифицировать эти предметы. Они достаточно однозначно имплицитно сообщаются предикатом сообщения о событии.

Субъект предложения, выраженный определенной дескрипцией, может допускать обе интерпретации – референтную и атрибутивную. Правда, круг таких дескрипций не может быть очень широким.

Иногда в особый вид выделяют гипотетическую референцию.

Они хотят, чтобы их сын стал пианистом, если у них родится сын.

Референтность подобной дескрипции зависит от выполнения условия. Речь в данном случае идет о некоей воображаемой предметной области.

³ См. [Балли 1955].

Механизм образования определенных дескрипций

Наибольшие возможности для формирования определенных дескрипций прежде всего связаны с придаточными ограничительными (рестриктивными придаточными). В языках, располагающих артиклем, введение рестриктивного придаточного сопровождается введением артикля. Тем самым говорящий сообщает о своем намерении исчерпать разряд предметов, обозначенных именной группой. Ограничительное придаточное выводится из предтекста.

На углу я увидел человека. Человек (которого я увидел) кого-то ждал.

Превращение именной группы в единичный терм происходит на основе предшествующего текста, создающего условия для формирования ограничительного придаточного.

При этом необходимо отметить, что именная часть сказуемого не может использоваться для повторной номинации в предложении, непосредственно следующим за данным.

Субъект и предикат выполняют в предложении существенно различные функции. Субъект и другие термы конкретного значения замещают в речи предмет действительности, который они призваны идентифицировать для адресата сообщения, то есть они выступают в своей денотирующей функции. А предикат, служащий целям сообщения, реализует только свое сигнификативное (абстрактное, понятийное содержание), то есть смысл. Значение субъекта прозрачно, и сквозь него отчетливо просвечивает денотат.

Определенные дескрипции опираются на высказывания, заключающие в себе сообщение о бытии предмета. Можно считать, что референтное употребление имени имеет в качестве своей пресуппозиции утверждение о существовании предмета.

Гораздо более сложен вопрос о **неопределенных дескрипциях**.

В экзистенциальной версии неопределенная дескрипция лишена референтности, то есть не соотносена с предметной областью. Предложение типа *Виждам човек* скрывает за собой утверждение о существовании некоторого лица. Участие экзистенциального утверждения в предложениях, содержащих неопределенные дескрипции, поддерживается тем, что они практически не употребляются в отрицательной форме.

Прагматическая точка зрения на неопределенность основывается на том, что неопределенные дескрипции сводятся к указанию на то, что категория неопределенности сигнализирует о различиях в осведомленности собеседников. Прибегая к неопределенной дескрипции, говорящий дает понять собеседнику, что он имеет в виду конкретный предмет, который неизвестен собеседнику и который тот соответственно не должен искать в своем фонде знаний о мире или коммуникативной ситуации и отождествлять с каким-то известным предметом.

Необходимым условием употребления неопределенной дескрипции, имеющей единичного референта, является убеждение говорящего, что

его сообщение касается только одного предмета. Проблема неопределенных дескрипций в значительной степени проясняется, если принять во внимание их функциональную неоднородность.

С. Куно⁴ на материале английского языка выделяет четыре типа неопределенных дескрипций: качественную, неконкретную (неспецифическую), конкретную (специфическую), родовую.

По его мнению, качественная референция, или собственно отсутствие референции, характеризует имя в функции предиката. Родовая референция есть отнесение предмета к классу или к любому предмету класса. Под неопределенной конкретной референцией понимается отнесение имени к конкретному предмету, существующему в предметной области говорящего. Если, употребляя именную группу, говорящий не имеет в виду конкретный объект, имеет место неконкретная (неспецифическая) референция.

По мнению Арутюновой⁵, существенно различать следующие типы референции:

- Отнесение имени к признакам класса (*Этот предмет – карандаш*);
- Отнесение имени к любому члену класса (*Дай мне карандаш*);
- Отнесение имени к объекту, известному говорящему, но неизвестному адресату (*Вчера я встретил одного друга*);
- Отнесение имени к единичному, но неидентифицированному предмету (*Вчера было совершено ограбление банка. Грабитель не пойман*);
- Отнесение имени к идентифицированному объекту (*Петя женился на Вере*);
- Отнесение имени к целиком взятому классу объектов (*Люди смертны*).

Важнейшим понятием при рассмотрении определенности является понятие референции. Референция — это соотнесение языковых выражений с действительностью, механизмы, позволяющие связывать языковые сообщения и их компоненты с внеязыковыми объектами, событиями, фактами, положением вещей в реальном мире. Референция — это соотнесенность с индивидуальными и каждый раз новыми объектами и ситуациями, поэтому референция имеет место не для слов и выражений языка, а только для их употреблений в речи, то есть для высказывания и его компонентов. Референция - это свойство данного предложения и его компонентов в высказывании.

Е. В. Падучева⁶ считает референцию свойством

А) целого предложения (употребленного в составе высказывания),

⁴ См. [Куно 1970].

⁵ См. [Арутюнова 1976].

⁶ См. [Падучева 1985].

Б) пропозициональных компонентов, входящих в состав такого предложения,

В) именных групп предложения (также в составе высказывания).

Для понимания сущности определенности, разумеется, важны все три аспекта референции, но наиболее значимым представляется последний, а именно соотношенность именных групп с объектами внеязыковой действительности. Предложение само по себе не имеет референции — оно не связано ни с какой конкретной ситуацией, ни с какими объектами окружающей действительности.

Референция осуществляется в ходе речевого акта, но все ее средства принадлежат языку. В ходе речевого акта говорящий только приводит в действие те механизмы референции, которые заложены в семантике предложения.

Референциальные аспекты семантики предложения вступают в многообразные связи со всеми уровнями его структуры — с лексической семантикой, с семантикой грамматических категорий (прежде всего с видом, временем и наклонением), с синтаксической структурой (изменение синтаксической функции слова может менять его референциальные свойства). Референция находится в сложном взаимодействии с коммуникативной структурой предложения — с его актуальным членением.

В то же время осуществление референции тесно связано с прагматикой коммуникативного акта. Сама семантика референциальных элементов языка прагматична — она обращена на участников коммуникативного акта, на их общий фонд знаний о мире, на контекст. Смысл слова, выполняющего референциальную функцию, — это своего рода инструкция по нахождению референта, выполнить которую предстоит участникам речевого акта. То есть можно сказать, что референция связана с индивидуализацией объектов. Самый эффективный механизм индивидуализации — указание на связь объекта с тем речевым актом, в котором о нем идет речь.

Имеется и другой аспект связи референции с прагматикой. Референция тесно связана с отнесением объекта к тому или иному таксономическому классу. Логико-семантический аспект референции определяется тем, как именно выражение соотносится с этим классом — выбирает ли оно один объект класса, весь класс, его часть. Во всех языках выражение именно этой семантической информации тесно связано с категорией определенности (грамматической в артиклевых языках и скрытой, семантической — в языках безартиклевых). Речь в данном случае идет о прагматическом противопоставлении по известности / неизвестности объекта для говорящего и слушающего.

С действительностью соотносятся не только предложения с конкретной референцией, но и высказывания типа *Дельфин — млекопитающее*. Так что более правильным будет понимать референцию более широко, нежели соотношенность с действительностью при конкретной референции.

Вопрос о том, существует ли объект в реальном мире (или в мифе, или в воображении говорящего) в компетенцию лингвистики не входит.

Ясно, что предопределенность референции смыслом и роль семантических и прагматических факторов в референции неодинакова у разных типов выражений, способных к референции.

Имена собственные не имеют значения (концепта) в языке, если не считать такого общего значения, как отнесение объекта к той или иной категории — людей, городов, планет и т. п. Обычно такая категоризация понятна. Таким образом, референция имен собственных основана не на их смысле, а на внеязыковых знаниях говорящих. Имена собственные служат для упоминания объекта без приписывания ему каких-либо свойств.

Индексальные, или дейктические, указательные, слова и выражения имеют значение, единое во всех своих употреблениях, и референт в соответствующем контексте предопределен этим значением однозначно. Так, однозначны референты **я** и **ты** в каждом конкретном речевом акте. Однако такая однозначность референта не исключает его неопределенности (неопределенная протяженность в пространстве и времени, задаваемая словами *здесь* и *сейчас*). Значение таких элементов представляет собой «прагматическую программу», реализовать которую говорящие могут только в конкретном речевом акте. Соотнесенность с объектами основана здесь на таких прагматических сущностях, как коммуникативное намерение говорящего, фонд общих знаний собеседников, коммуникативная организация высказывания, внеязыковой контекст речевого акта и т. п.

Референция **именных групп, включающих в себя общие имена (т. н. дескрипции)** основана и на языковом значении общих имен, и на значении индексальных элементов, со всеми его прагматическими компонентами.

Общие имена сами по себе референции не имеют, они приобретают ее только в составе дескрипций.

Референция именных групп с предметным значением⁷

Врач пришел только к вечеру. — Лекарят дойде едва вечерта.

В этом высказывании обозначается индивидуализированный языковой объект. Один врач выделен из множества всех врачей — если не заранее (а сама ситуация, по-моему, предполагает, что заранее), то самим фактом своего участия в действии, которое описывается в предложении. Иначе говоря, у данного слова в этом предложении есть референт.

Надо найти какого-нибудь врача. — Трябва да намерим лекар.

Здесь не имеется в виду какой-либо индивидуализированный объект, ИГ *какого-нибудь врача* не имеет референта.

Врач должен внимательно выслушать больного.

⁷ В тексте ссылка на Е. В. Падучеву, см. [Падучева 1985].

В данном случае *врач* подразумевает скорее всего *всякий врач* и некоторым сложным образом соотносится со всем множеством врачей, которые были, есть и будут, то есть с экстенционалом слова *врач*, с его понятийным содержанием.

Иван — врач.

В данном высказывании слово *врач* вообще не обозначает никакого объекта действительности, а указывает на свойство. Врач здесь является предикатом.

Завтра я пойду к врачу.

В данном высказывании статус слова *врач* неоднозначен. Оно может быть понято как (1), а может - как (2), в зависимости от ситуации и контекста.

Несмотря на разнообразие возможных трактовок количество типов денотативного статуса ограничено.

Разные исследователи выделяют их по-разному. Тип соотнесенности данной ИГ в предложении одинаков во всех речевых актах, он предопределен смыслом и структурой ИГ и ее контекстом.

Этот тип соотнесенности называется денотативным статусом (или референциальным статусом).

Реальная соотнесенность ИГ с внеязыковым объектом возникает только в конкретном высказывании, а денотативный статус, то есть предназначенность ИГ к тому или иному типу референции существует в предложении.

В первом приближении именная группа состоит из общего имени (вершины) и актуализатора. Соединение общего имени с актуализатором образует так называемую актуализованную ИГ, то есть ИГ, предназначенную для референции.

К числу актуализаторов относятся такие слова, как *этот, тот, который, какой-то один из, два* и т. п.

Е.В. Падучева выделяет три референтных статуса — определенный (и для говорящего, и для слушающего), слабоопределенный (только для говорящего, но не для слушающего) и неопределенный (для говорящего).

Фактически получается, что Падучева считает референтными только специфические референтные ИГ, о нереперентных речь идет отдельно, а о неспецифических ИГ речь не заходит вовсе. Это, возможно, оправданно для безартиклевых языков, хотя все равно представляется сомнительным.

Среди нереперентных именных групп Падучева выделяет два крупных класса: субстантивные и предикатные.

Среди субстантивных она выделяет следующие типы:

- экзистенциальный (в трех разновидностях),
- универсальный,
- атрибутивный,
- родовой.

Экзистенциальные ИГ употребляются тогда, когда речь идет об объекте (в частности о множестве объектов), который относится к классу объектов того же рода и не индивидуализирован, то есть не то чтобы неизвестен говорящим, а в принципе не может быть предъявлен или указан, потому что он не выбран из этого класса.

Экзистенциальные ИГ делятся на три группы:

1. Дистрибутивные ИГ обозначают участников, распределенных по некоторому множеству однотипных событий, в каждом событии участник свой, но в принципе может быть одним и тем же.

К каждому участнику приехали его родственники. (это предложение дает возможность в дальнейшем показать, как работает модель уровневого регулирования).

2. Неконкретные ИГ. Они фигурируют в контексте снятой утвердительности. Такой контекст создают модальные слова *может, хочет, должен, необходимо*, а также повелительное наклонение, будущее время глаголов, вопрос, отрицание (в том числе и внутрилексемное, как в глаголах *не хватает, отказывается, запрещает, отрицает*).

Джон хочет жениться на какой-нибудь иностранке (для болгарского языка здесь актуально употребление с рулевым маркером или с маркером *един*).

Директор фирмы ищет новую секретаршу (сравнить с артиклевым употреблением⁸).

3. Общеэкзистенциальные ИГ. Они позволяют говорить об объектах с определенными свойствами, не имея в виду конкретных объектов.

Некоторые товары портятся при перевозке. В этом лесу водятся лоси. Многие люди боятся тараканов.

Общеэкзистенциальный статус — это статус подлежащего в так называемых частных суждениях традиционной логики, то есть суждениях о части абстрактного целого (множества). Такие ИГ возможны только в контексте предикатов, выражающих постоянные свойства.

Противопоставление референтных неопределенных ИГ экзистенциальным неконкретным происходит по признаку конкретность (*specific* [Fillmore 1967]). Трактовка их как неопределенных — дань форме — в артиклевых языках и то и другое значение выражается неопределенным артиклем. Но в современной болгарской традиции статус неопределенных конкретных (специфических) признается только за именными группами с *един* [Ницолова 2008].

4. Универсальные ИГ.

Все дети любят мороженое.

Если сравнить с *Все сотрудники отдела выполнили свои задачи*, то станет ясно, что референциальная природа соответствующих ИГ раз-

⁸ Имеется в виду, что лишь при безартиклевом оформлении объекта в соответствующем болгарском предложении: *Директорът на фирмата търси нова секретарка* речь идет о неконкретной ИГ. При использовании артикля в именной группе — *Директорът търси новата секретарка* — ИГ перестает быть неконкретной. (Прим. М.Б.)

лична. Во втором случае речь идет о конкретном определенном множестве, существующем в общем поле зрения говорящих.

В первом предложении имеется в виду абстрактное множество, составляющее экстенционал слова *дети*.

ИГ может трактоваться как универсальная только при условии, что она построена на базе общего имени с открытым экстенционалом.

5. Атрибутивная ИГ.

Атрибутивная ИГ иллюстрируется классическим примером:
Убийца Смиа сумасшедший.

Говорящий имеет в виду существование убийцы и его единственность, но не имеет в виду никакого конкретного человека.

Атрибутивная дескрипция весьма изысканное явление, так как она позволяет яснее понять сущность конкретной референции - ее несводимость к презумпции существования и единственности.

6. Родовые ИГ.

ИГ соотносится с представителем класса, причем не с любым, а как бы с эталонным, типичным.

Иван может убить медведя. Он играет на скрипке. Скорпион похож на кузнечика. Глаз у этой рыбы имеет форму груши.

Родовое употребление является неререферентным, поскольку не обязывает говорящего к признанию существования индивидуализированного объекта в универсуме речи: обсуждается род объектов на примере одного представителя.

Разновидностью родового употребления является такое, когда имеется в виду весь род или весь вид в целом.

Рыбы составляют один из классов в типе хордовых.

Родовая ИГ в безартиклевых языках не имеет актуализатора. В артиклевых языках родовое значение артикля, как правило, не бывает единственным.

7. Предикатные ИГ.

Предикатная ИГ - это чистое общее имя. В безартиклевых языках в составе такой ИГ не бывает актуализаторов. Это ИГ в функции предикатива при связочном глаголе.

Моя мать врач. Саладин превратил эту церковь в мечеть. Вальтер Скотт - автор «Айвенго».

* * *

До сих пор дискуссионным является вопрос о главном значении определенности, или, иначе говоря, инварианте значения определенности.

Наиболее существенной является в данном аспекте разница между теориями, представляющими определенность как идентифицируемость, и теориями, представляющими инклюзивность как основное значение определенности.

Теории, основанные на идентифицируемости, подразумевают, что именная группа может иметь маркер, который сигнализирует слушателю, что он способен идентифицировать референт по ряду определенных

причин. Можно перечислить некоторые из этих оснований идентификации: референт мог быть упомянут ранее, или он может быть выведен непосредственно из ситуации, в которой было сделано высказывание, или он может быть определен на основании общих знаний о мире. Идентификационная трактовка более актуальна для специфической референции. Эта традиция наиболее полно представлена в работах Кристоферсона⁹, Есперсена¹⁰, Хейма и др.

Теории, представляющие определенность как инклюзивность, интерпретируют определенность, определяя ее как индикатор того, что референция относится к полному набору, который удовлетворяет дескрипцию. Это предполагает, что полный набор предопределяется типом имени и частным контекстом. Для имен собственных это уникальный референт, тогда как для собирательных и считаемых имен она относит к единственно релевантному в данной ситуации общению набору. Или к роду в целом. Инклюзивность особенно успешно описывает определенность в родовых контекстах. Традиция инклюзивности берет начало в трудах Б. Рассела¹¹ и наиболее полно представлена у Хокинса¹².

Младенова¹³ (вслед за Ревзиным и Лайонзом, считающими, что определенность – такая же грамматическая категория, как род или число) полагает, что, если определенность грамматикализована в языке, она может развивать разные значения, такие, как инклюзивность, генеричность, специфичность и т.д.

* * *

Прагматическая точка зрения на неопределенность основывается на том, что неопределенные дескрипции сводятся к указанию на то, что категория неопределенности сигнализирует о различиях в осведомленности собеседников. Прибегая к неопределенной дескрипции, говорящий дает понять собеседнику, что он имеет в виду конкретный предмет, который неизвестен собеседнику и который тот соответственно не должен искать в своем фонде знаний о мире или коммуникативной ситуации и отождествлять с каким-то известным предметом.

Необходимым условием употребления неопределенной дескрипции, имеющей единичного референта, является убеждение говорящего, что его сообщение касается только одного предмета. Проблема неопределенных дескрипций в значительной степени проясняется, если принять во внимание их функциональную неоднородность.

С. Куно на материале английского языка выделяет четыре типа неопределенных дескрипций: качественную, неконкретную (неспецифическую), конкретную (специфическую), родовую.

⁹ См. [Christopherson 1939]

¹⁰ См. [Jespersen 1924], [Jespersen 1954].

¹¹ См. [Russell 1905].

¹² См. [Hawkins 1978].

¹³ См. [Mladenova 2007].

По его мнению, качественная референция, или собственно отсутствие референции, характеризует имя в функции предиката. Родовая референция есть отнесение предмета к классу или к любому предмету класса. Под неопределенной конкретной референцией понимается отнесение имени к конкретному предмету, существующему в предметной области говорящего. Если, употребляя именную группу, говорящий не имеет в виду конкретный объект, имеет место неконкретная (неспецифическая) референция.

По мнению самой Арутюновой¹⁴, существенно различать следующие типы референции:

3. Отнесение имени к признакам класса (*Этот предмет – карандаш*);
4. Отнесение имени к любому члену класса (*Дай мне карандаш*);
5. Отнесение имени к объекту, известному говорящему, но неизвестному адресату (*Вчера я встретил одного друга*);
6. Отнесение имени к единичному, но неидентифицированному предмету (*Вчера было совершено ограбление банка. Грабитель не пойман*);
7. Отнесение имени к идентифицированному объекту (*Петя женился на Вере*);
8. Отнесение имени к целиком взятому классу объектов (*Люди смертны*).

Бытийные предложения – предложения о существовании. Для этих предложений характерна неререферентность имени, в отличие от субъекта суждения в классическом предложении (классического подлежащего).

В интродуктивных предложениях всегда речь идет о предмете, известном говорящему, но неизвестном адресату.

Е. В. Падучева¹⁵ выделяет три референтных статуса - определенный (и для говорящего, и для слушающего), слабоопределенный (только для говорящего, но не для слушающего) и неопределенный (для говорящего).

Фактически получается, что Падучева считает референтными только специфические референтные ИГ, о неререферентных речь идет отдельно, а о неспецифических ИГ речь не заходит вовсе. Это, возможно, оправданно для безартикульных языков, хотя все равно представляется сомнительным.

Референтные именные группы

Поскольку определенность не является чисто семантическим явлением, а носит семантико-прагматический характер, для понимания ее сущности очень важно понимание отношения говорящего к референту – предмету, обозначенному именем. При этом говорящий имеет в виду возможное отношение к референту и со стороны слушателя.

¹⁴ См. [Арутюнова 1982].

¹⁵ См. [Падучева 1985].

Важно отметить, что Р. Ницолова рассматривает в качестве особой ситуации, актуальной для понимания определенности, и ситуацию воспроизведенной речи. В данной ситуации есть два лица, отношение которых к референту может быть обозначено, — автор речи и воспроизводящий речь, который принимает во внимание возможное отношение своего слушателя к референту в акте воспроизведения речи. Она рассматривает пример из Радичкова:

- *Кой се дави? - попита машинистът.*

- *Едно дете, под моста се дави – каза момчето.*

- *Дете се давело в реката – предадоха по вагоните.*

Именная группа *едно дете* представляет референт как обладателя индивидуальных признаков, известных говорящему, но неизвестных слушателю. Именная группа *дете* уже представляет референт с точки зрения воспроизводящих речь мальчика. Воспроизводя чужую речь, они представляют референт только с точки зрения его родовых признаков, абстрагируясь от индивидуальных, которые им неизвестны. В том случае, когда автор актуальной речи и его воспроизводящий имеют одинаковое отношение к референту, например, им известны индивидуальные признаки референта, именная группа будет употреблена с артиклем. Если же и автор актуальной речи, и воспроизводящий абстрагируются от индивидуальных признаков референта, оба они используют именную группу с нулевым артиклем, при этом возможное отношение слушателей в обоих речевых актах вообще не принимается во внимание. Следовательно, отношение слушателя к референту принимается во внимание говорящим только при двух видах артикля – определенном и неопределенном, но ни в коем случае не при нулевом.

В подтверждение данного положения Р. Ницолова рассматривает следующий пример речевого акта с тремя участниками, где первый участник с помощью совершенно разных именных групп обозначает один и тот же референт в зависимости от степени осведомленности каждого из своих слушателей.

Да побързаме за заседанието! (адресат высказывания осведомлен).

Сега ще ходим на едно заседание за новите учебни планове. (адресат высказывания не осведомлен).

Начиная с Рассела, многие авторы трактуют значение определенного артикля как «существование» и «единичность».

Разница в значении определенного и неопределенного артикля состоит в том, что определенный указывает на единичность, а неопределенный не противоречит единичности.

Несомненно, что с точки зрения экзистенции оба артикля обозначают один объект, но в интенциональном плане между ними есть разница: употребляя определенный артикль, говорящий предполагает, что для слушателя это однозначно; употребляя же неопределенный артикль, говорящий полагает, что данный референт для слушателя один из множества референтов и слушатель не в состоянии определить его иным

образом, чем через предикат соответствующего предложения (*Влязох в един магазин. Магазинът се оказа много скъп*).

Нулевой артикль также в состоянии указывать на существование единичного референта (*Влязох в магазин*). Именная группа с нулевым членом представляет референт только через его родовые признаки, то есть как неспецифический (неконкретный), поскольку говорящий в данном случае абстрагируется от индивидуальных признаков. Слушатель при этом тоже должен мыслить о референте только через его родовые, но не индивидуальные признаки.

По этой причине именные группы с нулевым членом не являются ни определенными, ни неопределенными (по определению М. Лаковой¹⁶, они адефинитны).

Оба типа именных групп, будучи впервые упомянуты в тексте, могут открыть кореферентную цепочку, в которой далее в тексте участвуют различные элементы.

Очевидно, что в значении артиклей важную роль играет отношение говорящего к индивидуальным признакам референта, а также предполагаемое отношение слушателя к этим признакам.

Анна се омъжи за италианец.

Анна се омъжи за един италианец.

Анна се омъжи за италианеца.

Следует помнить, что для автора актуальной речи референт, обозначенный именной группой с *един*, обычно является определенным, тогда как для воспроизводящего речь он, как правило, не определен.

Неспецифические именные группы обозначают референт вне его индивидуальных признаков.

Специфические именные группы обозначают референт с учетом его индивидуальных признаков. При этом в случае с определенным артиклем индивидуальные признаки известны обоим участникам речевого акта, а в случае с неопределенным артиклем *един* – только говорящему.

Для воспроизводящего речь они могут быть неизвестны, и тогда вместо именной группы с определенным артиклем он употребит именную группу с артиклем *един* или именную группу с нулевым артиклем.

Р. Ницолова излагает мнение Т. Шамрай¹⁷, которая считает, что если слушатель знает, что в доме говорящего есть больной, возможны три варианта высказывания при одинаковой неосведомленности участников коммуникации относительно объекта.

След малко ще дойде лекар.

След малко ще дойде един лекар.

След малко ще дойде лекарят.

С первым примером все ясно.

Второй пример, скорее, показывает разную степень неосведомленности говорящего и слушателя – говорящий знает.

¹⁶ См. [Лакова 1997].

¹⁷ [Шамрай 1989].

А пример три затруднительно объяснить одинаковой степенью неосведомленности.

Однако некоторые авторы, в частности Хокинс, полагают, что, несмотря на невозможность идентификации референта обоими участниками коммуникативной ситуации, в данном случае допустимо вести речь о некоей специфицированности, об индивидуальных признаках врача: по конкретному вызову придет тот врач (единственный представитель этой профессии), который должен осмотреть данного конкретного больного.

Таким образом, в данном случае референт является элементом некоего прагматически определенного множества элементов, связанных с данным событием.

Семантико-референциальный уровень

На этом уровне необходимо классифицировать типы референтов, на которые указывает конкретная именная группа. Подобрать общий термин в данном случае довольно сложно, так как случаи использования выделенных в классификации способов выражения именных групп очень разнообразны, прежде всего с точки зрения референтности / нереперентности. Для обозначения семантического аспекта именной группы О. Младенова предлагает термин «дескрипция».

Дескрипции могут быть разделены на несколько категорий. При классификации возникают следующие оппозиции:

Родовые/неродовые.

В области родовых – конкретные/неконкретные (специфические/неспецифические).

В области конкретных (специфических) – определенные/неопределенные.

Определенные дескрипции могут относиться как к уникальным референтам (именам собственным), так и к релевантному члену класса.

Родовые дескрипции могут быть типизирующими или квантитативными (количественными).

Ядро в определенной группе составляют идентифицирующие дескрипции, а инклюзивные находятся на периферии. Получается, что ядро составляют индивидуальные дескрипции, а на периферии находятся квантитативные и уникальные (ситуативно) определенные дескрипции.

Если попытаться выстроить указанные группы по степени близости, получится следующая картина:

Количественные родовые – конкретные определенные – уникальные референты – конкретные неопределенные – неконкретные – типизирующие родовые.

Легко обнаружить связь между указанными типами дескрипций и определенными текстовыми регистрами (по Золотовой¹⁸).

¹⁸ [Золотова 1982], [Золотова, Онипенко, Сидорова 1998].

В модели Золотовой выделяются три монологических и два диалогических текстовых регистра.

Особенно явно прослеживается связь регистра с определенными типами дескрипций в монологических регистрах.

В графическом текстовом регистре, предназначенном для передачи реальных фактов, непосредственно воспринимаемых говорящим с помощью пяти чувств. Важнейшая оппозиция в аспекте определенности в данном регистре – оппозиция конкретные определенные / конкретные неопределенные. Поскольку данный регистр связан с конкретным моментом действия, для болгарского языка О.Младенова обозначает его как «веднъж-регистр».

В информативном текстовом регистре говорящий представляет обычные факты, которые не могут быть привязаны к конкретной точке во времени. Данный регистр представляет положение дел таким, каким оно видится в результате определенных ментальных операций. Релевантная оппозиция в аспекте определенности представляет здесь зону вокруг границ конкретной референции – количественные определенные, с одной стороны, и неконкретные – с другой. В данном регистре частотны темпоральные наречия *понякога, често, постоянно, всякога, винаги*. В связи с этим О. Младенова называет данный регистр «многократно-регистр».

Гномический текстовый регистр, предназначенный для представления общего положения дел в аспекте природных и социальных феноменов, предъявляющий целые классы объектов, предполагает присутствие родовых дескрипций (количественных и типизирующих). О. Младенова характеризует его как «вобще-регистр».

Поскольку классификация текстовых регистров имеет предикативную основу, типы присутствующих дескрипций тесно связаны с видом и временем глагола. Явно прослеживаются следующие связи: СВ / конкретные, НСВ / неконкретные и количественные определенные, абсолютное настоящее / родовые.

В результате получается, что для конкретных текстовых регистров характерны следующие виды дескрипций:

Графический (веднъж) – конкретные определенные индивидуальные, конкретные определенные уникальные, конкретные неопределенные.

Информативный (многократно) – конкретные определенные количественные, конкретные определенные уникальные, неконкретные.

Гномический (вобще) – родовые типизирующие, родовые количественные, конкретные определенные уникальные.

Примеры видов дескрипций.

Родовые типизирующие:

Кравата е бозайник.

Родовые количественные:

През зимата мечките спят.

Конкретные определенные количественные:

Тя не излиза сутрин преди да си изпие млякото.

Конкретные определенные индивидуальные:

Купихте ли подарък за детето?

Уникальный референт:

Дунавът се влива в Черно море.

Конкретные неопределенные:

На прозореца се показа дете.

Неконкретные:

От време на време минаваха коли.

Разумеется, говоря о связи регистра и типов дескрипций, О. Младенова имеет в виду наиболее характерные для данного регистра дескрипции, отнюдь не утверждая, что в регистре недопустимы иные дескрипции.

* * *

Применение дескрипций для отождествления предмета речи предполагает наличие у говорящих общей сферы идентифицирующих знаний и вместе с тем требует включения специальной системы актуализации, образуемой артиклями, указательными и притяжательными местоимениями. Этот механизм, в частности, способствует обращению имени нарицательного в речевое имя собственное (единичный терм).

Для успешного осуществления коммуникации необходимо, чтобы имя было правильно отнесено к референту.

Предметы могут быть определены, поскольку они идентифицируемы в контексте коммуникации, на основании общего фона знаний о мире или на основе ассоциативной связи с темой речи (топиком).

Наиболее очевидный случай представляет собой так называемая дейктическая определенность. Она связана с непосредственным наблюдением в ходе коммуникации.

Однако следует подчеркнуть, что не всегда предмет, находящийся в поле зрения обоих участников коммуникации, обозначается конкретной определенной именной группой. Так, неконкретная именная группа употребляется в том случае, когда предмет появляется в поле зрения говорящих или говорящий констатирует его наличие в общем поле зрения. Определенная конкретная именная группа в данном случае употребляется только тогда, когда мы намерены сообщить что-либо об этом предмете или с помощью включения обозначающей его именной группы в высказывание сообщить нечто о каком-либо другом предмете.

Дядо поне, хвърли брадвата настрана.

В письменном тексте преобладает анафорическая определенность, которая по существу является развитием дейктической.

1. Буквальное повторение одного и того же слова.

2. Употребление синонима или, чаще, родового слова.

3. Употребление существительного, образованного от прилагательного или глагола.

4. Употребление отглагольного существительного обобщенного характера.

5. Отсылка не к отдельному слову, а к целой ситуации.

Определенность может быть связана с фоновыми знаниями, которые могут носить ситуативный или культурный характер. Этот вид определенности О.Младенова называет экзофорической определенностью. Такая определенность может быть связана с самыми разнообразными объективными отношениями, которые в реальном мире существуют между различными предметами.

Наибольшие возможности для формирования определенных дескрипций прежде всего связаны с придаточными ограничительными (рестриктивными придаточными). В языках, располагающих артиклем, введение рестриктивного придаточного сопровождается введением артикля. Тем самым говорящий сообщает о своем намерении исчерпать разряд предметов, обозначенных именной группой. Ограничительное придаточное выводится из предтекста.

На этом не заканчивается курс лекций, но заканчивается подготовленный О.А.Ржанниковой текст. Далее в курсе лекций рассматривалось еще несколько тем: «Количественная и родовая определенность», «Видовая определенность», «Неопределенный артикль», «Прагматический аспект категории» и др. О родовой и количественной определенности см. [Ржанникова 2012] — *М.Б.*

Литература / References

1. Арутюнова Н. Д. Предложение и его смысл. Логико-семантические проблемы. М., 1976.
2. Арутюнова Н. Д. Лингвистические проблемы референции. Новое в зарубежной лингвистике. Выпуск XIII. Логика и лингвистика. М.: «Радуга», 1982.
3. Золотова Г. А., Онипенко Н. К., Сидорова М. Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. М., 1998.
4. Золотова Г. А. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. М., 1982.
5. Лакова М. Категория неадефинитност / адефинитност, или категория „определеност / неопределеност“ // Български език, 1997. кн. 1. С. 12-24.
6. Ницолова Р. Българска граматика. Морфология. София, 2008.
7. Падучева Е. В. Высказывание и его соотносённость с действительностью (референциальные аспекты семантики местоимений). М., 1985.
8. Ржанникова О. А. Родовая и количественная определенность как лингводидактическая проблема при обучении болгарскому языку // 2-й Международный симпозиум «Славянские языки и культуры в современном мире»: Тезисы докладов. М.: МГУ, 2012.
9. Шамрай Т. Членувани и нечленувани имена в българския език. София, 1989.
10. Christopherson P. The articles. A study of their theory and use in English. London, 1939.
11. Fillmore C. On the Syntax of Preverbs. - Glossa, 1967, 1, 91-125.
12. Hawkins J. A. Definiteness and Indefiniteness. A Study in Reference and Grammaticality Prediction. London, 1978.
13. Jespersen O. Philosophy of Grammar. New York, 1924.
14. Jespersen O. A Modern English Grammar on Historical Principles. London, 1954.
15. Kramsky J. The article and the concept of definiteness in language. The Hague-Paris, 1972.
16. Kuno Susumu. Some properties of non-referential noun phrases // Studies in General and Oriental Linguistics. Tokio, 1970, p. 348—373. [Перевод в "Новое в зарубежной лингвистике", Выпуск XIII, Москва: «Радуга», 1982].
17. Mladenova O.M. Definiteness in Bulgarian. Modelling the processes of language change. Berlin, 2007.
18. Russell B. On denoting // Mind, New Series, Vol.14, No. 56, 1905, pp. 479-493.

АВТОРЫ ВЫПУСКА / AUTHORS

Ананьева Наталья Евгеньевна – доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой славянской филологии филологического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова

e-mail: slavlang.msu@gmail.com

Белова Мария Николаевна – кандидат филологических наук, доцент филологического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова; научный сотрудник Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН

e-mail: madam-mn-belova@ya.ru

Гливинская Вера Николаевна – кандидат филологических наук, доцент факультета иностранных языков и регионоведения Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова

e-mail: gli-vera@mtu-net.ru

Гудков Владимир Павлович – кандидат филологических наук, доцент филологического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова

e-mail: slavlang.msu@gmail.com

Делева Надежда Петровна - доктор факультета славянской филологии Софийского университета имени Климента Охридского (Болгария)

ndeleva@gmail.com

Иванова Ирина Евгеньевна – кандидат филологических наук, доцент факультета иностранных языков и регионоведения Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова

e-mail: iva53@inbox.ru

Изотов Андрей Иванович – доктор филологических наук, профессор филологического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова

e-mail: a.i.izotov@mail.ru

Каржавина Нина Николаевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры языков стран Центральной и Юго-Восточной Европы Московского государственного института международных отношений (Университета) МИД России

e-mail: ninakarzhavina@yandex.ru

Кудрявцева Юлия Владимировна – старший преподаватель Высших курсов иностранных языков МИД РФ
e-mail: lomonosov_julia@yahoo.com

Мельникова И.Ю. научный редактор Редакционно-издательского отдела Библиотеки иностранной литературы, модератор Школы молодого переводчика «Россия-Болгария»
e-mail: melnikova_ira@mail.ru

† **Ржанникова Ольга Александровна** – кандидат филологических наук, доцент филологического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова
e-mail: slavlang.msu@gmail.com

Седакова Ирина Александровна – доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Института славяноведения Российской академии наук
e-mail: irina.a.sedakova@gmail.com

Скачедубова Мария Вадимовна – аспирант Института русского языка имени В.В. Виноградова Российской академии наук
e-mail: maria-anna2121@yandex.ru

Тарасова Елизавета Юрьевна – кандидат филологических наук, старший преподаватель Православного Свято-Тихоновского университета
e-mail: eterent@yandex.ru

Тимонина Елена Васильевна – старший преподаватель филологического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова
e-mail: timoninaev@rambler.ru